

**С И Б И Р Ь
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ПРОБЛЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Вып. 2

Издательство Томского университета
Томск – 2000

Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей: Сборник научных статей / Под ред. Проф. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

Сборник продолжает публикацию статей и материалов, посвященных малоизученным проблемам истории и сегодняшнего дня в отношениях между Сибирью и странами Центральной Азии в сферах экономики, политики и культуры.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

профессор *В.П. Зиновьев* (отв. ред.),
профессор *А.В. Ремнев*, к.и.н. *А.Г. Тимошенко*

Сборник подготовлен при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда
Код проекта: 98-01-00330

ISBN №5-7511-1214-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей посвящен проблемам истории и современного состояния отношений Сибири и стран Центральной Азии. Сборник объединяет труды преподавателей исторических факультетов Томского, Новосибирского, Алтайского университетов, Барнаульского гос. пед. университета России, преподавателей Кокшетауского и Кустанайского университетов Республики Казахстан.

Статьи сборника по тематике можно разбить на две основные группы. В первую включены статьи, рассматривающие малоизученные вопросы истории взаимоотношений сибирских регионов и России со странами Средней Азии, Казахстаном, с Монголией и Китаем. Во вторую – статьи, анализирующие различные аспекты современных связей регионов Сибири, России в целом со странами Центральной Азии, Китаем и Монголией.

В статье профессора Томского университета В.П. Зиновьева дается краткий очерк истории определения границы России и Китая на западном ее участке. Аспирантка ТГУ Е.В. Карих рассматривает межнациональные отношения на Алтае в XIX – начале XX вв., где пересекались экономические интересы русских, казахов и алтайских народов. Профессор Новосибирского университета М.В. Шиловский рассказывает о малоизвестной странице научных открытий в Монголии. Доцент Алтайского университета А.В. Старцев в обстоятельной статье анализирует экономическую политику России в Монголии, а доцент Барнаульского пед. университета В.А. Бармин – политику Советского Союза в отношении Синьцзяна в заключительный период Второй мировой войны. Три статьи посвящены истории Казахстана в составе России: преподаватель Кустанайского университета А.А. Айтмухамбетов рассматривает становление системы образования в казахской степи, преподаватель Кокшетауского университета Ж.А. Ермакбаев исследует формирование национального самосознания казахов, предметом интереса студентки

III курса исторического факультета ТГУ Е. Бражевской стал национальный состав населения степных областей по переписи 1897 г.

Другая группа статей посвящена проблемам современности. Доцент ТГУ Е.Ю. Лицарева дает анализ экономических связей предприятий Томской области и стран Азии, старший преподаватель С.Н. Мирошников – места сибирских городов в процессе глобализации, аспирантка Е.Ю. Тышкевич - инвестиционной политики Казахстана, дипломница М.А. Циренжапова – международных связей Республики Бурятия. Студент IV курса ИФ ТГУ А.В. Петренко представляет оценку положения русского населения в современном Казахстане, а студент-дипломник ИФ ТГУ А. Носов предпринял попытку анализа правового статуса Каспийского моря. Студенты участвуют в работе специального семинара профессора В.П. Зиновьева “Россия и Центральная Азия” при кафедре теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности исторического факультета Томского университета.

В сборник включена статья доцента Барнаульского пед. университета В.А. Бойко об Исламском Эмирате Афганистан, в которой представлен обзор внутренней политики государства талибов.

В.П. Зиновьев

(Томский государственный университет)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII – XX ВВ.

В настоящей статье я обращаю внимание на историю формирования южных границ Западной Сибири, которая тесно связана с процессом формирования границ Алтайского горного округа Кабинета. Так или иначе данная проблематика затрагивалась в трудах исследователей истории Алтая¹.

Образование Алтайского округа сразу же повлияло на внешнюю политику России в Центральной Азии. Приведу несколько фактов. Само формирование Алтайского горнопромышленного и аграрного района вызвало внешнеполитические осложнения. Этот район контролировался в конце XVII – первой половине XVIII веков грозным соседом России – Джунгарией. Русские крестьяне-колонисты и рудознатцы вторгались в Киргизскую и Телеутскую земли – вассальные Джунгарским хунтайджи государственные образования. Хорошо известно, что первый в Западной Сибири сереброплавильный завод на реке Каштак (близ современного Мариинска) был оставлен не только по убогости руд, но и вследствие нападений “воинских людей”². Вассалы джунгарских владетелей сожгли острог на реке Каштак, Бикатунский острог, не раз осаждали Кузнецк и Томск. Одновременно с военными действиями велась и дипломатическая переписка, в которой высказывались взаимные претензии, приводились аргументы, доказывающие правомерность действий сторон. Интересно, что принцип, на основании которого Петр I в феврале 1715 г. отклонял притязания Джунгарии на Алтай, повторяется затем и в договорах XIX в. Этот аргумент прост: “Те земли сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки Обь, Енисей и Лена искони сибирские и от устья, где впади в Северное море, и до гор, из которых те реки потекли. Тако ж, которые реки впади в них, то те земли, откуда потекли те реки, земли Царского Величества...”³. Петровские дипломаты и сам царь исходили из того факта, что сибирские земли унаследованы Россией от побежденного Сибирского ханства, которое являлось частью Золотой Орды, земли которой также перешли по наследству к победителю и наследнику Золотой Орды – России.

Демидовские владения находились под защитой Иртышской и Колывано-Кузнецкой крепостных линий, однако они не раз подвергались набегам джунгар и теленгитов. Претензии джунгарских правителей по-прежнему сводились к тому, что русские вошли во владения их вассалов теленгутов, границы с которыми якобы обозначены засеками по устьям рек Оми, впадающей в Иртыш, и Черной Оми (Ини), впадающей в Обь. На современной карте это линия Омск – Новосибирск. По мнению джунгар, русские построили города “Томск, Кузнецк, Красноярск и крепости по Иртышу и заводы” на их территории и требовали таковые снести. И в 1733 г., и позднее русские джунгарам отвечали, что ни договоров о границах, ни обозначений границ никогда не было, что города построены издавна и более 100 лет назад, что местное население давно уже платит ясак в русские города. Главный же аргумент вновь сводился к тому, что “не для чего оным землям быть разграниченным, ибо оная до вершин всех рек, которые течение свое имеют в студеное море, принадлежат издревле Всероссийской империи”⁴.

Из-за враждебности джунгар в 1747 г. командующему Сибирскими линиями Х.Х. Киндерману и командиру Колывано-Воскресенских заводов А. Безру пришлось принять срочные меры к укреплению линии обороны заводов и рудников и увеличить число войск втрое – с 2,8 тыс. до 8 тыс. чел.⁵

После падения Джунгарии пограничные споры с Россией унаследовал Китай. Однако, сохранив претензии на прежние джунгарские владения, китайские власти не проявляли большой активности на Алтае, который был для них далекой, бедной и беспокойной окраиной. Для России же Алтай являлся главным источником пополнения серебряной казны. Подгоняемые серебряным блеском, горнопромышленники продолжали экспансию на юг. Лучшим способом закрепления территории за собой было ее освоение и заселение. Кабинет проводил активные разведки руд, посылая поисковые партии все далее к югу от Барнаула. Интенсивно проводились топографические съемки, проектирование и строительство поселений. В 1748 г. прапорщик геодезии Пимен Старцев обследовал местности по рекам Локтевке, Алею, Белой, Малой Белой, Ине, Чарышу, Убе и спроектировал 62 поселения на 1400 дворов. К 1760 г. 28 из них на 750 дворов уже существовали. В 1860 г. было принято решение о переселении с Урала и Тобольской губернии еще 2000 дворов. Параллельно с официальной шла и вольнонародная колонизация, нередко опережавшая линию крепостей и продвижение официальных границ.

С открытием Риддерского, Зырянского, Бухтарминского и других рудников современного Рудного Алтая возникла настоятельная необхо-

димось их прикрытия с юга, так как отряды калмыков и китайцев время от времени появлялись вблизи линии крепостей. Начальник заводов статский советник Гаврила Качка в 1791 г. донес в Кабинет о надобности построить крепость на Бухтарме. В 1792 г. в устье Бухтармы был заложен редут, а в устьях рек Черемшанки и Малой Нарымки были поставлены пикеты. В 1794 г. к Бухтарминскому редуту проложили 120-верстную дорогу для провоза фур с пушками. С постройкой Бухтарминского укрепления была закончена линия иртышских крепостей, и оборонительные сооружения от Бухтарминской крепости на юго-западе до форпоста Кузедеевского по Кузнецой линии на востоке приобрели окончательный вид.

Китайские власти вяло отреагировали на новое продвижение русских на юг. Лишь в 1794 г., явившись на Малонарымский пикет, китайцы потребовали перенести его на 50 верст в российскую сторону. Начальник пограничных линий Штрандман приказал отодвинуть пикет на 2 версты, чем и удовлетворил китайскую сторону. Столичные власти одобрили его действия и даже разрешили в случае дальнейших претензий отнести пикет еще на несколько верст, но без ущерба безопасности рудникам. В основном же рекомендовали мягко увещевать обиженных соседей⁶.

В "Истории Алтая", вышедшей в 1995 г., фактом строительства Бухтарминского редута завершается процесс присоединения Алтая к России⁷. Однако все было не так просто. Южная граница империи на западносибирском участке еще долго не была определена, вследствие существования последней империи кочевников – Джунгарии и кочевых сообществ киргиз-кайсаков, а значит, не были определены и границы Алтайского горного округа. Восточная граница с Китаем была установлена по Буринскому трактату 12 октября 1727 г. К западу же от хребта Шабин-Дабаг она уточнялась в течение всего XIX века. Линии границы как таковой не было. Более-менее определенной была точка соприкосновения по Иртышу, где крайним южным пунктом был Малонарымский пикет. В Горном же Алтае стороны болезненно воспринимали появление вооруженных отрядов соседей даже за несколько сот верст от пограничных крепостей. При этом тревога поднималась тогда, когда отряды китайских сборщиков дани и калмыки доходили до вершин рек Обской системы – Чулышмана, Башкауса, Чуи, Аргута, Калгутты и др.⁸

В 1822 г. зона ответственности Кабинета до южных границ империи была подтверждена законодательно. Именным указом Сенату "О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению" от 22 июля 1822 г. император повелел: "Заводскому начальству дозволяется распространять беспрепятственно горный промысел и поселения в Алтай-

ских горах за Бийскою линиею до границ китайских, без стеснения живущих там ясачных народов”⁹. Дело осталось за малым: эти границы определить, обозначить на карте и обустроить на местности.

На западе округа границы установились после усмирения Степи и размежевания 1838 г. На юге округа граница была принципиально установлена Пекинским договором 2 ноября 1860 г., утвердившим уже установившиеся зоны влияния государств на Алтае. Линия размежевания была установлена Чугучакским протоколом 25 сентября 1864 г. Статья, касающаяся Алтайского района, гласит: “Начиная от граничного знака Шабин-Дабаха, сначала вести границу на запад, потом на юг по Саянскому хребту; достигнув западной оконечности хребта Танну-Ола, поворотить на юго-запад, следуя Сайлюгемскому хребту, а от гор Куйтун идти на запад по Большому Алтайскому хребту, дошедши до гор. Лежащих между двумя реками Калгуты (по-китайски Халюту), находящимися на севере от озера Цзайсан-нор, поворотить на юго-запад и, следуя помянутыми горами, привести границу к горе Чакильмес, находящейся на северном берегу озера Цзайсан-нор, отсюда, сделав поворот на юго-восток, вести границу по берегу озера Цзайсан-нор и по берегу реки Черный Иртыш к пикету Маниту-Гуталхан.

На всем этом пространстве, для обозначения граничной межи между двумя государствами, принять за основание водораздел, так чтобы все земли, по которым текут реки на восток и на юг, отмежевать к Китаю, а все земли, по которым текут реки на запад и на север, отмежевать к России”¹⁰.

По этому протоколу китайская сторона обязалась в течение года перенести пикеты в глубь своей территории, так как граница сдвинулась к югу, в том числе перешли на российскую сторону пикеты Юстыд и Укек на Алтае. К России отошла долина реки Чуя. Договор прекратил двоеданство калмыков, живших по Чулышману и Башкаусу. Пограничные знаки (общим числом 12 в среднем через 50 верст) от Шибин-Дабага до горы Куйтун были поставлены пограничной комиссией в 1869 г. Знак – каракша представлял собой обычно кучу камней на вершине горы, реже – крест или каменную плиту¹¹.

К западу от горы Куйтун граница была уточнена еще раз – по Санкт-Петербургскому договору 12 февраля 1881 г. По этому договору Китаю был возвращен Илийский край, занятый русскими войсками в 1871 г. Однако западная часть его до гор Боджинтау на реке Хоргос до ее впадения в реку Или была оставлена за Российской империей. Далее граница шла по горам Узунтау. Новая граница пролегла и к востоку от Или между прежней границей и прямой линией, пересекающей Черный Иртыш от гор Куйтун к хребту Саур¹². Озеро Зайсан тем самым отошло

к России. Еще 12 лет понадобилось на установку пограничных столбов. Это изменение границ и было последним значительным передвижением линии границы между Россией и Китаем. Однако еще раз (в 1911 – 1914 гг.) при смене пограничных столбов от бугра Текельган до устья р. Хоргос русские власти передвинули границу на два км в сторону Китая¹³.

В советское время граница так и не была определена. Мало того, значительная часть пограничных знаков была уничтожена в период Гражданской войны, а граница местами сдвинута в китайскую сторону на 10 – 15 км. Переговоры о границе велись и в 60-е, и в 70-е гг., но безрезультатно. В 1987 г. были определены спорные участки и были начаты переговоры с участием делегаций союзных республик, а с 8 сентября 1992 г. – совместной делегацией Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана¹⁴.

Российско-китайская граница на западе сократилась до 54,57 км. Большую часть пограничных споров с Китаем на западном участке унаследовала теперь уже суверенная Республика Казахстан. Основные проблемы были решены на основе договоров прошлого века, и 26 апреля 1994 г. был подписан казахстано-китайский договор о границе. Спорные участки в районе перевалов Чоган-обо и Баймурза и в районе реки Сарычильды были разделены по дополнительному договору 4 июля 1998 г. таким образом, что три пятых спорной территории остались за Казахстаном, две пятых – закреплены за Китаем¹⁵. Тем самым Казахстан первым из стран СНГ решил свои пограничные споры с Китаем.

Соглашение о российско-китайской границе на ее восточном участке было подписано 16 мая 1991 г., на западном – 3 сентября 1994 г. Соглашение по мерам укрепления доверия в военной области в районе границы, заключенное главами государств России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Китайской Народной республики 26 апреля 1996 г. в Шанхае, ежегодные встречи лидеров “шанхайской пятерки” создали условия для преодоления разногласий и в российско-китайских отношениях¹⁶. В 1996 – 1997 гг. была демаркирована российско-китайская граница на протяжении 4249,79 км. На первой неформальной встрече Б.Н. Ельцина и Цзян-Цзэминя 22 – 25 ноября 1998 г. в Москве было заявлено, что полевые демаркационные работы на западной границе завершены и что “демаркируемая государственная граница России и Китая как на ее Восточной, так и на ее Западной частях впервые в истории отношений двух стран получила четкое обозначение на местности”¹⁷. Заключительная сессия российско-китайской демаркационной комиссии прошла в Москве 25 марта – 8 апреля 1999 г. Были парафированы протоколы описания границы на обоих ее участках¹⁸. Однако можно говорить об отсутствии проблем только относительно Западного участка. Что касается Восточного участка границы, то здесь предстоит еще дли-

тельные переговоры о совместном использовании отдельных ее участков, переходящих к другой стороне. Это относится, прежде всего, к 2,5 тыс. амурских островов.

Китайско-киргизское соглашение по государственной границе было подписано только в августе 1999 г. во время пребывания в Бишкеке председателя КНР Цзян Цзэминя. По словам министра иностранных дел Киргизии М. Иманалиева, соглашение решило правовые вопросы. Работа по демаркации границы, однако, еще не завершена¹⁹.

Таким образом, проблема разграничения с Китаем, унаследованная странами СНГ от Российской империи и СССР, сейчас успешно разрешается, что можно считать одним из главных достижений дипломатии России и стран Центральной Азии в последнее время. Вместе с тем далеко не все вопросы закрыты. Соотношение сил договаривающихся сторон теперь изменилось. Набирающий мощь Китай является сильнейшей стороной и вряд ли сейчас склонен поступаться своими интересами и территорией, как это случалось ранее.

¹ Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX века. М., 1978. С. 109 – 110.

² История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. С. 18.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 15. С. 536.

⁴ Моисеев В.А. Джунгария...

⁵ Тыжнов И.И. Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII – XX вв. Томск, 1999. С. 18 – 19.

⁶ История Алтая. Часть I. С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995. С. 106.

⁷ Русско-китайские отношения в XIX веке. Т. 1. 1803 – 1807 гг. М., 1995. С. 736 – 753.

⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 38. С. 344.

⁹ Русско-китайские отношения. 1789 – 1916 гг. Официальные документы. М., 1958. С. 46.

¹⁰ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. С. 210, 235.

¹¹ Русско-китайские отношения. 1689 – 1916 гг. С. 56.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1855. Т. 29. С. 278 – 279.

¹³ Что кроется за соглашением о границе с Китаем? (Интервью министра иностранных дел Казахстана К. Токаева) // Казахстанская правда. 1998. 15 июля.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Дипломатический вестник. 1998. № 8. С. 28.

¹⁷ Там же. № 12. С. 10.

¹⁸ Там же. 1999. № 5. С. 51.

¹⁹ Известия. 1999. 28 авг.

М.В. Шиловский
(Новосибирский университет)

К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ КАРАКОРУМА

Летом 1889 г. в истории исследования Центральной Азии произошло важное событие, вызвавшее сенсацию во многих центрах изучения этой тогда глухой части самого большого континента земного шара. Небольшой по составу (пять человек) экспедицией, организованной Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (Иркутск) и возглавляемой известным ученым, публицистом и общественным деятелем Н.М. Ядринцевым, были обнаружены развалины столицы государства Чингизидов Каракорума (Хара-Хорина, что значит в переводе с монгольского «черная ограда»). Обследуя остатки древнего города на правом берегу реки Орхон у стен буддийского монастыря «Эрдэнэ-Дзу» (основанного в 1585 г. на месте бывшей столицы), Николай Михайлович обоснованно предположил, что эти развалины и есть административный центр древнемонгольского государства.

Но не только это обстоятельство произвело сенсацию в ученых кругах: Н.М.Ядринцев и его спутники - художник-бурят С.А. Пирожков и топограф П.П. Смысловский - выявили каменные стелы Бильгэ-кагана и его брата Кюль-тегина с параллельными текстами на китайском и древнетюркском (более известном под названием орхонского рунического письма) языках. "Самое важное в находках г. Ядринцева несомненно заключается в открытии им каменных таблиц с двуязычными надписями, рядом с китайскими иероглифами текст, изображенный "руническими знаками" вроде минусинских. Предположение, что эти надписи представляют параллельные тексты, дает надежду дешифровать минусинские письма", - так первым в 1890 г. оценил находку выдающийся русский путешественник, исследователь Азии Г.Н. Потанин¹.

Орхоно-енисейские надписи, впервые открытые на Енисее С. Ремизовым, Ф. Страленбергом и Д. Мессершмидтом в 1696 – 1722 гг., были выполнены орхонским руническим письмом, служившим многим тюркоязычным народам раннего средневековья от Забайкалья до Киргизии. Их дешифровка датским лингвистом В. Томсеном (1893) и прочтение

текстов, выбитых на стенах Каракорума тюркологом В.В. Радловым (1894), позволили, по авторитетному мнению С.В. Киселева, Л.Г. Кызласова и Л.А. Евтюховой, “вывести на арену истории многие племена и народы, о которых до этого историки звали только из кратких сообщений официальных хроник китайского двора”².

Однако нас сейчас интересует не значимость открытия Н.М. Ядринцева - оно не оспаривается никем. После него развалины города, основанного Чингисханом в 1220 г., исследовали многочисленные экспедиции. В самом конце XIX в. А.И. Позднеев на основе анализа многочисленных источников подтвердил предположение, сделанное в 1889 г. по поводу местонахождения Каракорума. Наконец, в 1948 – 1949 гг. во время археологических раскопок, проведенных С.В. Киселевым, был окончательно решен вопрос о местонахождении города и подтвержден вывод Н.М. Ядринцева. Сейчас здесь в монастырском комплексе Эрдэнэ-Дзу открыт крупнейший в Монголии исторический музей-заповедник под открытым небом.

Привлекают внимание обстоятельства, приведшие к открытию мирового уровня, организация и проведение экспедиционных работ. Все путешествие в 1,5 тыс. верст на лошадях от Кяхты до верховьев Орхона и обратно заняло 50 дней и обошлось в мизерную сумму – 1 тыс. рублей (из которых 400 рублей выделил отдел РГО, а двести и четыреста рублей были собственными средствами С.А. Пирожова и Н.М. Ядринцева³. Пожалуй, это была самая “рентабельная”, кратковременная и в то же время результативная экспедиция за всю историю исследований в Центральной Азии. Да и назвать ее экспедицией можно с большой натяжкой, более подходит к данному случаю слово «поездка», которое употребляется во всех официальных публикациях о ней. Нужно иметь в виду, что руководитель ее до 1889 г. в Монголии не был, хотя имел определенный опыт организации и проведения подобных мероприятий. В 1878 и 1880 гг. Николай Михайлович совершил продолжительные поездки по Горному Алтаю, а в 1886 г. по поручению РГО выезжал в Восточную Сибирь для осмотра музеев и производства археологических раскопок. Поэтому удивляет точность наведения небольшого экспедиционного отряда на цель, Никаких отклонений, поисков, дополнительных переходов по бескрайним просторам Центральной Азии.

А ведь Каракорум начали искать давно, со времен посещения его Плано Карпини и Марко Поло в XIII в. Не удалось осуществить этого ближайшему другу и сподвижнику Ядринцева – Г.Н. Потанину, совершившему в течение 1876 – 1886 гг. три крупные экспедиции по восточной, северной и центральной Монголии. Объяснить удачу интуицией первооткрывателя также не представляется возможным. Накануне пу-

тешества Николай Михайлович переживал серьезный внутренний кризис, вызванный смертью жены, обострением разногласий с интеллигенцией Иркутска, где он издавал и редактировал газету "Восточное обозрение"⁴. И вот в разгар всего этого, как сообщает один из биографов Н.М. Ядринцева, "кому-то пришло в голову посоветовать (ему. – М.Ш.) бросить Иркутск, оставить на кого-нибудь "Восточное обозрение" и поехать в Монголию разыскивать мифический Каракорум"⁵.

По версии Г.Н. Потанина, этим кем-то был председатель иркутского (Восточно-Сибирского) отдела РГО В.Е. Яковлев, который "нашел и специальную для него задачу – поездку в Монголию для отыскания следов древнего города Каракорума"⁶. Но дело в том, что Василий Евграфович Яковлев был по специальности энтомологом и хорошо разбирался в жуках и бабочках, а не в тонкостях археологии Центральной Азии. Кто-то должен был ему, как руководителю научной организации, подсказать именно такой способ помочь не спиться редактору единственной в то время общесибирской газеты и предложить маршрут, а главное – цель поездки,

Этим кем-то, по нашему мнению, стал сам Григорий Николаевич Потанин (1835 – 1920), работавший а 1887 – 1890 гг. в Иркутске правителем дел (фактическим руководителем) Восточно-Сибирского отдела РГО. Он в момент сильнейшего духовного кризиса Н.М. Ядринцева уговорил его на время покинуть город и совершать поездку в верховья Орхона. Он же снабдил последнего точными данными о местонахождении древней монгольской столицы, позволившими путешественнику, не тратя время на поиски, точно выйти на цель. Г.Н. Потанин как бы подарил открытие мирового уровня своему товарищу и единомышленнику, тесными узами дружбы с которым был связан с 1860 г., и вместе с ним радовался по возвращении экспедиционного отряда, прозорливо замечая в письме: "Но во всяком случае отлично кончилось дело. Открытие Ваше наделает шума, особенно надписи в Каракоруме"⁷.

Григорий Николаевич со времени своей первой экспедиции в Центральную Азию начал собирать сведения о Каракоруме, и уже к 1877 г. имел достаточно точные сведения о его местонахождении⁸. Возвращаясь из третьей экспедиции в Кяхту, он со спутниками в октябре 1886 г. вышел к Орхону. Но "мы были связаны договором: с нашими возчиками, а поэтому не только не могли направить караван к развалинам, - записал Потанин в путевой дневник, - но не могли его задерживать на время, которое потребовалось бы для отдельной поездки к развалинам». Поэтому члены экспедиции лишь издали видели "четыреугольную насыпь», а от местных жителей узнали о местности, где будто бы находятся много плит, покрытых надписями"⁹.

Таким образом, Г.Н. Потанин мог установить с высокой степенью точности местонахождение Каракорума. А спустя два с половиной года, по его наводке, с минимальными затратами Н.М. Ядринцев открыл древнюю столицу Монголии для европейской науки. Все вышесказанное не принижает его вклада в изучение Центральной Азии, а является свидетельством самоотверженности и коллективизма, личной скромности отечественных ученых, к славной плеяде которых относились Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, 165-летие которого приходится на 2000 год.

¹ Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (ВСО-ИРГО). Иркутск, 1890. Т. 21. № 3. С. 7.

² Древнемонгольский город. М., 1965. С. 125.

³ Известия ВСОИРГО. С. 25; Ядринцев Н.М. Путешествие в верховье Орхона и развалинам Каракорума // Известия РГО. СПб., 1890. Т. 26. Вып. 1. С. 271.

⁴ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 62.

⁵ Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 368.

⁶ Потанин Г.Н. Воспоминания ... С. 69.

⁷ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т.4. С. 112.

⁸ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2. С. 75 – 76.

⁹ Потанин Г.Н. Таигутско-Тибетская окраина Китая и его Центральная Монголия. М., 1950. С. 563.

Е.В. Карих

(Томский государственный университет)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ КАЗАХОВ НА АЛТАЕ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Юг Алтая, его степи и горные долины всегда входили в область интересов кочевников. После падения Джунгарии казахи активно осваивали опустевшее пространство и к началу XIX стали уже частыми гостями на территории Алтайского горного округа Кабинета

Межэтнические отношения на Алтае, при всей важности этого сюжета, так и не стали предметом специального исследования. Стоит отметить, что они рассматривались, так или иначе, в работах Л.И. Шерстовой, Н.В. Алексеева, А.В. Коновалова, И.В. Октябрьской, В.П. Зиновьева¹. В юго-западных степях казахи встречали русское земледельческое население, а в горных долинах – кочевников-алтайцев (калмыков). Граница между Россией и Китаем на Алтае была долгое время не определена, и казахи пересекали ее, не всегда заботясь об оформлении официальных документов, туда и обратно. К началу XIX в. незначительное число казахов уже осело в горном округе, однако большая часть кочевала через границу с Китаем или приходила из-за Иртыша в поисках пастбищ для скота. При этом отношения их с русскими и калмыками складывались по-разному.

В 30 – 40-е годы отношения русских и казахов были откровенно враждебными, нередко были прямые столкновения. Русские прибегали в основном к побоям, казахи – к потравам пашен и краже лошадей. Пастись скот и красть лошадей было естественным для кочевых казахов. Отправной базой для них нередко служили немногочисленные улусы оседлых казахов, к коим приводили следы угнанного скота. Кочевники никогда не признавались в краже и если платили за ущерб, то ссылались на обычай – платить всякий раз, когда следы приведут к их кибиткам, без каких-либо отпирательств. Еще безнадежнее было вернуть скот, угнанный в Китай, когда даже казаки, доблестно стерегущие границы, запрящали крестьянам преследовать барантачей². Точно так же страдали от краж скота калмыки.

Казахи, кочующие в юго-западных степях округа, воровали лошадей и у вольных возчиков, перевозивших руды с Риддерского и Крюковского рудников на Змеевский завод. Хотя плата за эти перевозки была выше, чем обычно, возчиков, желающих наняться даже за повышенные расценки, было немного³.

Алтайская администрация запрещала казахам селиться в горном округе, кочевать близ рудников и земель калмыков, соляных озер, боров, неоднократно выселяла казахов (в 1848 г. и в другие годы). В 1854 г. по высочайше утвержденному положению Сибирского комитета не причисленным к крестьянским обществам казахам (киргизам) было запрещено проживание на землях казенных селений иначе как по особым срочным билетам и без права ставить юрты. Действие этого положения заставляло казахов переходить к оседлости в Сибири⁴.

Не способствовали сближению русских и казахов степные торговцы (казаки и татары). Они раздавали товары в долг и взыскивали проценты даже с родственников умерших должников. Нередко казахов, приезжавших в Семипалатинск за продовольствием, просто обирали на линии якобы за долги⁵.

В 1866 г. группа казахов обосновалась в Черно-Ануйском стане Алтайской духовной миссии. Они приняли православие и осели в селах Черный Ануй и Тадрала. Крестьяне Ануйской волости и калмыки второй, третьей, четвертой и шестой дючин неоднократно ходатайствовали о выселении киргизов, потому что они самовольно занимали кочевья и покосы, заимки, угоняли лошадей, скот, грабили ясачных калмыков. Только заступничество миссии за свою вороватую паству спасло ее от выселения. В 1891 г. казахи уже прочно осели на новом месте и просили образовать для них отдельную инородческую управу по образцу управ для оседлых инородцев⁶. В 1898 г. в Черном Ануе насчитывалось 74 русских хозяйства, 105 казахских и 6 калмыцких. Хозяйственные вопросы решались в селе на совместных сходах двух общин⁷. В конце XIX в. крещеных казахов в селениях Горного Алтая стали использовать в качестве ямщиков (пос. Келей и др.)⁸. Но такой ход событий был исключением, а не правилом.

Во второй половине XIX в. русские переселенцы смело селились на местах давних кочевий казахов в Змеиногорском округе в долине р. Бухтармы. В 1963 г. на правом берегу Бухтармы возникли три деревни: Черневая, Таловка и Медведевка. Их земельные споры с казахами привели к тому, что администрация в 1873 г. признала необходимым оставить русские селения на границе империи и отвести им земли в ущерб казахам, являвшимся китайскими подданными⁹.

На этом пограничные конфликты русских крестьян и казахов-кирейцев, являвшихся китайскими подданными, не закончились. 8 авгу-

ста 1872 г. из д. Черновой киреевцы угнали 60 лошадей. Крестьяне, собрав 100 чел., отправились в погоню по свежим следам и по пути вернули 20 лошадей, затем, прибыв в казахские аулы, потребовали вернуть остальных ворованных коней, но получили отказ. Крестьяне обратились за помощью к казакам Сибирского войска, стоявшим в поселке Уральском. Хорунжий Осипов с полусотней казаков и добровольцами из крестьян рассеял толпу киреевцев и отбил 1109 лошадей, потеряв в схватке 5 строевых лошадей. Большая часть лошадей, после удовлетворения крестьянских претензий, была возвращена депутации каюющихся казахов. Последние объяснили причину столкновения незнанием русских обычаев. После чего казахи откочевали частью за границу, частью – в долину р. Чуя, частью – в урочище Укок¹⁰. По всей видимости, китайские подданные из казахов давно уже кочевали в долинах рек Чуя, Укок, Калгутта и др. с разрешения родовых старшин 1-й и 2-й Чуйских волостей за плату в 350 руб. в год¹¹. Границей кочевий была река Джазатор (Ясатор). Калмыки кочевали по правому берегу, казахи – по левому¹².

В 1893 г. 100 кибиток казахов Чингистайского рода под предводительством Тохтамыса Муовова, арендовав у Зырянского лесничества кабинетские земли на правом берегу Бухтармы, вошли в долину реки Чуя. Их поход по Верхне-Бухтарминской волости свидетели сравнивали с нашествием Батыя. "...Потравили у них (крестьян. – Е.К.) хлеб, выкрали множество лошадей и рогатого скота; местных же сельских властей с понатыми, явившихся для оценки потрав и взыскания денег с виновных, избив, намеревались утопить, но были от этого избавлены нарочно отряженными людьми около 50 чел.", – так докладывал о событии чиновник по крестьянским делам 3-го участка Бийского округа¹³. Появление казахов в Чуйской долине нанесло также ущерб чуйским калмыкам, которые были стеснены в "зверопромышленности и в сборе кедровых орех". Вместе с китайскими киргизами (казахами) чингистайцы грабили и русские торговые караваны. Калмыки также жаловались властям, что казахи заняли лучшие места в долине Чуи, устроили свои айлы на сенокосных лугах, вырубали леса, и вообще чинят самоуправства и насилия. Казахи нередко укрывали у себя беглых из Китая соплеменников, виновных в преступлениях¹⁴. В 1894 г. пришельцы были выдворены обратно в казахские степи силами полиции, однако они еще не раз возвращались в долину Чуи, пока не утвердились в ней окончательно.

В 1897 г. по рекам Чаган-Бургазы и Тархота кочевали 23 кибитки (98 чел.) казахов Чингистайской волости, а вольных киргизов рода Сарыколдак, бывших китайских подданных, – 102 кибитки (428 чел.). Их

летние кочевья заметно стеснили в пастбищах живших там теленгитов¹⁵.

Только в 1909 г. правительство сочло возможным окончательно закрепить за казахами арендуемые ими, а фактически захваченные, 60 тыс. дес. земли, непригодной для земледелия. Арендаторами казахи были весьма необязательными. Они должны были платить Кабинету до 500 руб. в год, а платили по 200 – 300 руб. только при угрозе выселения. К 1909 г. они накопили недоимок около 5 тыс. руб.¹⁶ В обмен на отведенные земли казахи освобождали долину Бухтармы для крестьян. В итоге всех событий род Сарыколдак получил российское подданство в 1900 г.¹⁷ Все же в инородческих землях казахи так и не смогли обосноваться в большом количестве. По данным онгудайского лесничего, в 1912 г. в долинах рек Чуя, Ясатор, Колгутта и Ак-Алаху кочевали 447 юрт казахов¹⁸.

В юго-западных же степях Алтая казахам удалось найти общий язык с русскими крестьянами и с чиновниками Кабинета и обосноваться в значительном числе. По подсчетам чиновника Харченко в 1870 г. там кочевали 1250 кибиток¹⁹. В 1880 г. Кабинет дал разрешение казахам кочевать в Алтайском округе, уплачивая по 3 руб. за кибитку в год, ограничив все же их пребывание западной границей округа, Кулундинской степью и районом оз. Топольного²⁰. Однако кочевники, не особо стеснялись границ, освоили все степи Алтая и даже заводские земли.

Во второй половине XIX в. подкочевывавшие к русским селам казахи обычно становились улусами, нанимались в пастухи, ставили сено, рубили дрова, занимались прочими подсобными работами у крестьян. Цены на их услуги были вполуполу меньше, чем у русских работников. Казахи легко входили в долги к крестьянам, арендовали земли. Вообще они способствовали росту благосостояния зажиточных крестьянских дворов. Конокрадство при этом оставалось неизбежной платой за присутствие дешевых работников. К оседлым казахам регулярно прибывали партии кочевых сородичей без каких-либо разрешительных документов, останавливались на правах родственников, производили кражи скота и снова меняли место жительства. Сородичам они старались не вредить. Например, в с. Снегиревка Змеиногорского округа было замечено, что скот пропадал только у тех крестьян, которые не прибегали к услугам работников из казахов²¹. Другим моментом экономического сотрудничества стала выделка казахами кож и производство изделий из них. Дешевизна таких изделий объяснялась происхождением сырья – из шкур краденного скота²². Особенно большие размеры приняло скотокрадство в Змеиногорском округе. При небольшой численности относительно всего населения округа (6682 оседлых и 4522 кочевых) казахи с

января 1895 г. по ноябрь 1897 г. совершили 896 зарегистрированных официально краж скота на сумму 84985 руб. 67 коп. Прочее же население (более 230 тыс. чел) совершило, по данным окружного исправника, всего 733 различных краж²³.

Трудолюбие, дешевизна рабочих рук, непритязательность быта казахов заинтересовали, в конце концов, Горное управление Алтайского округа Кабинета. Еще в 1876 г. в Бийском округе казахи работали на Таловском и Риддерском рудниках (31 чел.), при Колыванской шлифовальной фабрике (16 чел.), где они использовались на поденной работе и при заготовке сена. Летом они жили в юртах на заводских землях, зимой – в специально построенных для них домах²⁴. Таким образом казахи, составили конкуренцию русским рабочим и сбили цену на их труд. В 1880 г. жители с. Колыванского изгнали казахов, ссылаясь на участвовавшие кражи скота. При этом сами крестьяне ограбили выселяемых казахов, отобрав деньги, скот, одежду и продукты на 395 руб. 65 коп. В результате этой акции общества мастеровых фабрика понесла убытки в 112 руб. 5 коп. на потерянных задатках. В 1881 г., наняв 44 казаха, контора фабрики была вынуждена допустить их, вопреки закону, с юртами и скотом, поскольку жители с. Колыванского не хотели продавать казахам ни куска мяса и вообще иметь с ними какие-либо дела²⁵.

Из-за нехватки рабочих на Риддерском и Сокольном рудниках в сентябре 1893 г. была принята на работы для съемки пустых пород до обнажения золотоносного кварца артель киргизов в 15 человек, которая впоследствии увеличилась до 30 человек. В 1894 г. под предлогом болезни скота, занесенной якобы казахами, сельское общество отказало им в квартирах и вынудило их покинуть Риддер. Эта мера риддерских мастеровых не коснулась тех казахов, которые работали у них в хозяйствах²⁶. Рудничному управлению пришлось отстаивать право нанимать казахов и доказывать, что этим оно защищает интересы Кабинета.

Точно так же, под предлогом борьбы с конокрадством мастеровые Зырянского рудника постарались выселить казахов, нанятых на рудник²⁷.

Казахи активно внедрялись во все экономические структуры округа. Так, они стали основными работниками на ломке соли на соляных озерах Кабинета. Впервые их стали нанимать в 1820-е гг. Они “настолько свыклись с тяжелой работой, что их стали предпочитать другим рабочим, но относительно их явилось другое неудобство – постоянные жалобы крестьян-возчиков на кражу скота”. В результате возникшей по этому поводу переписки казахам было запрещено появляться ближе 20 верст от соляных озер. Однако возросшая цена за ломку соли заставила Кабинет приостановить выселение казахов. С переходом в 1872 г. соля-

ного дела в руки Акцизного управления вопрос о выселении казахов вновь был возбужден²⁸. Однако дефицит рабочих рук, дешевизна казахского труда делали его применение неизбежным. Если в 60-80-х гг. старший смотритель соляных озер жаловался, что казахи своими табунами производят потраву сенокосов, наносят вред молодой поросли в бору, затаптывают родники и уничтожают садку соли, требуя их выселения²⁹, то в 1916 г. начальник Алтайского округа вынужден был ходатайствовать перед губернатором об отсрочке на полгода мобилизации 143 казахов-ломщиков призывного возраста, а 42 казахов, бывших постоянными ломщиками, - на год³⁰.

Наиболее точную картину тесных отношений казахов и русских в Алтайском округе в конце XIX в. вскрыла попытка тотального выселения казахов в 1894 – 1895 гг. Оказалось, например, что Курман Коченов учится в Николаевском училище и желает закончить курс, Корол Десебинов уже 8 лет занят мануфактурной торговлей и собирается приписаться в барнаульские мещане, Байгучак Туримисов и другие наняты по контрактам на строительство Западно-Сибирской железной дороги. У многих из казахов имелись обширные хозяйства и семьи, были заключены обязательства. Крестьяне Барнаульского, Бийского, Змеиногорского округов непрерывной чередой подавали прошения об оставлении в их деревнях “полезных киргиз” и свидетельствовали об их благонадежности³¹.

В начале XX в. с усилением русской колонизации положение кочевых казахов в степях стало ухудшаться. С 1907 по 1911 г. в алтайском округе было нарезано 1373 новых переселенческих участка и 1272 хутора, на которых было устроено 429 тыс. переселенцев³². Места традиционных уже кочевий казахов в Бельгагачской, Ремовской, Соляной степях, урочищах Носубулат, Чабам-бай, Джалбы и других разбили на квадраты и стали сдавать в аренду русским крестьянам и овцеводам с Кавказа³³. Поскольку прав на кочевание на землях Кабинета у казахов не было, а от наделения земель на равных с крестьянами условиях они отказывались, то им остались высокогорные участки, непригодные для земледелия, и остатки земель после крестьянского землеустройства в степях³⁴.

К 1910 г. кочевые казахи стали значительно смелее вести себя в русских селах. Представители власти доносили, что казахи “являются большими партиями в каждую деревню, селение и заявляют на обществах сельским старостам и общественникам о сдаче под штраф к себе поголовно лошадей на условную сумму, а если какое-либо селение не соглашается платить киргизам денежную дань, то таковые киргизы угрожают этому селению лишить некоторой части лошадей, и таковая кража лошадей происходила неоднократно”. Примечательно, что подобный

"рзкет" применялся казахами в районах, где они кочевали редко. Десять сел Пристанского округа подписали приговоры о выдворении казахов³⁵.

Вполне логичной выглядит реакция казахов-кочевников на царский указ 1916 г. о мобилизации инородцев с 19 до 43 лет на военные работы в тылу. Быстро распространились слухи, что это выдумка местных чиновников, чтобы повести инородцев на убой. Киреевцы (китайские подданные) и чингистайцы бежали за границу в Монголию и принудили к тому теленгитов, угнав весь их скот (1080 голов на 40 тыс. руб.). Кочевники исчезли настолько стремительно, что успели захватить только колпаки от юрт, а сами юрты с вещами на 10 тыс. руб. бросили. Они были расташены местными кочевниками. За беглецами были отправлены в погоню через границу казаки. Теленгиты (110 юрт) вернулись сами, кроме 15 юрт. Из чингистайцев вернулись только 88 юрт, а 94 юрты остались в Монголии вместе с киреевцами. Как становится ясно из донесения в Алтайскую духовную миссию, возвращение было обставлено торжественно: "Ехали они держа в руках белые флаги и, кроме того, ведя в поводу белую неоседланную лошадь в знак своей покорности Белому Царю"³⁶. В тюрьму попали как зачинщики 9 теленгитов и 10 казахов, остальные были прощены властями. Этот инцидент в полной мере показал степень недоверия кочевников к русским и русским властям даже после двухвекового опыта сотрудничества.

Из изложенного материала можно сделать вывод, что отношения различных народов, населяющих Алтайский округ в XIX – начале XX в., с казахами складывались неоднозначно. Неприязненными были отношения алтайцев и казахов из-за конкуренции на альпийских пастбищах Горного Алтая. Откровенная враждебность русских и казахов в первой половине XIX в. сменилась к началу XX в. известным хозяйственным сотрудничеством при осторожности в общении и обособленности в быту. На юго-западе округа казахи прочно влились в хозяйственные структуры русского населения. Казахи при этом должны были жертвовать кочевым образом жизни.

¹ *Шерстова Л.И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVI – начало XX вв. Томск, 1999. 433 с.; Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай. Плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 187 – 199; *Октябрьская И.В.* Казахи Южного Алтая (фактор границы в этнической истории) // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. С. 157 – 167; *Зиновьев В.П.* "Киргизский" вопрос на землях Алтайского округа Кабинета // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.). Омск, 1998. С. 65 – 68 и др.

² ГАО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 134.

³ Там же. Оп. 18. Д. 123.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1855. Т. 29. С. 278 – 279.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 324. Л. 209.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 2340. Л. 18.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 61.

⁸ Там же. Л. 55.

⁹ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9378. Л. 102 – 103.

¹⁰ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 61.

¹¹ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2682. Л. 16.

¹² Там же. Д. 2336. Л. 9.

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2340. Л. 44.

¹⁴ Там же. Д. 2432. Л. 15.

¹⁵ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2336. Л. 19.

¹⁶ Там же. Д. 2682. Л. 1 – 33.

¹⁷ Там же. Л. 57 – 60.

¹⁸ Там же. Л. 1 – 35.

¹⁹ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2770. Л. 76.

²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2340. Л. 173.

²¹ Там же. Л. 151.

²² Там же. Л. 214.

²³ Там же. Л. 259 – 264.

²⁴ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9474. Л. 1 – 19.

²⁵ Там же. Д. 9517. Л. 27 – 248.

²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2432. Л. 30.

²⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2340. Л. 234.

²⁸ Михельсон О. Очерк истории и разработки соляных озер Алтайского округа // Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Омск, 1902. Кн. XXIX. С. 7.

²⁹ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 518. Л. 340.

³⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2176. Л. 54 – 76.

³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2340. Л. 53 – 107.

³² Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 412 – 418.

³³ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2770. Л. 26 – 53.

³⁴ Там же. Д. 2232. Л. 62 – 66.

³⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 404. Л. 2 – 13.

³⁶ ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.

А.В. Старцев

(Алтайский государственный университет)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

При рассмотрении основных направлений экономической политики России в Монголии следует учитывать, что последняя являлась составной частью Цинской империи, и, следовательно, реализация здесь российских политических и торгово-экономических интересов могла осуществляться только в рамках договоров и соглашений между Россией и Китаем. Кроме того, необходимо иметь в виду важнейшие тенденции развития международных отношений в дальневосточном регионе, которые представляли собой сложный узел противоречий, обусловленный экспансионистской политикой крупнейших капиталистических держав, прежде всего, Великобритании, Германии, США и быстро набравшей силы Японии.

Западная экспансия в Азию являлась прямым следствием окончательной победы промышленной революции в Европе, которая явилась основой для глобальных политических и социальных преобразований во всем мире. Ее теоретическое обоснование мы находим в трудах многих политиков и экономистов. Один из основателей геополитики Ф. Ратцель считал, что государство является живым организмом, которому, как и любому другому организму, требуется “жизненное пространство” (Lebensraum). Пространственное расширение или сжатие государства является естественным процессом, связанным с его жизненным циклом. Исходя из этого, в статье “О законах пространственного роста государств” Ф. Ратцель сформулировал своего рода “закон экспансии”, который критики называли не иначе, как “Катехизис для империалистов”. Смысл его заключался в закономерности экспансии, стремлении растущего государства охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории. Причем, по его мнению, импульс экспансии приходит извне, т.е. государство провоцируется на расширение менее развитыми государствами¹.

Представитель австрийской школы Л. фон Мизес подчеркивал экономическую целесообразность экспансии в рамках либеральной парадигмы. “Границы... – писал он, – не должны мешать потокам торговли.

Они не должны служить препятствием ни для лучших производителей, стремящихся получить доступ к недвижимым средствам производства, ни для приложения поддающихся перемещению средств производства в наилучших местах. Собственность на средства производства не должна быть ограничена гражданством. Иностранные инвестиции должны стать столь же простым делом, как и инвестиции внутри страны”².

Отношения между Россией и Китаем строились на иных принципах. Россия и Китай имели общую сухопутную границу протяженностью несколько тысяч километров, что обуславливало неизбежность политических и экономических контактов между ними и выработку их механизма. На эту особенность обращали внимание многие исследователи. В частности, К. Маркс посвятил этому вопросу в 1857 г. специальную статью, в которой подчеркивал, что “у России совершенно особые отношения с Китайской империей”, характерной особенностью которых было то, что “...русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю, в которой у них, по-видимому, не будет соперников”. Именно поэтому, считал он, “на русских не распространяется... антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря...”³.

В конце XVIII – первой половине XIX в. Россия являлась одной из немногих стран, ведущих с Цинской империей стабильную сухопутную торговлю. Помимо официальных контактов, осуществлявшихся в соответствии с Кяхтинским договором 1727 г. в Кяхте-Маймачэне, торговые отношения завязывались в пограничных с Синьцзяном районах и на Алтае (в Бухтарминской и Усть-Каменогорской крепостях)⁴.

Именно экономические интересы России и Китая создавали объективную основу для мирного урегулирования спорных вопросов между ними и являлись базой для дальнейших экономических и политических взаимоотношений.

Основные направления политики России в Монголии во второй половине XIX - начале XX в.

Во второй половине XIX в. стратегическим направлением внешней политики России в дальневосточном и прилегающ[к нему] регионах было сохранение “статус-кво”⁵. Российская дипломатия в политических отношениях с ближайшими соседями – Китаем, Японией, Кореей – занимала традиционно доброжелательную позицию. Причины этого обуславливались не только недостаточной хозяйственной освоенностью Сибири и Дальнего Востока, отсутствием развитых путей сообщения, слабостью вооруженных сил и морского флота на восточных границах

империи⁶, но и принципиальными направлениями политики. Как отмечал российский востоковед В.П. Васильев, “Россия всегда ведет себя перед китайцами как почтительное государство”⁷. Русское правительство в отношении Китая руководствовалось прежде всего интересами торговли, что в значительной степени определяло миролюбивый характер внешнеполитических акций России, которая, “ради поддержания взаимовыгодной торговли нередко откладывала в сторону решение насущных политических вопросов”⁸.

Это ярко проявилось, например, в отношении России к тайпинскому восстанию, когда она могла вместе с Англией и Францией принять участие в боевых действиях против восставших, надеясь впоследствии получить за это ряд политических и экономических преимуществ. Однако, как отмечали исследователи, не только российская общественность отнеслась сочувственно к борьбе тайпинов против династии Цин, но “отрицательное отношение к интервенции западных держав против тайпинов наблюдалось даже в консервативных, в том числе близких правительству кругах”⁹. Еще раньше, в период “опиумной” войны (1839 – 1842 гг.) 12 апреля 1841 г. Николаем I был подписан указ “О непропуске в китайские пределы опиума”, и эта дружественная акция была принята в Китае “с величайшим удовольствием”¹⁰. Решение о недопущении опиумной торговли, принятое российским правительством, строго соблюдалось вплоть до 1917 г.

В середине XIX столетия в политической жизни Азии произошли важнейшие изменения, грозившие изменить сложившийся баланс сил на Дальнем Востоке. Эти изменения были связаны с активным проникновением в регион Англии, Франции и США, которые в результате “опиумных войн” 1840 – 1842 и 1856 – 1860 гг. и навязанных Китаю неравноправных договоров добились для себя крупных политических и экономических преимуществ. В соответствии с англо-китайским договором 1842 г. Англия добилась открытия для иностранной торговли пяти китайских портов (Шанхай, Кантон, Амой, Нинбо, Фуджоу), права экстерриториальности и организации селтльментов, принципа наибольшего благоприятствования и т.п. После второй “опиумной войны” подобные же договоры были заключены с Францией и США, в результате чего внешняя торговля Китая была подчинена иностранному капиталу и страна стала утрачивать независимость, превращаясь в полуколониальное государство¹¹.

Проникновение западных держав в дальневосточный регион не могло не беспокоить Россию, поскольку, получив возможность использовать китайские порты, они были не прочь продвинуться на север, в район Амура, что грозило подорвать многолетнюю русско-китайскую су-

хопутную торговлю, которая являлась приоритетным направлением в отношениях России и Китая, о чем свидетельствовали как размеры ее оборотов, так и многочисленные документы российского внешнеполитического ведомства¹². Русско-китайская торговля занимала важное место во внешнеторговом балансе страны. В 40 – 60-е гг. XIX в. ее обороты в Кяхте достигали 15 – 20 млн. руб., что составляло от 7 до 12 % общего объема внешней торговли страны¹³.

Эти обстоятельства заставили российскую дипломатию проявить активность и настойчивость в урегулировании отношений между Китаем и западными державами. Противоречия между Россией и западноевропейскими государствами и заинтересованность в мире с Китаем побуждали Россию противодействовать усилению влияния этих государств в Пекине. Царское правительство опасалось, что Англия и Франция в случае подчинения Китая стали бы настраивать его против России и осложнять положение России на Дальнем Востоке. В свою очередь, пекинский двор был готов к сближению с Россией, рассматривая ее как противовес растущей экспансии Англии, Франции и США.

Результатом этого явилось подписание между Россией и Китаем в 1858 г. Айгуньского и Тяньцзиньского договоров. Эти договоры урегулировали пограничные вопросы и существенным образом повлияли на развитие торгово-экономических отношений между двумя странами.

Айгуньский договор расширил торговые права русских в приграничных районах Китая. В частности, вторым пунктом договора были устранены территориальные ограничения в русско-китайской торговле, предусмотренные Кяхтинским договором: “Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств”¹⁴. По Тяньцзиньскому соглашению российские подданные в Китае получили право пользоваться теми же привилегиями, которыми пользовались представители западных держав. “Все права и преимущества политические, торговые и другого рода, говорилось в 12-й статье договора, - какие впоследствии могут приобретать государства, наиболее благоприятствуемые Китайским правительством, распространяются в то же время и на Россию, без дальнейших с ее стороны по сим предметам переговоров”¹⁵. Четвертый пункт соглашения снял ранее установленные ограничения на число купцов и количество товаров, которые отправлялись из России в Пекин.

Для русско-монгольской торговли Тяньцзиньский договор был важен тем, что изменял порядок контроля за ее развитием, делал его более гибким и оперативным. Если раньше этими вопросами ведали Сенат и

Лифаньюань, то теперь ответственность возлагалась на министра иностранных дел и цзюньцзичу (старшего советника Высшего государственного совета Цинской империи).

Однако решающую роль в развитии русско-монгольских торгово-экономических связей сыграл не Тяньцзиньский, а Пекинский договор 1860 г., а также торговые правила 1862 и 1869 гг. Оценивая значение этих документов, крупный русский востоковед, профессор Петербургского университета А.М. Позднеев писал: "Мы можем совершенно говорить, что наша торговля с Монголией началась только после Пекинского трактата и учреждения Ургинского консульства... До заключения Пекинского договора... все отношения ограничивались лишь на границе между караулами, которых обязанность заключалась, главным образом, в наблюдении за чистотою границы"¹⁶.

В соответствии с 5-й статьей договора русские купцы могли ездить в Китай в любое время при наличии билета, выдававшегося пограничным начальством. По пути в Пекин им разрешалось торговать в Урге, где для защиты русских интересов учреждалось консульство¹⁷. Статья 7 позволяла российским подданным "заниматься торговыми делами совершенно свободно, без всяких стеснений со стороны местного начальства, посещать также свободно и во всякое время рынки, лавки, дома местных купцов; продавать и покупать разные товары оптом и в розницу, на деньги или посредством мены, давать и брать в долг по взаимному доверию"¹⁸.

В дополнение к этому соглашению 20 февраля 1862 г. были подписаны на трехлетний срок "Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем"¹⁹, которые в несколько измененном виде были подтверждены в 1869 г.²⁰ Эти документы узаконили беспошлинную торговлю по обе стороны русско-китайской границы в пределах 100 китайских ли (50 верст) и разрешили "торговать также беспошлинно по всей подчиненной Китаю Монголии"²¹.

Серьезную заинтересованность в развитии торговли с северо-западной Монголией проявило Министерство иностранных дел. Как отмечалось в отношении Управления министерства поверенному в делах в Пекине, оно «остановило свое внимание на обширном поле для торговой предприимчивости, которое представляет Западная Монголия и куда до сих пор едва проникают русские купцы»²².

Ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке в конце 60-х гг. XIX в., представляла, по мнению центрального внешнеполитического ведомства России, "особенно благоприятный случай, чтобы ввести коренное, вполне для нас выгодное преобразование в торговлю Западной Сибири с Китаем"²³. Министр иностранных дел А.М. Горчаков считал необхо-

димым детально изучить вопрос о перспективах развития русской торговли в северо-западной Монголии. В письме министру финансов М.Х. Рейтерну от 24 февраля 1869 г. он подчеркивал: "Если заявления, поступившие по этому поводу к начальству Западной Сибири окажутся по исследованию на месте заслуживающими внимания, войти вообще в ближайшее изыскание причин, которые препятствуют развитию русской торговли в этих краях"²⁴.

Министерство финансов было вполне солидарно с этой позицией, и М.Х. Рейтерн, в свою очередь, сделал распоряжение генерал-губернатору Западной Сибири А. Хрущеву "войти в ближайшее рассмотрение обстоятельств настоящего дела"²⁵.

Заинтересованность правительства в развитии торговли с Китаем и Монголией через Западную Сибирь была обусловлена как экономическими, так и политическими соображениями. По мнению большинства лиц, изучавших этот вопрос, западносибирское направление являлось весьма перспективным, что подтверждалось многолетними экономическими контактами в Чуйской долине Горного Алтая. «Торговля, возникшая сама собою из естественной необходимости и давно уже существующая... достаточно говорит за выгоду предлагаемого пути и за необходимость поддержки торговых сношений в этом направлении», - писал А. Принц²⁶.

Военный губернатор Семипалатинской области В.А. Полторацкий подчеркивал важность развития русской торговли в Монголии в связи с начавшейся транспортировкой чая в Европу морским путем. «С изменением же положения кяхтинской торговли...», - писал он в своей записке «О торговле с Китаем по Семипалатинской области», - необходимо установить более дешевый сухопутный провоз его в Россию, а потому разрешение торговли с Китаем через Монголию принесет огромную пользу, ибо путь от Тяньцзиня, где находятся главные склады чая и чайные плантации, сократится более, чем на две тысячи верст, если направить его через Монголию на Улясутай и Кобдо к караулу Суок и от туда к Иртышу»²⁷.

Впоследствии В.А. Полторацкий взглянул на дело шире и в новой докладной записке, по вопросу об изменении трактатов с Китаем, доказывал необходимость добиваться права для русских купцов торговать не только в Монголии, но и во Внутреннем Китае. «Так как вопрос о провозе чая в Европейскую Россию уже решен в пользу морского пути и возвращение к старой кяхтинской чайной торговле немыслимо, да и нежелательно, - писал он, - то все наши усилия должны быть направлены к расширению рынка, в котором мы могли бы сбывать наши мануфактурные произведения ...Такой рынок представляет Китай, но не в вос-

точной своей части, доступной англичанам и американцам, с которыми конкурировать мы не можем, а в западной, прилежащей к Джунгарии и Алтышару». Поэтому, по его мнению, ближайшей целью российской политики в Китае должно было стать «открытие доступа нашим товарам в столь громадный рынок, свободный от английской конкуренции»²⁸.

Установление торговых связей с Монголией давало значительный толчок для оживления экономической жизни приграничных местностей. В докладе чиновника для особых поручений Министерства финансов Яцевича говорилось о том, что развитие русско-монгольской торговли через Алтай повлечет за собой оживление хозяйственной жизни региона. Особенно перспективным, по его мнению, было развитие в крае «чугунолитейного, железоделательного и медного производства, долженствующих предназначаться, собственно, для сбыта этого рода русских изделий в Китай, куда и теперь из Кош-Агача очень охотно покупаются всякие подобные изделия»²⁹. Семипалатинская городская дума в 1869 г. подчеркивала, что заключение договоров с Китаем «даст новую жизнь всему Призайсанскому и Прииртышскому краю, возбудит к торговой жизни города Усть-Каменогорск и Семипалатинск и даст возможность назначить и создать новые пункты в Зайсанском приставстве»³⁰.

Что касается политических выгод, то А.М. Горчаков в письме к российскому поверенному в делах в Пекине Е.К. Бюцову отмечал: «Если нам удастся поставить эту торговлю в более выгодные условия и дать оной более широкие основания, то, без сомнения, она будет постепенно открывать себе новые пути и способы в этой до сих пор малодоступной для нас части Азии». Он подчеркивал, что развитие торговли даст основание российскому правительству поставить вопрос об учреждении «в главных городах Западной Монголии и в особенности в Улясутае и Хобдо постоянных консульств, которые поставили бы нас опять в возможность следить за политическими делами в Западном Китае»³¹.

Следует подчеркнуть, что, поставив задачу закрепиться на монгольском рынке, российское правительство действовало весьма осмотрительно и осторожно, не желая обострять отношений с Пекинским правительством и западными державами, которые внимательно следили за русско-китайскими отношениями. Оно не поддерживало экспансионистских планов некоторых сибирских администраторов по отношению к Монголии и требовало от купцов и местных должностных лиц строгого выполнения русско-китайских соглашений. Сотрудники ургинского консульства постоянно убеждали русских торговцев, чтобы те «вели себя за границей кротко и спокойно, чтобы не было долговой торговли, а то из-за долгов выходят и выходили все неприятности и неловкие дела»³².

В отличие от российского правительства, китайская сторона не выказывала “особенного сочувствия торговым интересам” и в своей политике относительно России руководствовалась, прежде всего, военно-стратегическими соображениями³³. В 1852 г. газета “Московские ведомости” опубликовала секретную инструкцию пекинских властей дзэргучею в Монголии о порядке торговли китайских купцов с российскими подданными в Кяхте. В этом документе купцам предписывалось ни в коем случае не проявлять заинтересованности в русско-китайской торговле и, в частности, подчеркивалось: “Жадности к покупке русских товаров не иметь и в торговле не показывать, хотя бы кому и настояла в том нужда”. Основной задачей торговли ставилось “побудить русских к привозу излишней пропорции нужных нам товаров”, привоз же китайских изделий “стараться время от времени уменьшать..., чтобы наши товары всегда были у них в уважении”. Инструкция запрещала сообщать русским купцам сведения о ценах, существующих на рынках Китая, о спросе на тот или иной товар и т.д. Нарушителей ожидало суровое наказание: от 50 ударов бамбуковыми палками или заключения под стражу, до полного запрещения вести торговлю в Кяхте³⁴.

Такое отношение к торговле с русскими во многом сохранилось и после подписания договоров 50 – 60-х гг. Судя по многим публикациям и архивным документам, местные власти периодически нарушали соглашения и стремились максимально затруднить ведение торговых операций русскими подданными. Сотрудник Российской Миссии в Пекине А.С. Вахович в своем отчете об инспекционной поездке по Монголии отмечал “явное и еще более тайное недоброжелательство к нам китайских местных властей, очевидно, задавшихся целью если совсем не вытеснить, то по возможности стеснить русскую торговлю в управляемом ими крае”³⁵. Опасаясь усиления влияния России на Монголию, цинские власти чинили разного рода препятствия расширению торгово-экономических связей между ними.

В Улясутае местные власти запретили монголам наниматься на работу к русским, а затем опубликовали распоряжение, запрещающее долговую торговлю между русскими купцами и местным населением, хотя это прямо противоречило 7-й статье Пекинского договора, в которой разрешалось “давать и брать в долг по взаимному доверию”³⁶. Это распоряжение мотивировалось желанием избежать конфликтных ситуаций между кредиторами и должниками, однако на самом деле было направлено против русской торговли, которая из-за сезонного характера монгольского скотоводческого хозяйства не могла совершаться иначе как в долг. А.С. Вахович отмечал, что если бы оно было исполнено, то “наша торговля была бы почти окончательно задущена, т.к. 99/100 ее ведется в долг”³⁷.

Помимо разного рода препятствий, чинимых местными властями, русские купцы терпели немалые убытки от прямых разбоев и грабежей, которые участились в 70-х гг. XIX в. в связи с дунганским восстанием. Во время нападения дунган на Кобдо в 1872 г. многие бийские торговцы потеряли свои товары, а купец В.А. Гилев был серьезно ранен. Желая возместить потери, купцы обратились за содействием в получении компенсации к генерал-губернатору Западной Сибири и российскому чрезвычайному посланнику в Пекине А.Г. Влангали. Однако на запросы последних китайские власти не дали положительного ответа, назвав заявления купцов клеветой³⁸.

Прощения и жалобы русских купцов, поступавшие в ургинское консульство и к чинам сибирской администрации, в большинстве случаев оставались без удовлетворения, или же дело заканчивалось подачей официального протеста. Основная причина пассивности российской стороны заключалась в нежелании обострять отношений с Китаем. Объясняя позицию Российской Миссии по этому вопросу, А.Г. Влангали писал: "Нет сомнения, что пока китайцы не свыкнутся с новыми порядками, подданные наши будут встречать множество препятствий... Категорическое требование исполнения всех условий трактата часто невозможно без вызова реакции, а потому необходимо стараться исподволь, незаметным образом подвигаться к цели, для чего нужно время и терпение"³⁹.

Сибирское купечество было недовольно чрезмерной уступчивостью российских властей при нарушении китайской стороной условий заключенных договоров. В обращениях и ходатайствах, направлявшихся в различные инстанции, предприниматели приводили факты постоянных нарушений прав российских подданных в Монголии. По единодушной оценке купцов, торговля здесь велась "без всяких правил со стороны китайцев, которые, поощряемые примером местных чиновников, оскорбляли русских словами и даже действием, и устранить такой произвол китайцев русские не имели возможности, так как китайские власти в защиту русских не делали ни малейшего содействия"⁴⁰.

В своих обращениях в правительственные учреждения и в периодической печати они выражали надежду, что "русское правительство, наконец, сдержит свое обещание открыть китайские рынки для русской торговли". Коммерсанты считали, что успешно вести дела за границей в рамках имевшихся договоров и соглашений невозможно. "Если торговля с китайцами останется в прежних рынках, - писал бийский купец И.П. Котельников, - то я первый ликвидирую дело в Монголии и полагаю, что ни один из русских купцов не поедет туда рисковать капиталом и жизнью"⁴¹.

Российское правительство, в принципе, не было противником "открытия китайских рынков для русской торговли", однако не намерено было, по примеру западных держав, добиваться этого с помощью военной силы. Еще в середине XIX в., во время событий, предшествовавших заключению Айгуньского договора 1858 г., уполномоченный по ведению переговоров с китайской стороной адмирал Е. Путятин предлагал, по примеру Англии и Франции, оказать давление на Китай угрозой применения силы для быстреешего решения вопросов территориального разграничения в Приамурье и Приморье. Однако это предложение встретило в Петербурге категорическое возражение. В инструкции, направленной Е. Путятину, говорилось: "Интересы наши и западных держав так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя... недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе"⁴².

Не желая добиваться от Китая торговых преимуществ путем военного давления, русское правительство стремилось обеспечить таковые дипломатическими способами. Во время разрешения "илийской проблемы" российская сторона особое внимание уделяла вопросам развития торгово-экономических отношений с Китаем. В частности, среди обязательных условий, определявших возвращение Китаю Илийского края, указывалось на необходимость пересмотра существующих правил сухопутной торговли, а также на право учреждения Россией консульств и торговых агентств в Кульдже, Кобдо, Улясутае и других местностях Западной Монголии и Джунгарии⁴³. Эти требования российской стороны были зафиксированы в Ливадийском договоре 1879 г., который, как известно, не был ратифицирован в Пекине, а уполномоченный по ведению переговоров Чун Хоу после возвращения в Китай был обвинен в "предательстве интересов нации", смещен со всех постов и брошен в тюрьму.

В результате такого поворота событий, русская дипломатия оказалась в сложной ситуации. Отказ Китая ратифицировать подписанный обеими сторонами договор не только создавал прецедент в отношениях между государствами и наносил серьезный урон восточной политике России, но и подрывал престиж последней на международной арене. Исследователи считают, что сведение на нет результатов чрезвычайно выгодного для России в политическом и торгово-экономическом отношении Ливадийского договора являлось результатом собственных просчетов российских политиков. Как подчеркивал А.Д. Воскресенский, "под нажимом военных экспертов и представителей местной администрации была выбрана неверная тактика, исходившая в своей основе лишь из одностороннего учета интересов России"⁴⁴.

Решение “илийского вопроса” стало предметом нового раунда русско-китайских переговоров, которые состоялись в Петербурге в конце 1880 – начале 1881 г. По заключенному 12(24) февраля 1881 г. Петербургскому трактату царское правительство возвратило Китаю Илийский край, за исключением его небольшой западной части, оставшейся за Россией для поселения там местных жителей, изъявивших желание принять российское подданство⁴⁵.

Помимо территориальных проблем, договор 1881 г. включал в себя широкий круг вопросов, касавшихся торговли. Одновременно с текстом основного договора стороны подписали “Правила сухопутной торговли”, которые устанавливали режим торговли в приграничных областях и условия следования торговых караванов в Тяньцзинь, Калган и Сучжоу⁴⁶.

Подписанные документы не только подтверждали право беспошлинной торговли в приграничных областях и в Монголии, но и предоставляли возможность торговать беспошлинно “в городах и прочих местах Илийского, Тарбагатайского, Кашгарского, Урумцийского и прочих округов, лежащих по северному и южному склонам Тяньшаньского хребта, до Великой стены”⁴⁷. “Правила сухопутной торговли” разрешали беспошлинный провоз в обе страны золота, серебра, ювелирных изделий, иностранной монеты, муки, мяса, сливочного масла, парфюмерии, предметов домашнего обихода и пр. В то же время запрещался провоз оружия, соли и опиума. Кроме того, из Китая не разрешалось вывозить рис и медную монету. Для стимулирования торговли в районах Внутреннего Китая было признано возможным установить льготный таможенный тариф, в частности, была снижена пошлина на вывоз из Китая чая низких сортов, что имело важное значение для кяхтинской торговли.

Таким образом, в Петербургском трактате в основном были сохранены положения Ливадийского договора, касающиеся торговли, что означало определенный прогресс в развитии русско-китайских и русско-монгольских торгово-экономических отношений. Петербургский договор и “Правила сухопутной торговли” были заключены на 10-летний срок с правом продления их, с согласия обеих сторон, на следующие 10 лет.

После подписания Петербургского договора правительство считало, что “опасаться за будущность нашей торговли в Монголии не представляется оснований”⁴⁸. Поэтому по окончании 10-летнего срока действия договора в 1891 г. он без изменений был продлен на следующее десятилетие, а затем еще на 10 лет, до 1911 года. По мнению российского внешнеполитического ведомства, “более выгодных условий

никакими трактатами мы выговорить не можем”, а потому “лучше бы не затрагивать торговых сношений с Монголией, оставив их при настоящем положении”⁴⁹.

Такая оценка русско-монгольских отношений была обусловлена тем, что в конце XIX - начале XX в. у правительства “не было достаточных политических и стратегических стимулов к активизации своей политики на этом достаточно захолустном участке империалистической борьбы”⁵⁰.

Нам представляется, что данное утверждение нуждается в некоторых пояснениях. Ведущие российские политики, такие как С.Ю. Витте, реально оценивали значение Китая и входившей в его состав Монголии для реализации стратегических и экономических интересов России на Дальнем Востоке. В то же время они отдавали себе отчет в том, что это возможно лишь в контексте изменений дальневосточной политики в целом. Оторванность Дальнего Востока от России, малочисленность населения края, его слабое хозяйственное развитие – все это вызывало опасения за сохранение целостности региона и его экономической независимости. Данные опасения усиливались в связи с обострившейся борьбой за сферы влияния на Дальнем Востоке, в которую, помимо западноевропейских держав, активно включилась Япония, имевшая собственные завоевательные планы.

С.Ю. Витте считал данное направление внешней политики очень важным для российских геополитических интересов и постоянно критиковал многих высших должностных лиц за невнимание к дальневосточным рубежам. В своих мемуарах он подчеркивал, что в конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. “было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды”⁵¹.

Важнейшей мерой обеспечения безопасности дальневосточных рубежей стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, которое «могло послужить «становым хребтом» для всей политики России на Дальнем Востоке, включая и военную область»⁵². Приступая к сооружению дороги, правительство рассчитывало также и на то, что она позволит России выступить в качестве крупного экспортера и импортера продукции, а это сулило большие экономические выгоды как казне, так и частному капиталу. По мнению С.Ю. Витте, строительство Транссиба должно было привести «к упрочению дружеских политических отношений с восточными странами, при сознании осознанных обоюдных интересов на поле всемирной экономической деятельности»⁵³.

После японо-китайской войны 1894 – 1895 гг. между Россией и Китаем наметилось экономическое и политическое сближение, результатом которого стало подписание контракта на строительство КВЖД. Для постройки и эксплуатации дороги было создано “Общество КВЖД”, акции которого могли приобретать только подданные России и Китая. В качестве договорной стороны при заключении контракта с правительством Китая выступал созданный в конце 1895 г. Русско-Китайский банк, который к началу XX в. стал основным кредитором торговых операций с Китаем и другими странами Азии⁵⁴.

Строительство КВЖД и активное хозяйственное освоение Дальнего Востока оказали влияние и на русско-монгольские отношения. В частности, были предприняты некоторые меры для ограждения монгольского рынка от иностранной конкуренции. В 1899 г. было подписано русско-английское соглашение о разделе районов железнодорожного строительства в Китае, по которому Россия обязывалась не требовать железнодорожных концессий в бассейне р. Янцзы, а Англия – к северу от Великой Китайской стены. Тем самым Монголия и Маньчжурия фактически признавались сферой влияния России⁵⁵.

В 1907 г. было подписано соглашение о разграничении сфер влияния с Японией. В секретном приложении к русско-японской конвенции 31 января 1907 г. Внешняя Монголия признавалась сферой специальных интересов России, а Россия, в свою очередь, обязывалась не вмешиваться в японо-корейские отношения. Эта договоренность была подтверждена и в русско-японском соглашении 4 июля 1910 г.⁵⁶

Кроме того, во время русско-китайских переговоров в 1898 г. обсуждался вопрос о предоставлении России концессии на исследование и разработку рудных богатств в Монголии. Результатом этих переговоров стало создание в 1900 г. акционерного общества “Монголор”, которое получило право разработки золотоносных площадей в пределах Тушети-хановского и Цеценхановского аймаков Северной Монголии. Для финансирования деятельности акционерного общества в Урге было открыто отделение Русско-Китайского банка, которое должно было оказывать поддержку и русской торговле⁵⁷.

Вместе с тем центральные ведомства по-прежнему вели осторожную политику, стараясь не допускать конфликтов в отношениях с китайской администрацией. Такая осторожность нередко приводила к отрицательным последствиям для развития торговли.

Ярким примером этого являлась проблема прав русских подданных на недвижимую собственность в Монголии. В соответствии со статьей XIII Петербургского договора 1881 г. русским торговцам разрешалось иметь собственные дома, лавки, амбары в Монголии только в тех мес-

тах, где учреждались российские консульства⁵⁸. В тех местностях, где консульств не было, русские предприниматели имели право только арендовать жилые и торговые помещения. Китайцы, пользуясь этим обстоятельством, имели возможность диктовать условия найма, и плата за аренду была достаточно высока.

Купцы неоднократно ходатайствовали перед различными инстанциями о предоставлении им права иметь недвижимость в Монголии. Справедливость ходатайств предпринимателей признавалась многими чинами дипломатического ведомства. Глава Российской дипломатической Миссии в Пекине К.В. Клейменов в 1890 г. по собственной инициативе обратился в Цзун-ли-ямынь с предложением решить вопрос о постройках русских купцов в Улясутае⁵⁹. Однако Азиатский департамент МИДа в лице его главы И.А. Зиновьева не поддержал это предложение, ссылаясь на нечеткость формулировок статей Петербургского договора. В 1904 г. ургинский консул обратился в дипломатическую миссию в Пекине с просьбой решить вопрос об отводе земельного участка для нужд российской колонии в Улясутае⁶⁰. Теперь уже Миссия была вынуждена объяснять сомнительность права российской стороны требовать решения этого вопроса. Российский посланник, ссылаясь на неблагоприятные политические обстоятельства, писал: "Вопрос об отводе нам участка в Улясутае, тем более что русская колония в этом городе, обходившаяся без такового в течение многих лет, конечно, может подождать..."⁶¹

Между тем в конце XIX – начале XX в. Монголия привлекала все большее внимание иностранных предпринимателей. Уже в 90-е гг. в Урге и Улясутае появились представители английских фирм, которые начали закупку шерсти через китайских коммерсантов⁶². В начале 1900-х гг. эта тенденция приобретает устойчивый характер. Как отмечалось в отчете командированного в Ургу чиновника Министерства иностранных дел В.В. Долбежева, "китайские купцы ввозят в Ургу и Западную Монголию товары иностранного, английского, американского, германского и даже японского производства" и "являются негласными доверенными иностранных, по преимуществу английских фирм, для коих они закупают в Монголии большое количество шерсти верблюжьей и овечьей и различных шкур для отправки караванами в Тяньцзинь"⁶³. В 1902 г. в Урге побывала японская торговая экспедиция, которая изучала местный спрос и возможности монгольского рынка.

Большую активность в Монголии в начале XX в. проявили американские капиталисты. В 1909 г. в Урге открыли свои филиалы торговые фирмы "Норберс и К^о" и "Вильсон и К^о", а накануне провозглашения независимости во Внешней Монголии были открыты представительства еще трех американских фирм⁶⁴.

Кроме того, по сообщениям военных и дипломатических источников, в начале XX в. китайское правительство взяло курс на колонизацию Монголии⁶⁵. Со стороны пекинских властей поощрялся захват земельных участков в Монголии – сначала торговцами, а затем и китайскими крестьянами. Прежде всего колонизация коснулась районов Внутренней Монголии и Барги, которые экономически и политически были тесно связаны с Китаем. В 1906 – 1911 гг. здесь у монголов было отнято 5 млн. десятин плодородных земель⁶⁶.

Колонизационная политика Пекина была продиктована рядом причин. Переселение китайских крестьян на монгольские земли позволяло разрядить обстановку во внутренних провинциях Китая и получить источник новых доходов для пополнения государственной казны. Другой причиной являлось стремление воспрепятствовать процессу расширения русско-монгольских экономических и культурных связей. В Пекине было известно о симпатиях монголов к России и это не могло не беспокоить правительственную администрацию. Однако важнейшей целью китайской колонизации, по мнению Е.А. Белова, была «китаизация, ассимиляция монголов с тем, чтобы они навсегда и прочно оставались в составе Китая»⁶⁷.

Постепенно процесс колонизации стал распространяться и на Внешнюю Монголию. В 1906 г. в Пекине было образовано Бюро по переселенческим делам в Монголии, которое провело в 1909 г. перепись местного населения, учет земель и скота во Внешней Монголии и принудило владельцев хошунов подписать соглашение о передаче земель, пригодных для земледелия в ведение пекинского правительства⁶⁸. В Урге были созданы специальные комиссии, состоявшие из маньчжурских и монгольских чиновников, которые занимались вопросами китайской колонизации Монголии и развития здесь сельского хозяйства и лесопромышленности. Кроме того, цинское правительство направило на русско-монгольскую границу дополнительный военный контингент и увеличило численность китайских гарнизонов в монгольских городах⁶⁹.

Политические и военные мероприятия дополнялись торгово-экономической и финансовой экспансией. В 1907 г. в Урге и Улясутае были открыты отделения банка Министерства финансов, которые стали практиковать кредитование хошунов и выдавать ссуды китайским предпринимателям. Для развития своих операций банк организовал эмиссию долларовых банкнот, которые получили в Монголии широкое распространение и обращались на монгольском рынке по одному курсу с русскими кредитными билетами⁷⁰.

Одновременно с усилением позиций торгово-ростовщического капитала китайские чиновники в Монголии разными мерами стремились стеснить деятельность русских предпринимателей, идя на прямое нарушение положений Петербургского договора 1881 г.

Однако эти тревожные факты, судя по всему, особого беспокойства в правительственных кругах не вызывали. Руководители центральных ведомств полагали, что соседство России и Монголии и давние торгово-экономические связи между ними окажутся той козырной картой, с помощью которой ей удастся переиграть своих заокеанских конкурентов. "Я не усматриваю особой опасности в проникновении иностранцев в Северную Монголию, - писал министр финансов В.Н. Коковцев. - Особое положение, которое мы занимаем в отношении этой страны благодаря ее непосредственному соседству с нашими владениями, а равно вследствие дружелюбного отношения к нам ее населения... создают для проявления нашей торгово-промышленной деятельности там столь благоприятные условия, что для нас не должна быть страшна иностранная конкуренция"⁷¹.

Однако предприниматели и ученые-востоковеды не разделяли правительственного оптимизма. Усиленный ввоз во Внешнюю Монголию английской и американской мануфактуры, а также колонизационная политика Пекина поставили русскую торговлю в сложное положение. Она все более ориентировалась на скупку местного сырья. Как писали в этот период российские газеты, "наша торговля рискует быть совершенно вытесненной из Монголии, если не будет предпринят целый ряд необходимых мероприятий"⁷².

Под "необходимыми мероприятиями" имелось в виду не столько усиление политического влияния России в Монголии, о чем постоянно говорилось в правительственных и околоправительственных кругах, сколько меры чисто экономического характера - снижение железнодорожных тарифов на товары, вывозимые за границу, улучшение путей сообщения и средств связи, более решительное отстаивание интересов российских торговцев со стороны консульств и т.д. "К сожалению, - говорилось на заседании общества российских ориенталистов, - мы не преследуем как западноевропейцы узкокоммерческих целей, а постоянно связываем вопросы ввоза и вывоза с пресловутым вопросом об упрочении русского влияния в Монголии и от этого только теряем"⁷³.

Недостаточное внимание российской внешней политики в Монголии к чисто экономическим проблемам отмечалось даже в китайской прессе "Русское правительство, - писала газета "Ди-цзинь синь взнь", - стремилось упрочить здесь свой политический престиж, не обращая внимания на распространение своего экономического влияния."⁷⁴

Приоритеты политики, а не экономики во взаимоотношениях с Монголией во многом объяснялись организацией консульской службы. В литературе деятельность русских консулов в Монголии неоднократно подвергалась критике. Граф А.П. Беннигсен, например, писал о "полном отсутствии защиты русских интересов представителями нашей дипломатии"⁷⁵.

Подробно этот вопрос был изучен М.И. Боголеповым и М.Н. Соболевым. Прежде всего, они отмечали недостаточность консульств в Монголии. До 1905 г. здесь существовало только консульство в Урге; деятельность которого распространялась на огромную территорию. “Ургинский консул, - писали они, - должен был смотреть за обширным ургинским районом, его же ведению подлежали районы Улясутая, Кобдо и земли сойотов. Стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться в невозможности победить такие пространства даже сверхчеловеческой энергией”⁷⁶. Кроме того, действовавший Консульский устав регламентировал решение преимущественно дипломатических вопросов, и сотрудники консульства слабо разбирались в торгово-экономических проблемах. “В этом особом дипломатическом мирке, - отмечали М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, - царят свои интересы, здесь прислушиваются к голосу Министерства иностранных дел, которое не имеет никакого отношения к экономической политике страны”⁷⁷.

В целом, по их мнению, персонал русских консульств был слабо подготовлен к работе в такой своеобразной стране, как Монголия. Назначенный после подписания русско-монгольского соглашения Генеральным консулом в Урге А.Я. Миллер с удивлением обнаружил, что ни один из консульских служащих не знал монгольского языка. “Возможно, - писал один из исследователей, - что для дипломата знание языка именно той культурной страны, в которой он несет свою службу и не является насущно необходимым, тем более, что в распоряжении каждого дипломата всегда есть общепринятый в дипломатических кругах французский язык, но совсем иначе обстоит дело в некультурных странах Дальнего Востока, где незнание туземного языка чинами консульства является криминальным”⁷⁸.

В сложившейся ситуации решение многих вопросов торговли и защиты прав русских подданных в Монголии ложилось на плечи торговых старшин, избираемых купечеством. Особенно важную роль играли купеческие старшины в городах северо-западной Монголии – Кобдо и Улясутае, где консульского представительства не было до 1905 г. “Обязанности старшин в названных провинциях Монголии, - писал русский консул в Урге Я.П. Шишмарев, - сопряжены с большими затруднениями, потерей времени в ущерб своим делам и даже расходами. Помимо прямых старшинских обязанностей... они представляют отчасти и агентов консульства, исполняя возлагаемые на них поручения не только по делам торговым, но и другим – до уголовных включительно, входя даже в сношения от имени консульства с китайскими и монгольскими властями; оказывают содействие ученым экспедициям и путешественникам, доставляют консульству сведения торговые и вообще о положении дел”⁷⁹.

Развитие русской торговли также тормозилось слабой изученностью страны, отсутствием достоверных сведений о численности населения, сырьевых возможностях, емкости рынка и т.д. В начале XX в. уже не только востоковеды, но и предприниматели говорили о необходимости "изучения Монголии в ее современном состоянии, но изучения не разбросанного, а систематического, производящегося по определенной программе"⁸⁰.

Результатом заинтересованности деловых кругов стали две крупные торгово-экономические экспедиции в Монголию, состоявшиеся в 1910 г. Одна из них, возглавляемая знатоком Монголии, полковником Генерального Штаба В.Л. Поповым, была организована московскими капиталистами, а другая, в составе профессоров-экономистов Томского университета М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, финансировалась бийскими и минусинскими купцами. Результаты работы этих экспедиций были опубликованы в виде солидных исследований, которые не потеряли научного значения до настоящего времени⁸¹.

Эти экспедиции выявили весьма тревожную картину состояния русской торговли в Монголии. Собранный ими фактический материал отчетливо показывал сокращение объемов экспорта фабрично-заводских изделий и, в частности, вытеснение с монгольского рынка российской мануфактуры, являвшейся основной статьей российского экспорта. Ее место занимали текстильные изделия американского, английского, японского производства, доставлявшиеся китайскими купцами. В этих условиях значительно увеличивается ввоз в Монголию серебра и наличных денег. Материалы, собранные экспедициями, отразили экономическую слабость России на Дальнем Востоке, которую царское правительство пыталось компенсировать политическими мерами. Бесперспективность такого подхода становилась все более очевидной и требовала иной внешнеполитической стратегии. "Близость рынка и наличие выгодного договора еще недостаточно для завоевания рынка, - подчеркивалось в одном из экономических исследований. - Нужно, чтобы продукты нашей промышленности и без помощи штыка могли находить себе сбыт на дальневосточных рынках"⁸².

Экономическая политика России в Монголии в 1911-1917 гг.

Политика, проводимая Пекином в Монголии со времени ее присоединения к Цинской империи, отводила ей роль отсталой периферии, а хищничество торгово-ростовщического капитала обрекало на истощение и деградацию ее хозяйство. Все авторы, изучавшие деятельность китайских торговцев в Монголии и Урянхайском крае, подчеркивали, что они играли "...в высшей степени паразитическую роль", способст-

вужа разорению скотоводов, разрушению производительных сил и экономики в целом⁸³. Еще М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, подводя итоги своей экспедиции в Монголию в 1910 г. отмечали: “Трудно отказаться от мысли, что здесь проявляется определенная политика Китая по отношению к Монголии. Китай хочет довести последних до полного разорения и уничтожения и, обессилив монголов, вытравить в их душе всякие мечты об автономии и направить в их страну поток китайской колонизации”⁸⁴.

Подписание в 50 – 60-х гг. XIX в. соглашений между Китаем и Россией явилось важным фактором для формирования русско-монгольских торгово-экономических и культурных связей и было прогрессивным явлением для Монголии. Исследователи, не идеализируя деятельность российских купцов, отмечали, что, в отличие от китайского торгово-ростовщического капитала, “русская торговля не приводила к разрушению производительных сил Китая и не способствовала их хозяйственной деградации”⁸⁵. Прогрессивный характер влияния русской экономики и культуры на социальные процессы, происходившие в Монголии, подчеркивался и в трудах монгольских историков⁸⁶.

Многие путешественники, предприниматели и исследователи Монголии, обращали внимание на дружелюбное отношение местного населения к российским торговцам, несмотря на имевшие место факты злоупотреблений или нечестности со стороны последних. Русские купцы быстро устанавливали дружеские, неформальные контакты с монголами, которые далеко выходили за рамки отношений купли-продажи. Старшина русского торгового общества в Улясутае И.Г. Игнатьев, сообщая о своей торговой деятельности в Монголии профессору А.М. Позднееву, писал, что “монголы к русским относятся совершенно иначе, не то что бояться, а более доверчивы, чем к китайцам. ...Монгол к русским приезжает, как к своим монголам, по-дружески, на ночеву и более...”⁸⁷

Однако эти симпатии были обусловлены не столько “благоговением народа перед Россией и правительством”, как это пытался доказать П.А. Бадмаев в записке, поданной на имя царя⁸⁸, сколько тем, что китайцы, по словам одной из пекинских газет, “смотрят на монголов свысока, как на низшую расу”⁸⁹. Как отмечал Д.А. Клеменц, монголы понимали, что “при русских не будет произвольных поборов, собственность будет ограждена, китайским миллионерам не позволят выжимать по 300% в год, не дадут разорять народ. Короче сказать, монголы потому предпочитают нас китайцам, поскольку мы не похожи на китайцев”⁹⁰.

Все эти обстоятельства сыграли важную роль в событиях, связанных с формированием идей монгольского национально-освободитель-

ного движения, которые складывались под воздействием как внутренних, так и внешних факторов – прогрессивного направления в феодальной идеологии, с одной стороны, и проникновения в Монголию либеральных идей и представлений – с другой⁹¹.

Попытки монголов освободиться от китайского господства предпринимались и раньше, однако они сознавали, что сделать это самостоятельно, без посторонней помощи, не удастся. Эту помощь они надеялись получить от России.

В 1900 г., во время восстания ихэтуаней, монгольские князья тайно направили в Петербург делегацию, которая привезла богатые подарки и письмо на имя русского царя, содержавшее просьбу о помощи в создании самостоятельного монгольского государства. Однако российское правительство посчитало этот шаг несвоевременным и заняло уклончивую позицию⁹².

Проведение Пекином активной колонизационной политики в начале XX в. в Монголии усилило сепаратистские настроения в среде местных князей. В июле 1911 г. под председательством ургинского хутухты состоялось совещание, которое приняло решение обратиться к России “с просьбой о покровительстве” и “о принятии Халхи под протекторат России”⁹³. С этой целью в Петербург была направлена делегация князей с письмом хутухты к российскому императору Николаю II.

Делегация прибыла в Петербург 2 августа 1911 г. и на следующий день была принята временно управляющим МИД А.А. Нератовым. Затем 4 августа было созвано Особое совещание по делам Дальнего Востока, которое должно было выработать позицию России в монгольском вопросе. В работе совещания, проходившего под председательством председателя Совета министров П.А. Столыпина, приняли участие министры финансов, торговли и промышленности, иностранных дел, военный и морской министры и другие высокопоставленные чиновники. Совещание, подчеркнув, что “поддержка монголов в их стремлении противодействовать сказанным начинаниям китайского правительства вполне соответствовала бы нашим интересам”⁹⁴, в то же время выражало опасения, что это может привести к столкновению с Китаем и испортить отношения с западноевропейскими державами и Японией, зорко следившими за соблюдением договоренностей о сферах влияния на Востоке.

В этой связи совещание приняло решение предложить Монголии и Китаю российское посредничество в разрешении конфликтной ситуации, а, с другой стороны, российскому посланнику в Пекине было поручено довести до сведения китайского правительства, что проводимые в Монголии реформы расцениваются как “враждебное по отношению к

России действие". Прибывшей монгольской делегации решено было "объяснить невыполнимость в настоящую минуту задуманного монголами полное отложение от Китая, но обещать нашу поддержку в борьбе с китайцами за сохранение самобытного строя Халхи"⁹⁵. Затем депутация была принята П.А. Столыпиным, который, взяв письмо богдогегена и четырех князей на имя царя, посоветовал "не предпринимать никаких активных против китайского правительства действий" и пообещал, что Россия "постарается повлиять на Китай в смысле прекращения усиленного переселения на границу китайцев и посылки войск в пограничную с нами Монголию"⁹⁶.

Демарш российской дипломатии и начавшаяся Синьхайская революция заставили Китай приостановить военно-политические преобразования в Монголии, о чем было сообщено поверенным в делах в Петербурге в октябре 1911 г.⁹⁷

Однако это уже не могло остановить разраставшегося национально-освободительного движения. 1 декабря 1911 г. Внешняя Монголия провозгласила себя независимым государством и обратилась за поддержкой к России. Российский МИД отреагировал на это заявлением от 29 декабря, в котором была сформулирована официальная позиция по монгольскому вопросу. "Не желая вмешиваться в происходящую в Китае борьбу и не питая агрессивных замыслов в Монголии, - подчеркивалось в документе, - Россия, однако, не может не интересоваться установлением прочного порядка в этой соседней с Сибирью области, где имеются крупные русские торговые интересы"⁹⁸. Для урегулирования монголо-китайских отношений российский МИД предлагал свое посредничество, которое должно было строиться, с одной стороны, на признании Монголией сюзеренитета Китая, а с другой - на официальном отказе китайской стороны от проведения запланированных военно-политических и экономических преобразований. В случае отказа Пекина принять эти условия, Россия оставляла за собой право "вести с монгольским правительством деловые отношения"⁹⁹.

После провозглашения Монголией независимости и заявления от 29 декабря 1911 г. российское правительство некоторое время выдерживало паузу. Отсутствие каких-либо официальных заявлений или действий в течение почти полугода позволяет предположить, что, несмотря на бодрые заявления МИДа о том, что он предвидел подобный ход событий и даже способствовал ему, монгольские события застали российских политиков врасплох. Во всяком случае, какой-либо программы действий или проектов соглашений с ургинским правительством ни Министерство иностранных дел, ни какое-либо другое ведомство не предложило.

Пожалуй, единственной официальной реакцией правительства стало выступление С.Д. Сазонова в Государственной думе 13 апреля 1912 г., в котором министр заявил, что "главной задачей нашей в Северной Монголии является воспрепятствование образованию в этой пограничной с нами области сильного в военном отношении государства"¹⁰⁰.

Но, заявив о своем нейтралитете в монголо-китайском конфликте, российское правительство тем не менее не оставалось безучастным к происходившим событиям, поскольку это касалось геополитических и стратегических интересов России в дальневосточном регионе.

Поэтому было принято решение начать подготовку сепаратного соглашения с правительством богдо-гегена, которое должно было укрепить политическое и экономическое влияние России в Монголии. На заседании 2 августа 1912 г. Совет министров пришел к выводу о том, что "политика выжидания в монгольском вопросе становится опасной и что наилучшим решением его в данное время было бы заключение между Россией и Халхой двустороннего дипломатического акта, сущность которого сводилась бы к обещанию русского правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации его китайцами... Политическое значение такого акта, - говорилось в Особом журнале Совета министров, - было бы весьма серьезно, ибо китайцы оказались бы вынужденными считаться с совершившимся фактом сепаратного соглашения нашего с монголами, а эти последние оказались бы в ответственных и, впрочем, весьма для них выгодных отношениях с нашим отечеством; наконец, соглашение это значительно затруднило бы интриги иностранных держав против занятого нами положения в Халхе"¹⁰¹.

При обсуждении проекта русско-монгольского договора выяснилось, что позиции центральных ведомств неодинаковы. В частности, министры финансов и торговли и промышленности настаивали на включении в текст договора положения о праве русских подданных приобретать в Монголии недвижимость без каких-либо ограничений. Это требование вызывало возражение со стороны МИДа. Поскольку на заседаниях межведомственного совещания, работавшего в мае 1912 г., прийти к компромиссу не удалось, данный вопрос был вынесен на заседание Совета министров. Отстаивая свою позицию, министры финансов и торговли и промышленности подчеркивали, что "неупоминание в предложенном договоре о предоставлении русским подданным прав по приобретению недвижимых имуществ повсеместно в Монголии чрезвычайно вредно отразилось бы на возможности осуществления русскими предприятиями экономической в Монголии деятельности"¹⁰².

В качестве контраргумента министр иностранных дел С.Д. Сазонов указывал на опасность кардинальных изменений прав русских поддан-

ных в Монголии, поскольку это противоречило системе “статус-кво” и могло вызвать противодействие со стороны западноевропейских держав. В Китае, отмечал С.Д. Сазонов, “переплетаются и сосредоточиваются важнейшие политические и торговые интересы как наши, так и иностранных держав, причем взаимное соперничество их может сдерживаться в рамках мирного развития лишь при строгом соблюдении существующих трактатов и договоров”. Поэтому он предлагал “положить в основу проектируемого договора с Монголией мысль об обеспечении в ней за Россией лишь тех прав, которыми уже пользуются там русские подданные по силе действующих договоров”¹⁰³.

Он напомнил оппонентам, что в соответствии с имеющимися соглашениями, любое преимущество для русских подданных в Китае автоматически распространялось на подданных других государств, а потому предлагал “заключить договор, в существенных чертах воспроизводящий касающиеся Внешней Монголии постановления С.-Петербургского трактата 1881 г.”. А поскольку предоставление русским подданным права повсеместного приобретения недвижимой собственности в Монголии выходило за рамки этого договора, Министерство иностранных дел предлагало не включать данный пункт в проектируемое русско-монгольское соглашение¹⁰⁴.

Однако аргументы С.Д. Сазонова оказались недостаточно убедительными, и Совет министров постановил включить в проект соглашения пункт о недвижимости в редакции министров финансов и торговли и промышленности.

Полемика в правительстве по этому, казалось бы, частному вопросу, позволяет нам судить о формировавшейся экономической политике России по отношению к Монголии. Важное значение в этом отношении имеет секретное письмо управляющего Министерством иностранных дел А.А. Нератова председателю Совета министров В.Н. Коковцову от 10 августа 1912 г., в котором дипломат подробно обосновывал позицию МИДа в возникшем споре. “Мы выступаем защитниками современного строя Монголии, - писал А.А. Нератов, - и задачей нашей сделалось сохранить за ней характер страны, населенной кочевниками и слабой в военном отношении, по крайней мере, до тех пор, *пока прилегающие к Монголии окраины наши остаются еще мало развитыми*”¹⁰⁵ (курсив наш. - А.С.).

Иными словами, МИД отнюдь не выступал против предоставления права российским подданным иметь в Монголии недвижимость, а лишь считал эту меру несвоевременной. “Создание в Монголии института частной собственности, - считал А.А. Нератов, - будет иметь для России гораздо более отрицательных, чем положительных последствий”. По его

мнению, это могло оказать отрицательное влияние на развитие скотоводческого хозяйства и способствовать развитию в Монголии земледелия и промышленности, что "не может соответствовать нашим государственным интересам". Такой, на первый взгляд парадоксальный вывод основывался на том, что "при настоящем развитии монголов земледелие и промышленность в этой области могут быть только иностранные"¹⁰⁶. Естественно, что такой иностранной промышленностью должна была стать российская промышленность. Однако возможность учреждения русскими предпринимателями промышленных предприятий в Монголии была маловероятна, а с точки зрения интересов государства, - нежелательна. "Нельзя признать нормальным, - писал А.А. Нератов, - чтобы русское государство, столь бедное капиталами и промышленными силами, сознательно отвлекало их для деятельности за границей. Если бы попытки наши в этом направлении удались, мы достигли бы лишь развития соседней с нами страны, в ущерб собственным областям"¹⁰⁷.

МИД считал, что для переработки монгольского сырья необходимо строить промышленные заведения не в Монголии, а в приграничных районах Сибири. Поэтому стратегическим направлением экономической политики России в Монголии должна была стать торговля, для которой проблема прав приобретения недвижимости в этой стране не имела существенного значения.

Тем не менее приведенные аргументы не изменили мнения В.Н. Коковцова, и он продолжал настаивать на необходимости обеспечить за русскими подданными права повсеместного владения землей в Монголии. В качестве компромисса он предлагал внести в текст проектируемого соглашения положение, разрешавшее приобретать землю только для устройства торгово-промышленных заведений, а не для колонизации или спекуляции, которая "может привести к перепродаже земель китайцам и тем способствовать процессу окитаения Монголии"¹⁰⁸.

Следует подчеркнуть, что полемика по вопросам обсуждаемого проекта русско-монгольского договора являлась отражением не только личного мнения С.Д. Сазонова или В.Н. Коковцова, она ярко отражала различные подходы в понимании значения Монголии, существовавшие как в правительстве, так и в российском обществе.

Синьхайская революция и объявление Монголией независимости вызвали большой интерес в России, свидетельством чего явился целый ряд публикаций, посвященных Монголии и русско-монгольским отношениям¹⁰⁹.

Все авторы подчеркивали важность Монголии для реализации российских политических и экономических интересов на Дальнем Востоке. Что касается способов их достижения, то здесь мнения были диаметрально

рально-противоположные – от присоединения Монголии к России (В. Томилин) до создания нейтрального буферного государства под покровительством союза европейских государств (М.И. Боголепов и М.Н. Соболев). Представители деловых кругов Центральной России в лице руководителей Российской экспортной палаты В.И. Денисова, А.Н. Аркадий-Петрова, А.И. Лепарского предлагали установить над вновь образованным монгольским государством российский протекторат. Либералы в лице партии кадетов выступали против этой идеи, отвергая тем более призывы к аннексии Монголии. Против аннексии Монголии и протектората над ней выступали и сибирские предприниматели. Бийский купец А.Д. Васенев в программной статье “Русские задачи в Монголии”, опубликованной в журнале “Русский экспорт”, считал главной задачей усиление российского экономического и культурного влияния в Монголии, что “несомненно, встретит горячее сочувствие со стороны местного населения. ...Необходимо создать между Россией и Китаем государство-буфер, - писал он. - Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев. В случае игнорирования Россией монгольских стремлений, Монголии грозит опасность разгрома со стороны китайцев, по примеру знаменитого усмирения в 60-х годах прошлого столетия дунганского восстания в западных провинциях Китая”¹¹⁰.

Разногласия в подходах к монгольскому вопросу привели к тому, что проект соглашения с правительством богдо-гегена был подготовлен только к августу 1912 г. В соответствии с основной идеей, высказанной С.Д. Сазоновым на заседании Государственной думы в апреле 1912 г. о недопущении на границе России сильного в военном отношении государства, проект предусматривал возможность управления Внешней Монголией национальными властями, недопущение китайской колонизации и присутствия здесь китайских войск. Вопросы реализации российских экономических интересов регулировались прилагаемым к соглашению протоколом¹¹¹.

Для ведения переговоров и подписания русско-монгольского соглашения в Ургу был направлен действительный статский советник И.Я. Коростовец, который в 1908 – 1912 гг. занимал пост русского посланника в Пекине и хорошо разбирался в тонкостях дальневосточной политики.

Однако, несмотря на подготовленный проект и дипломатический опыт полномочного посланника, переговоры затянулись. Во время обсуждения договора выявился ряд противоречий, как политического, так и экономического характера. В частности, монгольскую сторону не устраивал предполагаемый статус автономии в составе Китая, и она стре-

милась “к признанию и обозначению Монголии в соглашении как “независимого государства” и к включению в него Внутренней Монголии и других областей, признавших власть ургинского правительства”¹¹². Выявились разногласия и по тексту протокола, который регламентировал права русских подданных в Монголии и характер их торгово-промышленной деятельности.

Сообщая об этом в Петербург, И.Я. Коростовец считал, что причины упорства монгольской стороны объяснялись “полным невежеством, незнакомством с историей и современными политическими обстоятельствами”, а также тем, что многие князья находились “под влиянием происков Китая, действующего всякими способами, дабы вернуть себе в Монголии прежнее положение и не дать ей окончательно перейти на нашу сторону”¹¹³.

Такая позиция монгольского правительства нарушала стабильность в регионе и встретила весьма жесткую реакцию российского МИДа. “...Благоволите разъяснить монголам, - говорилось в телеграмме С.Д. Сазонова И.Я. Коростовцу от 14 октября, - что мы не имеем ни замыслов на их территорию, ни намерения навязывать им суверенитет Китая. Мы предвидим, однако, что при настоящем положении страны монголы не будут в состоянии собственными силами отстаивать свою полную независимость от Китая и защищать от китайцев всю территорию, населенную монгольскими племенами”¹¹⁴.

Несмотря на давление Петербурга, согласование всех статей договора продолжалось в течение почти двух месяцев. Наконец, 21 октября 1912 г. документ был подписан. Он состоял из соглашения и протокола. В соглашении российское правительство гарантировало свою помощь в сохранении самобытного строя Монголии, формировании национальных вооруженных сил и обязывалось не допускать китайской колонизации и ввода китайских войск.

Прилагаемый к соглашению протокол существенно расширял права русских подданных в занятиях торгово-промышленной деятельностью по сравнению с Санкт-Петербургским договором. Русские получили право эксплуатации горных и лесных богатств, открытия отделений банков, свободного плавания по рекам и озерам Монголии. Им разрешалось приобретать в собственность участки земли для открытия торговых и промышленных заведений и арендовать их для занятий сельским хозяйством. По соглашению с монгольскими властями русские подданные могли строить мосты и учреждать почту. Так же как и в Петербургском договоре 1881 г., они пользовались правом беспошлинной торговли на всей территории страны и могли производить сделки на наличные деньги, в кредит или в обмен на товары. Однако, в отличие от

прежнего порядка, ни хошуны, ни государственные учреждения не несли ответственности за долги частных лиц. Споры по сделкам между русскими и монголами должны были теперь разрешаться особыми смешанными комиссиями в составе русского консула и представителя местных властей. При этом российское правительство получало право назначать своих консулов в те места, которые найдет нужным¹¹⁵.

Договор 21 октября 1912 г. вызвал энергичные протесты Пекина. В письменных обращениях в российский МИД китайское правительство подчеркивало, что Монголия является составной частью Китая и не имеет права заключать какие-либо международные соглашения. Поэтому оно настаивало на аннулировании подписанных документов. Бурно реагировала на монгольские события и китайская пресса. Газеты “Ди-го жи-бао”, “Гуань-хуа-жи-бао”, “Бэй-цзинь жи-бао” и другие регулярно помещали на своих страницах корреспонденции из Урги и комментарии к ним, анализировали сложившуюся ситуацию и пытались давать прогнозы на будущее. Практически все газеты считали, что объявление монгольской независимости – дело рук Петербурга, без поддержки которого правительству Юань-ши-кая без особого труда удалось бы справиться с проблемой. По их мнению, от самих монголов “не может исходить инициатива объявления независимости вышеупомянутых областей без постороннего влияния”. В то же время подчеркивалось “отсутствие проницательности и недостаточность серьезного отношения к окраинам со стороны центрального правительства”. Газета “Ди-го жи-бао” от 11 декабря 1911 г. писала, что “министерство колоний стало в последнее время вести в Монголии совершенно неправильную политику, а ургинский амбань Саньдо начал открыто притеснять монголов”, в результате чего враждебность к китайцам усилилась и “под влиянием усилившейся со стороны России агитации монголы стали мечтать об отделении от Китая”¹¹⁶.

В результате дипломатических встреч и оживленной переписки, продолжавшейся почти год, Россия и Китай пришли к компромиссу, зафиксированному в совместной декларации 23 октября 1913 г. В соответствии с этим документом Россия признавала сюзеренные права Китая, а Китай, в свою очередь, – автономию Монголии. Что касается объема полномочий ургинского правительства, то этот вопрос должен был получить свое разрешение в результате русско-китайско-монгольских переговоров¹¹⁷.

Переговоры решено было провести в Кяхте, и они обещали быть весьма непростыми. Ургинское правительство по-прежнему декларировало в качестве своей важнейшей задачи присоединение к Халхе Внутренней Монголии и других монгольских земель, что исключало воз-

возможность компромисса с китайской стороной. Подписание русско-китайской декларации, которой Монголия объявлялась частью Китая, вызвало в Урге резко отрицательную реакцию. Как сообщал дипломатический агент в Монголии А.Я. Миллер, “монгольские министры... упрямо питали утопическую надежду на «полное отделение от Китая» и на присоединение к себе Внутренней Монголии”¹¹⁸.

Однако решительность в отстаивании независимости не была подкреплена финансовыми и военными ресурсами, и это делало Внешнюю Монголию фактически беззащитной в случае военного столкновения с Китаем. Слабость Монголии ярко продемонстрировали военные действия в Барге и Внутренней Монголии, куда были направлены халхасские отряды. Нереальность планов обретения немедленной независимости Халхи подчеркивали как российские дипломаты, так и иностранные наблюдатели. Бывший американский посланник в Пекине У. Рокхиль, побывавший в Урге в декабре 1913 г., во время встреч с монгольскими министрами предостерегал их от поспешности в этом вопросе и подчеркивал, что “политический рост государства требует известного времени и осторожности”. Как сообщал А.Я. Миллер, “г. Рокхиль с неизменной последовательностью проводил ту мысль, что залогом дальнейшего процветания автономной Внешней Монголии должно служить полнейшее доверие к ее другу – России и неуклонное следование ее советам”¹¹⁹.

Тем не менее во время визита в Петербург в конце 1913 г. премьер-министр ургинского правительства Сайн-ноён-хан Намнан-Сурен обратился с нотой к иностранным дипломатическим представителям, в которой объявлялось решение правительства добиваться полной независимости Монголии и объединения под властью хутухты всех монгольских племен. Однако эта акция успеха не имела. Китайский посланник вернул направленную ему ноту, а европейские дипломаты ограничились передачей документа своим правительствам¹²⁰.

Продemonстрировав тем самым, что решение монгольского вопроса является прерогативой правительств России и Китая, европейские державы тем не менее внимательно следили за развитием событий. Так, во время визита в Англию министра иностранных дел С.Д. Сазонова монгольский вопрос обсуждался во время его встречи со статс-секретарем британского правительства по иностранным делам Э. Грэм, хотя, по словам главы российского МИДа, в Монголии “у англичан нет ни политических, ни даже экономических интересов”¹²¹. По сообщениям русского посла в Берлине, правительство Германии готово было признать договоры между Россией и Монголией лишь постольку, поскольку они не противоречили принципу “равноправия в Китае торговли и одинако-

вого юридического положения всех наций”¹²². США были против попыток Монголии обрести независимость и выступали за передачу ее под контроль Китая, где американский капитал занимал сильные позиции¹²³.

Особенно внимательно следила за действиями России в Монголии Япония. Несмотря на секретные соглашения 1907 и 1910 гг., в которых Внешняя Монголия признавалась сферой специальных интересов России, Япония проявляла большую заинтересованность в сведениях экономического и военного характера, касающихся Халхи, и после русско-японской войны направила несколько разведывательных экспедиций, изучавших пути, ведущие в Забайкалье. В этой связи газета “Новое время” в 1912 г. писала: “Японский генеральный штаб еще в прошлом году, до китайской революции..., прошел всю Северную Монголию и Илийский край. Очень естественно, что, объявив себя независимой, Монголия будет искать себе опоры и если не встретит этой опоры со стороны России, то будет искать ее у Японии”¹²⁴.

Справедливость этого предположения подтвердилась уже в 1913 г., когда правительство богдо-гегена дважды пыталось установить контакты с Японией. В письме, адресованном японскому императору, содержалась просьба направить в Ургу представителя японского правительства и оказать содействие в политическом объединении всех монголов. Япония, демонстрируя лояльность по отношению к России, ознакомила с его содержанием российского посланника в Токио и вернуло письмо хутухте, заявив, что не состоит в дипломатических отношениях с монгольским правительством¹²⁵.

Таким образом, западные державы не возражали против усиления русского влияния в Монголии лишь в том случае, если это не затрагивало их интересов в рамках системы политических и экономических отношений, сложившихся на Дальнем Востоке в начале XX столетия.

В этих условиях перед российской делегацией на предстоящих русско-китайско-монгольских переговорах в Кяхте стояла очень сложная задача: не нарушая сложившегося баланса сил в дальневосточном регионе, добиться доминирующего положения во Внешней Монголии, продолжавшей оставаться, согласно декларации 1913 г., частью Китая. От ее решения зависела не только судьба Монголии, но положение России в центральноазиатском и дальневосточном регионах, которое после поражения в русско-японской войне заметно ухудшилось.

Не следует забывать и о том, что в рассматриваемый период Монголия являлась не только “страдающей стороной”, политическая судьба которой решалась в Петербурге и Пекине, но и предпринимала активные попытки вести самостоятельную политику. Как справедливо отмечал Е.А. Белов, “монголы имели свою собственную политику, которая не была осуществлена до конца из-за их слабости”¹²⁶.

Опираясь на поддержку России, правительство богдо-гегена стремилось не только стать субъектом международных отношений, обладающим полным суверенитетом, но и реализовать идею "Великой Монголии", "золотого рода" Чингис-хана, объединив под властью Урги Внутреннюю и Восточную Монголию, Урянхайский край и т.п. Через несколько дней после провозглашения независимости Халхи и возведения на ханский престол ургинского хутухты были подготовлены специальные послания, которые направлялись правителям монгольских ханств и княжеств за пределами Монголии, в которых содержался призыв к объединению в единое независимое монгольское государство. Правомочность этого обосновывалась историческими аргументами. В письме одного из монгольских деятелей цин-вана Ханддоржа подчеркивалось, что "Монголия не только не находилась в подчинении Китая, но наоборот... более 1000 лет пограничные области Китая подчинялись Монголии... Вачир-Дара Богдо Лама, взойдя на престол царя всей Монголии, хотел только воспользоваться своими историческими правами управлять своими народами и землями... Единственное наше стремление заключается в том, чтобы наш Богдо-хан самостоятельно управлял своими учениками Внутренней и Внешней Монголии"¹²⁷.

Ссылки в борьбе за независимость на особенности исторического пути монголов свидетельствовали о процессе становления национального самосознания в монгольском обществе и являлись прогрессивным показателем его развития. Однако уровень социально-экономического и политического развития Халхи в начале XX в., а также международные противоречия в дальневосточном регионе делали планы создания независимого монгольского государства малореальными. Наиболее дальновидные и трезвые политики весьма скептически относились к попыткам ургинского правительства объединить всех монголов в единое государство. Как сообщал в российский МИД дипломатический агент в Монголии А.И. Миллер, крупный знаток Востока, бывший секретарь посольства США в Пекине У. Рокхиль в беседе с ним высказал мнение о том, что "монголы едва ли справятся со своей задачей без нашей помощи в виде контроля над их финансами. По его словам, внутренние монголы по своему развитию и культуре стоят значительно выше халхасцев и никогда не признают над собою главенства последних"¹²⁸. Подобного же мнения придерживались российские политики. Во время встреч с монгольскими министрами по поводу заключения русско-монгольского договора уполномоченный по ведению переговоров И.Я. Коростовец "советовал министрам не увлекаться идеей цельной, объединенной Монголии, а воспользоваться нашей помощью для обеспечения автономии Халхи. Когда последняя сплотится и выработает известную госу-

дарственность, тогда будет время подумать о привлечении остальных монгольских земель”¹²⁹.

Российское общественное мнение приветствовало монгольские события, однако перспективы создания независимой Монголии оценивались неоднозначно¹³⁰. Демократическая интеллигенция выражала надежду, что при поддержке России монголы смогут обрести независимость¹³¹. Однако наиболее трезвые аналитики полагали, что “монголы не могут образовать самостоятельного и сильного государства”¹³², и их позиция по монгольскому вопросу была близка к официальной. Так, выпускник Восточного института во Владивостоке П.А. Бобрик, побывав в Монголии в 1913 г., писал: “Что такое самостоятельная Монголия? Страна, которая почти независимо от себя, благодаря сложившейся конъюнктуре внешних обстоятельств, оказалась независимым государством. Необходимо сделать так, чтобы Монголия стала страной, которая могла бы сама себя содержать”¹³³.

Следует отметить, что официальная Россия, являвшаяся, по сути дела, единственным защитником интересов Халхи, с некоторым раздражением относилась к стремлению ургинского правительства добиться международного признания и всем попыткам установить контакты с другими государствами без российского посредничества. Вместе с тем Министерство иностранных дел предпринимало усилия по прекращению военных действий во Внутренней и Южной Монголии и именно этим обуславливало оказание Халхе финансовой и военной помощи. «Мы не могли безусловно сочувствовать этому монгольскому империализму, - говорилось в письме С.Д. Сазонова министру финансов В.Н. Коковцову, - и ограничивались выдачей монголам небольших партий оружия, дабы, не давая ему поводов винить нас в нежелании поддержать монгольское дело, вместе с тем не допустить его до таких действий, которые, в конечном результате, должны были привести к полному разгрому Монголии китайцами, неизмеримо сильнейшими монголов»¹³⁴.

Однако ургинское правительство продолжало вынашивать планы создания Великой Монголии и после получения финансовой помощи России. В Иркутском архиве сохранилось дело “О монгольской агитации в Урянхайском крае и мерах противодействия оной”, в котором в октябре 1914 г. комиссар по делам Урянхайского края сообщал Иркутскому генерал-губернатору, что монгольские власти, воспользовавшись началом Первой мировой войны, развернули обширную агитационную работу среди коренного населения края с целью признания им власти богдо-гегена. “Попытка эта, - говорилось в документе, - выразилась в официальном обращении монгольских правителей ко всем урянхайским

правителям, коим предписывалось им подчиняться монгольскому правительству, причем действия мои по-прежнему назывались самовольными, не соответствующими дружбе двух государств – Монголии и России”¹³⁵.

В конце 1916 г. вопрос о присоединении Урянхайского края к Автономной Монголии был поднят вновь. По сведениям И.М. Майского, в конце 1916 г. между монгольскими властями и российским дипломатическим представителем велись переговоры о проведении в июле 1917 г. референдума среди населения Урянхайского края по вопросу его принадлежности России или Монголии¹³⁶.

В отличие от сибирской администрации, центральные органы России инсинуации монгольских правящих кругов всерьез не воспринимали и на поступающую по этому вопросу информацию реагировали довольно спокойно. По мнению С.Д. Сазонова, “с агитацией монголов в Урянхае нам следует бороться не дипломатическими представлениями, вообще мало действенными, когда делаются таким слабым и дезорганизованным правительством, как монгольское, а реальными мерами, доказывающими урянхам пользу для них русского владычества”¹³⁷.

Более важным аспектом монгольского вопроса российские политики считали проблему укрепления самого монгольского правительства. Правительству богдо-гегена необходимо было коренным образом пересмотреть характер взаимоотношений между центральными органами и удельными князьями, которые в силу многолетних традиций пользовались большой самостоятельностью. Это затрудняло создание единой системы государственного управления, сбора налогов и т.д.

Трудность решения этих задач заключалась в том, что среди самой правящей элиты Халхи имелись как приверженцы идеи независимости и национального объединения, так и ее противники. Для многих князей стремление освободиться от китайского владычества было продиктовано не столько политическими убеждениями, сколько сугубо утилитарными соображениями. По сведениям русских дипломатов, монгольские министры и многие хошунные князья и после провозглашения независимости “не переставали кредитоваться у китайских купцов и фирм, легкомысленно не думая не только о дне расплаты, но питая даже уверенность, что такового вовсе не будет, так как Монголия отделилась от Китая и тем как бы ликвидировала все свои прежние денежные счета с этим государством”¹³⁸. Среди наиболее крупных должников Дайцинского банка был сам богдо-геген и два главных министра – Ханда-цин-ван и Сайн-ноин-хан, а общая задолженность монголов банку с процентами составляла 1,5 млн. руб.¹³⁹

В период подготовки к тройственным переговорам принимались меры, побуждающие Монголию следовать в фарватере российской по-

литики. Важную роль в этом плане должен был сыграть визит в Петербург премьер-министра монгольского правительства Сайн-ноён-хана Намнан-Сурена.

Этот визит состоялся в конце 1913 г. и его главной целью было получение Монголией военной и финансовой помощи. Военная помощь монгольскому правительству была необходима для продолжения военных действий в Барге и Внутренней Монголии с целью их присоединения к Халхе.

Как отмечалось, российские политики неоднократно выступали против амбициозных планов ургинских правителей. В беседах с Сайн-ноён-ханом С.Д. Сазонов настойчиво указывал ему на “несбыточность надежды его правительства добиться объединения всех монголов в одно государство и признания независимости со стороны держав”. Главной задачей монгольского правительства на данном этапе, по его мнению, было создание “сильного монгольского государства, что может явиться лишь результатом многолетней упорной внутренней работы”.

Именно на эти цели российское правительство готово было предоставить Монголии ссуду в 3 млн. руб. (Первая ссуда в размере 2 млн. руб. была предоставлена Монголии в январе 1913 г.) При встрече монгольского премьера с В.Н. Коковцовым речь шла об употреблении ссуды “исключительно на предприятия, клонящиеся к культурному развитию и обогащению Монголии”¹⁴⁰.

Кроме кредита, российское правительство предполагало оказание помощи формирующемуся монгольскому правительству в организации государственного хозяйства, финансов, таможенной службы и т.д., ибо без этого предполагаемая широкая автономия Халхи не могла бы состояться. Опасаясь, что молодое монгольское правительство не сумеет использовать полученные кредиты с максимальной пользой (тем более, что прецеденты были), Министерство финансов направило в 1914 г. в Ургу советника С.А. Козина, который, кроме контроля за расходованием ссуды, должен был оказать финансово-техническую помощь в организации государственного хозяйства, податной и таможенной службы.

Перед С.А. Козиным стояла непростая задача. По сложившемуся порядку хошунные и аймачные управления в финансовых вопросах обладали большой самостоятельностью, а единый государственный орган, ведавший финансами, отсутствовал. В этой связи требовалось проведение коренной реформы сбора налогов и формирования государственного бюджета.

Для решения этих задач было образовано Управление русского советника, для работы в котором С.А. Козин пригласил специалистов из России. Сотрудники управления навели некоторый порядок в организа-

ции государственных финансов, в частности, был составлен бюджет Министерства финансов, что позволяло осуществлять контроль за доходами и расходами. Помощником С.А. Козина П.А. Витте было проведено в 1915 – 1916 гг. предварительное статистико-экономическое исследование страны, а в 1918 г. – первая монгольская перепись населения и скота. Кроме того, по настоянию С.А. Козина в правительстве было учреждено Управление государственными имуществами, целью которого было “получение казной от государственных имуществ дохода, установление правильного, не истощающего их использования, а также расширение оброчного хозяйства, регистрация, правильная оценка и отвод в натуре оброчных статей с составлением планов, надзора и охраны на местах”¹⁴¹.

В 1914 г. по инициативе дипломатического агента в Урге А.Я. Миллера российская сторона начала переговоры о заключении соглашения по железнодорожному строительству в Монголии. В инструкции Министерства иностранных дел А.Я. Миллеру рекомендовалось не настаивать на исключительном праве России строить железные дороги во Внешней Монголии, но “фактически закрепить за нами то право, как вытекающее из естественного географического и торгового тяготения автономной Монголии к нашим сибирским владениям и к обслуживающей их нашей рельсовой сетью”¹⁴².

28 октября 1914 г. такое соглашение было подписано. В этом документе Россия принимала на себя обязательства оказывать всестороннюю помощь в сооружении железных дорог, а Монголия не должна была начинать железнодорожное строительство или выдавать концессии без согласования с российской стороной¹⁴³.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в урегулировании международно-правового аспекта монгольского вопроса, члены правительства сознавали, что Ургинское соглашение, создав благоприятную правовую базу для расширения торгово-экономических связей между Россией и Монголией, отнюдь не гарантировало российским предпринимателям абсолютного преобладания на монгольском рынке. Чтобы добиться этого, требовалось решить целый ряд проблем экономического характера, которые позволили бы российским товарам конкурировать с английскими и американскими изделиями, доставлявшимися в Монголию китайскими коммерсантами.

Поиски путей и способов достижения этой цели осложнялись отсутствием единства в высших правительственных кругах. Министерство торговли и промышленности испытывало сильное давление со стороны предпринимателей, которые считали, что торговый протокол Ургинского договора не дает достаточных гарантий их успешной деятельности в Монголии. В частности, большое недовольство купцов вызывала 4-я

статья торгового протокола, которая отменяла круговую поруку хошуна за долги частных лиц. "Конечно, эта мера весьма симпатична и желательна, - писал доверенный «Русского экспортного товарищества» в Улясутае, - но не воспользуются ли этой статьей монголы, чтобы не платить кредитов?" Поэтому он считал необходимым дополнить данную статью положением об ответственности за неплатеж всем имуществом должника.

Другой предприниматель, директор-распорядитель фирмы "Коковин и Басов" М.М. Коковин, считал, что предоставление иностранцам одинаковых прав с русскими подданными в совершении торговых сделок приведет к концентрации скупки сырья крупными зарубежными фирмами. Он также считал ошибочным решение Совета министров, запрещавшее транзитную доставку мануфактуры через Владивосток. Это могло привести, по его мнению, к товарному голоду в Монголии и полной зависимости сибирских коммерсантов от поставок товара московскими фабрикантами. "Пока они соберутся подготовить нужный товар, - писал он, - пройдет много времени, а из-за интересов одних москвичей нельзя оставить монголов без рубахи"¹⁴⁴.

В свою очередь, предприниматели Европейской России считали меры по снижению железнодорожных тарифов недостаточными и ходатайствовали о предоставлении им правительственной ссуды в 1 млн. руб.¹⁴⁵ Купечество выступало и за повышение таможенных тарифов на товары, поступающие в Монголию из Китая. Именно этот вопрос, по мнению министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, "представляется чрезвычайно важным", и он в письме к С.Д. Сазонову предлагал "установить на настоящий вопрос единообразный, согласованный взгляд правительства"¹⁴⁶.

В ответ на эти требования С.И. Сазонов в письме к С.И. Тимашеву от 17 февраля 1914 г. подчеркивал, что для русской торговли и без того "существует льготное положение, далее которого в смысле выгод некуда идти, если не прибегнуть к премированию русского вывоза в Монголию"¹⁴⁷. В отличие от русских товаров, ввозимых в Монголию беспошлинно, иностранные изделия облагались сбором, составлявшим 12,5 % их стоимости. А потому, считал министр, все попытки повысить таможенный тариф на монгольско-китайской границе противоречили принципу равных возможностей в Китае и неизбежно вызвали бы протесты западных держав, что "скомпрометирует наше положение в монгольском вопросе и заставит нас идти на такие уступки, которых можно избежать, если не затрагивать открыто интересов держав"¹⁴⁸.

Вопрос о таможенных тарифах был обсужден 25 февраля 1914 г. на совещании представителей министерств иностранных дел, финансов и торговли и промышленности. Участники совещания не пришли к како-

му-либо определенному выводу и лишь признали желательным, "чтобы тот или иной таможенный режим, который явится результатом тройных переговоров, носил временный характер впредь до заключения Монголией отдельных с державами торговых соглашений"¹⁴⁹.

Кроме урегулирования таможенного обложения, для усиления экономического влияния России в Монголии требовалась реализация целого комплекса мер: расширения ассортимента русского экспорта, снижения накладных и транспортных расходов при доставке товаров, улучшения путей сообщения, организации кредитной поддержки торговцам и т.д.

Особую активность в реализации этих мер проявлял иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев. В начале 1913 г. под его председательством в Иркутске состоялся ряд совещаний с участием представителей местной администрации, иркутского и кяхтинского купечества и московского биржевого комитета. Но поскольку многие проблемы русско-монгольской торговли на месте решить было невозможно, то в июне 1913 г. по инициативе того же Л.М. Князева в Петербурге открыло работу межведомственное совещание по русско-монгольским делам. В совещании приняли участие представители Министерства финансов, внутренних и иностранных дел, путей сообщения, торговли и промышленности, народного просвещения, военного министерства, Главного управления землеустройства и земледелия и Российской экспортной палаты.

Совещание, работавшее с 11 по 24 июня, рассмотрело весь спектр вопросов, направленных на усиление российского экономического влияния в Монголии и выработало комплекс мер с учетом положений договора 21 октября 1912 г.¹⁵⁰

Кроме вопросов, касавшихся собственно торговли и ее обеспечения (строительство путей сообщения, средства связи, таможенный режим и пр.), участники совещания обсудили проблемы организации в Монголии медицинской и ветеринарной помощи, подготовки кадров для работы за границей. Был также обсужден вопрос о создании в Иркутске Монгольского бюро или Совета по монгольским делам при иркутском генерал-губернаторе в качестве совещательного органа¹⁵¹.

Существенную роль в развитии торгово-экономических связей с Монголией должен был сыграть организованный в марте 1911 г. Дальневосточный отдел Российской экспортной палаты, который задумывался как представительный орган, объединявший российских предпринимателей, работавших в странах Дальнего Востока. Как подчеркивал его руководитель А.Н. Аркадий-Петров, Дальневосточный отдел – это "нейтральная почва, на которой могли бы сойтись крупные и мелкие

коммерсанты, одинаково заинтересованные в процветании русской торговли, росте собственных интересов в странах Дальнего Востока, особенно в смежных с Россией областях Китая и Японии”¹⁵².

Особое внимание Дальневосточный отдел уделял Монголии. Так, в 1912 г. из 136 докладов и сообщений, заслушанных на его заседаниях, 58 (42,6 %) было посвящено вопросам русско-монгольской торговли. При отделе было создано несколько комиссий для подготовки документов и решений по данному вопросу (комиссия по выработке устава Русско-Монгольского акционерного общества, комиссия по изучению тарифных и таможенных ставок и пр.)¹⁵³.

Таким образом, ко времени начала тройственных переговоров Россия значительно укрепила свои позиции во Внешней Монголии, и важнейшей задачей российской дипломатии на конференции в Кяхте было закрепление их в соответствующих документах.

Кяхтинская конференция начала свою работу 26 августа 1915 г. Каждая из делегаций привезла с собой готовые проекты решения, которые в корне отличались друг от друга. Китайская сторона прибыла с твердым намерением низвести Внешнюю Монголию до уровня китайской провинции с некоторыми элементами местного самоуправления, полностью зависимого от центральной власти. Монгольская делегация по-прежнему надеялась добиться полной государственной независимости или, по крайней мере, широкой автономии, объединяющей население Внешней и Внутренней Монголии. Российские дипломаты предлагали компромиссный вариант, предусматривавший широкую автономию Халхи в составе Китая, и совершенно не касались вопроса о судьбе Внутренней Монголии.

В результате бурных дискуссий, продолжавшихся восемь месяцев, к концу мая 1915 г. был, наконец, согласован весь текст русско-китайско-монгольского соглашения. Подписанный 25 мая документ представлял собой компромиссное решение монгольского вопроса. Внешняя Монголия признавала сюзеренитет Китая, а Россия и Китай – ее автономию. Ургинское правительство получало исключительное право вести всеми делами внутреннего управления, а также могло заключать международные договоры и соглашения, касавшиеся вопросов торговли и промышленности. Россия и Китай обязывались не вмешиваться в дела внутреннего управления Автономной Монголии.

Весьма важной для России была 21-я статья соглашения, признававшая в полном объеме торговый протокол Ургинского договора 21 октября 1912 г., дававший российским подданным широкие возможности для занятия предпринимательской деятельностью.

Таким образом, российская делегация на Кяхтинских переговорах в целом решила поставленные перед ней задачи. В итоговом документе

конференции российская сторона законодательно закрепила свои экономические преимущества во Внешней Монголии, хотя ей не удалось полностью монополизировать монгольский рынок, как того желали предпринимательские круги Европейской России. В то же время Кяхтинское соглашение не нарушало сложившегося баланса сил в дальневосточном регионе и не затрагивало интересов западноевропейских держав в Китае.

Другим важным аспектом монгольской политики являлся вопрос об усилении экономического влияния России в Урянхайском крае. Реализация российских интересов в Урянхае затруднялась неразрешенностью вопроса о принадлежности этого региона, которую оспаривали как Китай, так и Россия. В наши задачи не входит рассмотрение данной проблемы по существу, но ее следует учитывать при изучении русско-монгольских торгово-экономических отношений.

Активное проникновение русских подданных в Урянхайский край началось в 60-х гг. XIX в., и вскоре здесь стали образовываться русские поселки и заимки, жители которых торговали с местным населением, занимались земледелием и промыслами. В конце 70-х гг. здесь было обнаружено золото, и в начале следующего десятилетия в Урянхае действовало несколько десятков золотых приисков, а обороты торговли достигали 200 тыс. руб. серебром¹⁵⁴.

Возрастание интереса к Урянхайскому краю требовало вмешательства властей в процесс урегулирования отношений между сибирскими предпринимателями и местными жителями. Минусинские купцы и золотопромышленники неоднократно обращались в органы управления с просьбой введения здесь должности пограничного комиссара, который, с одной стороны, содействовал бы развитию русской торговли в крае, а с другой – разрешал возникавшие на этой почве споры и недоразумения.

В 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин поставил перед центральными властями вопрос о создании Усинского пограничного округа, а не должности пограничного комиссара. Он считал, что назначение пограничного комиссара в Урянхайский край могло вызвать аналогичную акцию со стороны Китая.

Аргументы Анучина были признаны достаточно убедительными, и в декабре 1885 г. Александр III подписал указ о создании пограничного округа и введении должности пограничного начальника. В соответствии с инструкцией, пограничный начальник соединял в себе права и функции окружного и горного исправника, крестьянского начальника и торгового комиссара¹⁵⁵.

Создание Усинского пограничного округа оказало положительное влияние на развитие русской торговли и промыслов в Урянхайском

крае. К 1911 г. на его территории проживало около 5 тыс. русских поселенцев, здесь находилось 120 хуторов и заимок, 12 деревень и 80 торгово-промышленных предприятий (в том числе 50 золотых приисков)¹⁵⁶.

Исследователи отмечали, что политика России в Урянхайском крае отличалась известной непоследовательностью. Не предпринимая каких-либо решительных действий, направленных на уточнение границы и определение государственной принадлежности края, власти, особенно местные, способствовали колонизации региона и укреплению здесь русского экономического влияния. Р.М. Кабо характеризовал эту политику как "тактику замалчивания "урянхайского вопроса" и одновременного фактического захвата его"¹⁵⁷. Особенно остро этот вопрос встал в начале XX в., когда китайские торговцы получили официальное разрешение торговать на территории края. К 1907 г. здесь насчитывалось уже 14 китайских фирм с многочисленными отделениями¹⁵⁸.

Появление в Урянхайском крае китайских торговцев вызвало беспокойство русских властей. В апреле 1911 г. под председательством начальника Усинского пограничного округа А.Х. Чакирова состоялось секретное совещание, цель которого состояла в том, чтобы "выяснить истинное положение вещей в Урянхае в данное время и те мероприятия, как быть может необходимо предпринять с нашей стороны для пользы нашей и урянхов". Участники совещания подчеркнули необходимость "скорейшего разрешения урянхайского вопроса" и "выяснения, наконец, положения самого русского населения в Усинском округе"¹⁵⁹.

Сам А.Х. Чакиров в этом же году подготовил записку "О положении Урянхия за последнее трехлетие 1909 – 1911 г.", в которой дал оценку сложившемуся положению. "На Урянхай, - писал он, - приходится смотреть как на желательный для России рынок, следовательно, и все усилия необходимо направлять на захват торговли из рук Китая и на поднятие русской торговли". Для этого необходимо было открыть отделение банка, построить дороги, наладить почтово-телеграфную связь, а также учредить должность торгового агента. Реализация этих мероприятий должна была оказать благотворное влияние на расширение торговли и усиление экономического влияния России в этом регионе. Кроме того, подчеркивал А.Х. Чакиров, "Урянхай... играя для России большое значение в торговом отношении, не менее важную роль играет и в стратегическом отношении, почему от всех вышеприведенных приемов выиграет не только русская торговля, но и русское дело на границе с Китаем, ибо Россия, в лице оправившегося Урянхия, приобретет и необходимый буфер между Россией и Китаем"¹⁶⁰.

8 ноября 1911 г. состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос об Урянхайском крае. Докладывавший по дан-

ному вопросу управляющий Министерством иностранных дел А.А. Нератов сообщил, что “непременных доказательств того, что Урянхайский край был когда-либо уступлен Китаем в нашу пользу или замежеван Россией при установлении разделяющих нас с Поднебесной империей границ – не имеется”¹⁶¹. Тем не менее Совет министров наметил широкую программу действий, поручив соответствующим ведомствам “попечение о дальнейшем увеличении числа русских школ в Урянхайском крае, об организации там врачебной помощи и ветеринарного надзора и о развитии в этом крае церковного строительства и других видов помощи устроившимся в среде урянхов русским поселенцам”¹⁶².

Увеличение русского населения в крае и укрепление его экономического положения рассматривались как основа “для постепенного склонения нашей политики на путь протектората, а в более далеком будущем, может статься, и прямого присоединения Урянхайского края”¹⁶³.

Реализации этих планов в значительной степени способствовали события в Монголии. Иркутский генерал-губернатор в письме к министру иностранных дел от 21 января 1912 г. отмечал, что удаление из Монголии китайской администрации “поставило в настоящее время Урянхайский край и урянхов фактически в совершенно независимое положение от какого бы то ни было правительства, так как Монголия... совершенно не заинтересована этой страной и едва ли имеет право претендовать на присоединение к себе урянхов и их территории”. Поэтому он предлагал активизировать усилия в решении “урянхайского вопроса”, который “...диктуется не столько убедительностью выставляемых доводов на принадлежность урянхайской территории России, сколько создавшимся в Урянхайском крае наличием крупных русских интересов, получивших государственное значение”¹⁶⁴.

Доводы генерал-губернатора вполне совпадали с позицией центральных ведомств, что же касается якобы индифферентного отношения Монголии к Урянхайскому краю, то здесь он явно ошибался. Как отмечал Ю.В. Кузьмин, ургинское правительство стремилось объединить не только монгольские племена, но и народы бывшей империи Чингисхана, а потому считало Урянхай частью Монголии¹⁶⁵. После образования Автономной Монголии оно неоднократно предпринимало попытки склонить урянхов к вхождению в состав Монголии и даже пыталось поставить вопрос об Урянхае на Кяхтинской конференции 1915 г., но все эти попытки наталкивались на категорические возражения России.

В 1913 г. ряд урянхайских князей обратились с просьбой о принятии их в русское подданство, и это явилось формальным основанием для объявления протектората, который и был оформлен в следующем, 1914 г.

Таким образом, подписание договоров и соглашений в 1912-1915 гг. создало необходимую юридическую базу для развития русско-монгольских торговых контактов. Однако, как свидетельствуют факты, кардинальных изменений не произошло.

Самым уязвимым местом российской политики в Монголии являлся ее экономический аспект, который не мог компенсироваться достижениями дипломатии. Уже в 1914 г. в печати стали появляться сообщения о том, что "торговые отношения России с Монголией решительно не налаживаются". В частности, газета "Коммерсант" сообщала об открытии Монголией китайской границы, через которую хлынул широкий поток английских и американских товаров. Российские предприниматели, по словам газеты, "подняли вопль, что открытие китайской границы грозит им если и не полным разорением, то, во всяком случае, громадными убытками"¹⁶⁶. Орган московских торгово-промышленных кругов — газета "Утро России" писала о "невозможности продажи русских товаров из-за дешевых цен, установленных китайскими торговцами на иностранные товары, наводнившие монгольский рынок"¹⁶⁷. Даже самая крупная оптовая фирма "Русское экспортное товарищество" оказалась неконкурентоспособной и аннулировала заказы для Монголии на сумму около миллиона рублей.

Начавшаяся мировая война сделала реализацию планов усиления экономического влияния России в Монголии еще более проблематичной. Фабриканты Центральной России, которые и до войны не проявляли большой заинтересованности в монгольском рынке, сократили поставки, и уже к концу 1915 г. в Монголии стал ощущаться товарный голод.

Этому в немалой степени способствовало и само российское правительство, которое запретило вывоз за границу муки, выделанной кожи, керосина и других предметов, составлявших традиционные статьи экспорта в Монголии¹⁶⁸. Кроме того, в 1915 г. за границей начала работу так называемая Монгольская экспедиция ("Монголэкс"), в задачи которой входила закупка скота и доставка его в Россию для нужд действующей армии. Особенностью деятельности Монгольской экспедиции было то, что она закупала скот и другое монгольское сырье на наличные деньги, не ввозя в Монголию товаров, и ей была гарантирована поддержка со стороны российских государственных учреждений за границей. В результате экспедиция практически полностью парализовала деятельность частного капитала и сделалась фактическим монополистом при скупке скота и сырья.

Отрицательные последствия деятельности Монгольской экспедиции сказались не только на русских торговцах. Резкое увеличение количест-

ва бумажных денег без обеспечения его соответствующим товарным эквивалентом привело к падению курса рубля, чем немедленно воспользовались китайские коммерсанты, которые после подписания Кяхтинского соглашения 1915 г. значительно увеличили привоз мануфактуры и других товаров. Как сообщал русский консул в Кобдо, “русская торговля мало-помалу вытесняется китайцами, которые снова становятся хозяевами положения”¹⁶⁹.

Война помешала осуществить многие мероприятия, направленные для усиления экономического влияния в Монголии. В частности, планировавшийся Монгольским Национальным банком выпуск местной валюты был отложен в силу того, что не удалось получить из России золотого фонда для обеспечения выпуска кредитных билетов¹⁷⁰. На состоявшемся 2 апреля 1917 г. межведомственном совещании было решено вернуться к этому вопросу после окончания войны, а также не настаивать на передаче банку исключительного права скупки монгольской шерсти¹⁷¹.

В 1917 г. состояние русской торговли в Монголии еще более усугубилось. “Развитие всего русского дела в этой стране не только остановилось, но стало заметно падать, - сообщалось в письме правления Монгольского Национального банка министру торговли и промышленности. – Полное бестоварье теперь у русских в Монголии с ее исключительно натуральным хозяйством ведет за собой не только падение русского рубля, но и полную возможность утери рынка для России”¹⁷².

К неблагоприятным экономическим обстоятельствам добавлялись не прекращавшиеся межведомственные разногласия. С назначением в Ургу русского финансового советника С.А. Козина в Монголии сказались два официальных представителя российского правительства: генеральный консул и советник по финансовым и экономическим вопросам, каждый из которых считал свою миссию главной. Возникавшие конфликты и недоразумения чрезвычайно вредно отражались на ходе преобразовательной работы и тормозили осуществление необходимых политических и экономических мероприятий. Свою лепту в раздоры чиновников внешнеполитического и финансового ведомств вносил и агент Министерства торговли и промышленности А.П. Болобан.

Итоги развития торгово-экономических и политических взаимоотношений с Автономной Монголией были подведены на секретном совещании 20 августа 1917 г., под председательством министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко.

Констатируя полное расстройство русско-монгольского товарооборота, присутствующие отмечали, что причины этого были обусловлены “обстоятельствами военного времени, крайне затруднившими для нас

созидательную деятельность в Монголии, а отчасти и вследствие некоторых ошибок и несогласованности в работе представителей русских ведомств”¹⁷³. Важнейшей политической причиной ослабления позиций России в Монголии были признаны “колебания в нашей политике, неясность нашего отношения к монгольскому вопросу и противодействие исконным национальным интересам монголов”, направленным на создание единого монгольского государства, включавшего в себя Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Урянхайский край и Баргу.

По мнению участников совещания, создание такого государства соответствовало геополитическим интересам России, поскольку “наличность обширного буферного государства между Россией и Китаем наилучше обеспечивала бы Сибирь от китайского проникновения, при условии, конечно, что такое государство являлось бы достаточно сильным и культурным”¹⁷⁴.

Таким образом, внешняя политика России в Монголии после падения самодержавия не претерпела принципиальных изменений, а ее основные положения были продиктованы, во-первых, соображениями политической целесообразности и, во-вторых, сложившимся соотношением сил в регионе. В итоговых документах совещания подчеркивалось, что “к пересмотру основных линий нашей монгольской политики, находящейся в тесной связи с нашими общими задачами на Дальнем Востоке, оснований не имеется”¹⁷⁵.

Что касается конкретных мер реализации этой политики, то участники совещания, “проявляя полное идейное сочувствие объединению монголов и не отрицая возможности такой конъюнктуры”, считали, что “сейчас необходимо ограничиться задачами укрепления Внешней Монголии, что достижимо оказанием содействия ее экономическому развитию... и проведению различных культурных мероприятий, частью уже начатых, вроде улучшения ее государственного хозяйства, организации ветеринарного надзора и т.д.”¹⁷⁶. Опасаясь полного прекращения русско-монгольского товарообмена из-за отсутствия поставок товаров, русским предпринимателям разрешалось закупать иностранные изделия, в том числе и в Китае. Однако эти меры в силу известных обстоятельств остались нереализованными.

Рассмотренные события и факты позволяют нам сделать некоторые выводы об основных направлениях и характере экономической политики России в Монголии и на Дальнем Востоке. Прежде всего, в российско-монгольских отношениях достаточно отчетливо прослеживается несколько этапов, которые были обусловлены как внутриэкономическими, так и внешнеполитическими факторами. В основном эти этапы совпадают с изменениями политики России в дальневосточном регионе, о ко-

торых в литературе имеются вполне устоявшиеся оценки. До середины 90-х гг. XIX в. Россия не предпринимала сколько-нибудь серьезных шагов для распространения сферы своего влияния на Дальнем Востоке и преследовала здесь исключительно экономические интересы. Более того, правительство твердо пресекало любые попытки местной администрации опереться на военную силу при решении возникавших спорных вопросов и закрывало глаза на нарушение китайской стороной имевшихся торговых соглашений. «Политика России в отношении Китая до второй половины 90-х гг. XIX в. отличалась от колониальной политики западноевропейских государств и США, - подчеркивала Г.Н. Романова. - Через Кяхту осуществлялся оживленный русско-китайский обмен, поэтому Россия не была заинтересована в насильственном «открытии» Китая для иностранной торговли»¹⁷⁷.

Активизация дальневосточной политики России наблюдается в середине 90-х гг. XIX в. В этот период начинается строительство Транссибирской магистрали, подписывается соглашение о сооружении КВЖД и основывается Русско-Китайский банк. В советской историографии эти действия трактовались в соответствии с положениями ленинской теории империализма как инструмент борьбы за сферы влияния и политика территориальной экспансии. Именно в Маньчжурии и Монголии, по словам В.И. Ленина, наиболее ярко проявился российский «капиталистический империализм новейшего типа»¹⁷⁸. Опираясь на эти теоретические положения, исследователи считали, что в конце XIX - начале XX в. центр тяжести в отношениях между Россией и Китаем «с проблем границ и торговли заметно смещается в сторону политического и экономического колониального по своему характеру проникновения России - наряду с другими империалистическими державами (Англией, Германией, Японией, Францией, США) - в Китай»¹⁷⁹.

Вместе с тем нельзя не признать, что инициатива политической активности в дальневосточном регионе принадлежала не России. Стремление укрепиться в Монголии являлось адекватной реакцией на действия Пекина и стоявших за его спиной западных держав, а также Японии, которая в начале XX в. проявила себя как весьма агрессивная сила. Нам представляется совершенно справедливым мнение Ш.Б. Чимитдоржиева, который по этому поводу писал: «Заинтересованность русского правительства в этой стране (Монголии. - А.С.) определялась прежде всего наличием протяженной и фактически незащищенной общей границы, опасения за безопасность которой особенно возросли в связи с ослаблением позиций России на Дальнем Востоке в результате поражения в войне с Японией. По мере сил противодействуя агрессивным намерени-

ям Японии и других держав, Россия проводила политику дальнейшего укрепления своего влияния во Внешней Монголии”¹⁸⁰.

¹ См.: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 3-е изд., доп. М., 1999. С. 35 – 37.

² Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 154.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 157 – 158.

⁴ Моисеев В.А. Новые факты о русско-китайской торговле на Алтае в конце XVIII в. // XIII научная конференция “Общество и государство в Китае”. Ч. 2. М., 1982. С. 219 – 225.

⁵ В теории и практике международных отношений понятие “статус-кво” (существующее положение) означает определенный тип политики, характерный для XIX – начала XX в. Для сохранения статус-кво необходимо, чтобы государство, стремящееся к переменам в международном положении, имело возможность заранее оценить размеры своих возможных потерь от нарушения мира. С этой точки зрения военные демонстрации не только не осуждались морально, но, напротив, считались нравственным средством удерживать агрессора от выступления. Однако для дипломатии статус-кво военная сила не относилась к числу решающих аргументов. Как отмечается в работах по теории международных отношений, “задача виделась не в нанесении удара, а в навязывании оппоненту “амортизирующих” согласований, в ходе которых имелось в виду подвести его к пониманию неприемлемости войны для него самого, с одной стороны, и возможности компромисса – с другой”. (См.: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945 – 1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. С. 27).

⁶ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М., 1990. С. 218.

⁷ Цит. по: Хохлов А.Н. В.П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // XX научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 1982. Ч. II. С. 233.

⁸ Там же. С. 236.

⁹ Брежнев А.А. Интервенция западных держав против тайпинов и российская общественность // XX научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 1981. Ч. II. С. 137.

¹⁰ Хохлов А.Н. Торговля – приоритетное направление политики России в отношении Китая // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 198 – 199.

¹¹ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX – начало XX в.). М., 1987. С. 44 – 45.

¹² См.: Хохлов А.Н. Русско-китайская торговля и политика России в отношении Китая (вторая половина XIX в.) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX – начале XX в. Иркутск, 1988. С. 18 – 38; Он же. Торговля как приоритетное направление политики России в отношении Китая (40 – 90-е гг. XIX в.) // XX научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 1989. Ч. 2. С. 44 – 48; Он же. Торговля – приоритетное направление политики России в отношении Китая // И не распалась связь времен... М., 1993. С. 197 – 229.

¹³ Единархова Н.Е. Русско-китайская торговля в Кяхте и ее влияние на экономическое развитие России // История и общество в панораме веков. Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. С. 21.

¹⁴ Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958. С. 30.

¹⁵ Сборник договоров России с Китаем. 1689 – 1881 гг. СПб., 1889. С. 128.

¹⁶ ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп.1. Д. 19. Л. 1, 12.

¹⁷ Сборник договоров России с Китаем. 1689 – 1881 гг. СПб., 1889. С. 162-163.

¹⁸ Там же. С. 164.

- ¹⁹ Русско-китайские отношения (1689 – 1916). Официальные документы. М., 1958. С. 42 – 45.
- ²⁰ Там же. С. 49 – 54.
- ²¹ Сборник договоров России с Китаем. 1689 – 1881 гг. СПб., 1889. С. 192.
- ²² Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956. С. 345 – 346.
- ²³ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 173.
- ²⁴ Там же. Л. 42.
- ²⁵ Там же. Л. 38.
- ²⁶ Принц А. Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в г. Хобдо // Известия ИРГО. Т. 1. № 1. СПб., 1865. Отд. II. С. 14.
- ²⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 90.
- ²⁸ Н.К. Исторический очерк торговли с Западным Китаем и Монголией через Семипалатинский край // Наше хозяйство. Кн. № 4. Семипалатинск, 1926. С. 11 – 12.
- ²⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 25.
- ³⁰ Там же. Л. 90.
- ³¹ Там же. Л. 175.
- ³² ГАТО. Ф.3. Оп. 18. Д. 573. Л. 8.
- ³³ Хохлов А.Н. В.П. Васильев о Кяхте и кяхтинской торговле (из эпистолярного наследия русского востоковеда) // XIII научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1982. С. 236.
- ³⁴ Московские ведомости. 1852, № 22.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 183.
- ³⁶ См.: Сборник договоров России с Китаем. 1689 – 1881. СПб., 1889. С. 164.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 3212. Л. 183.
- ³⁸ Коваленко С.А. О разграблении в 1872 г. г. Хобдо (Кобдо) // Сибирский наблюдатель. Томск, 1903. Кн.6. С. 65 – 66.
- ³⁹ Коваленко С.А. По поводу торговли бийских купцов с китайцами // Сибирский наблюдатель. Томск, 1903. Кн. 3 С. 64.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 15. Л. 86.
- ⁴¹ Сибирская газета. 1881, № 10.
- ⁴² Цит. по: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 235.
- ⁴³ Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 265.
- ⁴⁴ Там же. С. 271.
- ⁴⁵ См.: Русско-китайские отношения. (1689 – 1916). Официальные документы. М., 1958. С. 54 – 60.
- ⁴⁶ Там же. С. 61 – 65.
- ⁴⁷ Там же. С. 58.
- ⁴⁸ Журнал Министерства путей сообщения. СПб., 1894. Кн. III. Часть официальная. С. 39.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 19.
- ⁵⁰ Красный архив. Т. 7(37). М.; Л., 1928. С. 9.
- ⁵¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 44.
- ⁵² Хадонов Е.Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861 – 1904 гг.). М., 1997. С. 211.
- ⁵³ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива Витте. Пг., 1916. С. 43.
- ⁵⁴ Подробнее о политике России в Маньчжурии см.: Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX – начало XX в.). М., 1987. С. 78 – 97; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М., С. 289 – 295; Хадонов Е.Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861 – 1904 гг.). М., 1997. С. 229 – 238 и др.

- ⁵⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 128.
- ⁵⁶ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). М., 1927. С. 169, 177.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 316. Л. 12.
- ⁵⁸ Сборник договоров России с Китаем (1689 – 1881). СПб., 1899. С. 233.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 619. Л. 2, 3.
- ⁶⁰ Там же. Д. 620. Л. 3, 4.
- ⁶¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 619. Л. 6.
- ⁶² Там же. Д. 576. Л. 115.
- ⁶³ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 87. Л. 44.
- ⁶⁴ Лузянин С.Г. Проникновение иностранного капитала в экономику Внешней Монголии в начале XX в. и русско-монгольская торговля // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX - начале XX вв. Иркутск, 1982. С. 60.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 575. Л. 274; Д. 576. Л. 240-241.
- ⁶⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 132.
- ⁶⁷ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911 – 1919 гг.). М., 1999. С. 16.
- ⁶⁸ Попова Л.П. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М., 1987. С. 26.
- ⁶⁹ Лузянин С.Г. Китайская экспансия в Монголии накануне провозглашения независимости и позиция России // Экономические и политические связи России и стран Востока во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 1981. С. 66.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 316. Л. 15.
- ⁷¹ Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. С. 6.
- ⁷² Русское слово. 1910, 8 окт.
- ⁷³ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 5. Л. 9.
- ⁷⁴ Цит. по: Полевой С.А. Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913. С. 64.
- ⁷⁵ Беннигсен А.П. Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912. С. 20.
- ⁷⁶ Боголюбов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 395.
- ⁷⁷ Там же. 394.
- ⁷⁸ Бобрин П.А. Монголия: Очерк торгово-промышленного и административного быта. (Поездка в Монголию в 1913 г.). Владивосток, 1914. С. 50.
- ⁷⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Д. 2067. Л. 1.
- ⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 5. Л. 25.
- ⁸¹ Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912; Боголюбов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911.
- ⁸² Лайнер С. Краткий очерк развития русско-монгольских торговых сношений // Музей товароведения Киевского коммерческого института. Киев, 1915. Вып. V. С. 88.
- ⁸³ Дулов В.И. Указ. соч., С. 517.
- ⁸⁴ Боголюбов М.И., Соболев М.Н. Указ. соч. С. 149.
- ⁸⁵ Сычевский Е.П. Экономические и политические отношения России и Китая в 30 – 60-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 13.
- ⁸⁶ Лигу Б. Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960. С. 4.
- ⁸⁷ ПФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 277. Л. 5.
- ⁸⁸ См.: За кулисами царизма. (Архив тибетского врача Бадмаева). Л., 1925. С. 52 – 56.
- ⁸⁹ Цит. по: Полевой С.А. Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913. С. 64.
- ⁹⁰ Северный курьер. 1900, № 320.
- ⁹¹ Данная проблема была подробно рассмотрена в монографии Л.П. Поповой, в которой автор убедительно доказал, что национально-освободительное движение в Халхе в начале XX в., приведшее к образованию Автономной Монголии, было не результатом “подрывной деятельности” российских политиков и дипломатов, как это пытались представить маоистские и некоторые западные историки, а закономерным итогом внутреннего

развития монгольского общества и распространением идей просветительства в эпоху «пробуждения Азии». (См.: *Попова Л.П.* Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М., 1987).

⁹² *Чимитдоржиев Ш.Б.* Указ. соч. С. 130.

⁹³ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. 1. С. 271

⁹⁴ *Шойжеслов С.* Монголия и царская Россия // Новый Восток. М., 1926. Кн. 13 – 14. С. 355.

⁹⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. 1. С. 339 – 341.

⁹⁶ Там же. С. 401.

⁹⁷ Там же. Т. XVIII. Ч. 2. С. 149.

⁹⁸ *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). М., 1927. С. 179.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. С. 6.

¹⁰¹ Там же. С. 6 – 7.

¹⁰² Там же. С. 7.

¹⁰³ Там же. С. 8.

¹⁰⁴ Там же. С. 9.

¹⁰⁵ Там же. С. 71.

¹⁰⁶ Там же. С. 71, 73.

¹⁰⁷ Там же. С. 72.

¹⁰⁸ Там же. С. 74.

¹⁰⁹ *Петров А.* Русские интересы на Дальнем Востоке // Русский экспорт. СПб., 1911. № 1. С. 10 – 12; *Беннигсен А.П.* Несколько данных о современной Монголии. СПб., 1912; *Васнев А.* Русские задачи в Монголии // Русский экспорт. СПб., 1912. № 6 – 7. С. 171 – 174; *Кушелев Ю.* Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912; *Свечников А.П.* Русские в Монголии. СПб., 1912; *Томилиев В.* Монголия и ее современное значение для России. М., 1913; *Денисов В.И.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913 и др.

¹¹⁰ Русский экспорт. СПб., 1912. № 6 – 7. С. 174. Взгляды и суждения по данному вопросу подробно освещены в монографии иркутского историка Е.М. Даревской. (*Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 1994. С. 263 – 271).

¹¹¹ Международные отношения... Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. С. 134 – 135.

¹¹² Там же. С. 426.

¹¹³ Там же. С. 388, 471.

¹¹⁴ Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). СПб., 1914. С. 18.

¹¹⁵ Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958. С. 122 – 126.

¹¹⁶ Цит. по: *Полевой С.А.* Периодическая печать в Китае. Владивосток, 1913. С. 69 – 78.

¹¹⁷ *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. (1842 – 1925). М., 1927. С. 184.

¹¹⁸ Красный архив. Т. 7(37). М.; Л., 1928. С. 30.

¹¹⁹ Там же. С. 44 – 45.

¹²⁰ Там же. С. 64.

¹²¹ Международные отношения... Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. С. 461.

¹²² Красный архив. Т. 7(37). М.; Л., 1928. С. 39.

¹²³ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987. С. 150.

¹²⁴ Цит. по: *Дэмбэрэл К.* Монголия во внешней политике Японии в начале XX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность.

Доклады международной научно-практической конференции 12 – 15 октября 1995 года. Москва, Иркутск, 1995. С. 54 – 55.

¹²⁵ Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 7(37). С. 53.

¹²⁶ Белов Е.А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912 – 1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 1. С. 96 – 97.

¹²⁷ Цит. по: Попова Л.П. Общественная мысль Монголии в эпоху “пробуждения Азии” М.: Наука, 1987. С. 58.

¹²⁸ Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 7(37). С. 45.

¹²⁹ Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Сер. 2. Т. XX. Ч. 2. С. 471.

¹³⁰ Ванина И.Ю., Кузьмин Ю.В. Ликвидация цинского господства в Монголии в 1911 г. и общественное мнение России (к постановке проблемы) // XXII научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тезисы докладов. М., 1991. Ч. 2. С. 109 – 112.

¹³¹ Кузьмин Ю.В. Позиция демократической интеллигенции России в “монгольском вопросе” после Синьхайской революции // XXIII научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тезисы докладов. М., 1991. Ч. 2. С. 68 – 72.

¹³² Сибирь. 1912, 21 окт.

¹³³ Бобрин П.А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта. Владивосток, 1914. С. 60.

¹³⁴ Красный архив. Т. 7(37). С. 34.

¹³⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 20.

¹³⁶ Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 260.

¹³⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 60.

¹³⁸ Красный архив. М.; Л., 1928. № 7 (37). С. 25.

¹³⁹ Там же. С. 28 – 29.

¹⁴⁰ Там же. С. 64 – 65.

¹⁴¹ Цит. по: Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 281.

¹⁴² Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 7(37). С. 51.

¹⁴³ Гримм Э.Д. Указ. соч. С. 87 – 188.

¹⁴⁴ Российская экспортная палата: Отчет о деятельности восточных отделов за 1913 год. СПб., 1914. С. 19, 21.

¹⁴⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 60. Л. 65.

¹⁴⁶ Там же. Л. 69.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 244. Л. 126.

¹⁴⁸ Там же. Л. 128.

¹⁴⁹ Там же. Л. 164.

¹⁵⁰ См.: Журнал Особого междведомственного совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством иркутского генерал-губернатора, егермейстера Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913. 55 с.

¹⁵¹ Там же. С. 50 – 51.

¹⁵² Русский экспорт. СПб., 1911. № 1. С. 11.

¹⁵³ Российская экспортная палата: Отчет за 1912 год. СПб., 1913. С. 107 – 108.

¹⁵⁴ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956. С. 349.

¹⁵⁵ Там же. С. 352.

¹⁵⁶ Кузьмин Ю.В. Урянхай в системе русско-монгольско-китайских отношений (1911 – 1916 гг.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады международной научно-практической конференции 12 – 15 октября 1995 года. Москва – Иркутск, 1995. С. 50.

¹⁵⁷ Кабо Р. Очерки по истории и экономике Тувы. М.; Л., 1934. С. 157.

¹⁵⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 91.

¹⁵⁹ Там же. Л. 18, 22.

¹⁶⁰ Там же. Л. 94 – 95.

¹⁶¹ Там же. Л. 149.

- ¹⁶² Там же. Л. 156.
- ¹⁶³ Там же. Л. 154.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 109 – 110.
- ¹⁶⁵ Кузьмин Ю.В. Урянхай ... С. 50.
- ¹⁶⁶ Коммерсант. 1914. 26 февр.
- ¹⁶⁷ Утро России. 1914. 27 февр.
- ¹⁶⁸ РГИА. Ф. 21. Оп. 12. Д. 84. Л. 25; Ф. 23. Оп. 8. Д. 105. Л. 13.
- ¹⁶⁹ АВПРИ Ф. Урга. консульство. Д. 25. Л. 1.
- ¹⁷⁰ Майский И. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁷¹ АВПРИ. Ф. Урга. Консульство. Д. 25. Л. 15.
- ¹⁷² РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 551. Л. 11.
- ¹⁷³ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 550. Л. 9.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 9.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 10.
- ¹⁷⁷ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М., 1987. С. 47.
- ¹⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 318.
- ¹⁷⁹ Мясников В.С., Шепелева Н.В. Империя Цин и Россия в XVIII – начале XX в. // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 73.
- ¹⁸⁰ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 131 – 132.

Е. Бражевская

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КАЗАХСТАНА ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 1897 ГОДА

Наиболее точные и достоверные данные о населении Российской империи, и Казахстана в том числе, были получены после проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Недостатком переписи является отсутствие в анкете вопроса о национальности, что осложняет работу исследователей, которые занимаются этими вопросами. Таким образом, ведущим этническим определителем по переписи был родной язык, а косвенным – вероисповедание.

Исследованиями в этой области занимались многие ученые, особенно плодотворно работает группа историков под руководством Н.Е. Бекмахановой¹. В своих трудах исследователи проанализировали систему статистического учета, его организацию и общее состояние, большое внимание уделяется источниковедческому анализу, особенно достоверности статистических источников, особое место в работах отведено историографии вопроса.

Однако часто отдельные историки, этнографы вводят в научный оборот непроверенные данные или неполные, отрывочные, заимствованные из отдельных документов. Нередко в ряде районов казахи и киргизы учитывались под общим названием “киргизы”, что вносит путаницу и много неточностей.

Поэтому цель данной работы познакомить читателей с данными о численности населения Казахстана и его национальным составом по переписи 1897 года².

В административном отношении территория Казахстана была включена в шесть областей: Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую, Тургайскую, Уральскую. Каждая область делилась на уезды, которые назывались по имеющемуся в нем городу.

Население края распределилось по области неодинаково, что, прежде всего, объясняется особенностью природных условий: наличием пригодных для сельскохозяйственной обработки земель и пастбищ для выпаса скота.

Население Акмолинской области преимущественно состояло из представителей двух народностей: киргиз-кайсаков и русских, доля остальных народов была незначительной (2,8 %). Причем в северной и центральной частях области жили в основном русские, а в южной – киргиз-кайсаки.

Если сравнить данные по вероисповеданию и родному языку, то мы практически не обнаружим в них больших расхождений. Таким образом, распределение по вероисповеданиям совпадает с установившимися воззрениями о принадлежности той или иной народности к известной религии: т.е. казахов - к магометанству, русских – к православию и т.д.

В Семипалатинской области в 1897 году было учтено 604564 киргиз-кайсаков и 68433 русских.

В Тургайской области 91,7 % населения составили магометане, к которым принадлежали все кочевники, а также татары, православные составили только 8,2 % населения, прочие – 0,09 %.

Киргиз-кайсацкое население распределилось между отдельными уездами довольно равномерно. В городах их число было сравнительно небольшим – 1320 человек, 544 из которых проживали в городе Иргиз. Русское население, главным образом, было сосредоточено в Кустанайском уезде – 29347 человек (19,24 %), причем большинство из них проживало в городах.

В Сырдарьинской области киргиз-кайсаки составляли основную массу населения степных частей области: Перовского уезда (97,46 %), Казалинского (96,66 %) и Чимкентского уезда (78,83 %). Русские жили в городах (10,84 %), а также в селениях Аулие-Атинского (10509 человек), Чимкентского (96443 человека), Ташкентского (20462 человека) уездов, в остальных уездах доля русских была незначительной.

В Семиреченской области в городах русские составляли большинство (45,62 %), киргиз-кайсаки насчитывали 10,54 %, на долю других народностей приходилось 42,51 %. Русское население размещалось, главным образом, в Верненском уезде и составляло в нем 15 % (33667 человек).

В Пишпекском и Пржевальском уездах 85 % населения составляли киргизы.

В Уральской области русские составляли четверть всего населения.

Самой населенной по переписи 1897 года была Сырдарьинская область (1478398 человек), наименее заселенной – Тургайская область (453416 человек). Самый большой процент русских, по переписи, был в Уральской (25,41 %) и Акмолинской (33 %) областях. Всего русских по Казахстану насчитывалось 13,74 %.

Русское население проживало в основном в городах и торгово-промышленных центрах. Кроме того, в городах наряду с русскоязычным населением проживали татары.

Наиболее высокий удельный вес киргиз-кайсаков (казахов) в 1897 году был в Семипалатинской (88,3 %) и Тургайской (90,62 %) областях. Они, главным образом, проживали в сельской местности и вели кочевой скотоводческий образ жизни.

Сложность исследований состоит также в том, что границы современной территории Казахстана не совпадают с административными границами областей. После образования в августе 1920 г. Киргизской АССР границы ее постепенно расширялись. Развитие административно-территориального устройства Казахстана в последующие годы было связано с административно-территориальным размежеванием Средней Азии, которое завершилось к концу 1924 г. Передел границ отразился в дальнейшем и на национальной структуре населения Казахстана. Так, из Акмолинской области нужно исключить Омский уезд, так как он сейчас не входит в современные границы Казахстана, а является частью территории России. Таким образом, численность населения Акмолинской области без учета Омского уезда составляла 582069 человек, киргиз-кайсаков в области насчитывалось – 66,86 %, русских – 29,29 %. Из Сырдарьинской области нужно исключить Ташкентский и Аму-Дарьинский уезды, которые ныне являются частью Узбекистана. Без учета этих уездов население области составляло 835432 человека, из них 88,79 % киргиз-кайсаков и 2,52 % русских, прочих – 7,78 %.

При рассмотрении состава и численности Семиреченской области следует также учитывать, что Пишпекский и Пржевальский уезды сейчас находятся на территории Киргизии.

В итоге, без учета указанных уездов общая численность населения Казахстана составляла 3864397 человек, из них 3116664 – киргиз-кайсаков (80,65 %) и 530842 – русских (13,74 %), прочих – 216891 (5,61%). Все это следует учитывать для создания достоверной истории Казахстана, особенно в области демографии.

¹ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1980. 280 с.; Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху развития капитализма (60-е гг. XIX в. – 1971 г.). – М.: Наука, 1986. 247 с.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: Наличное население обоего пола с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. СПб., 1905. Вып. 6; Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. Вып. 7; Т. LXXX. Акмолинская область. СПб., 1904; Т. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905; Т. LXXXVII. Тургайская область. СПб., 1904; Т. LXXXVIII. Уральская область. СПб., 1904.

Структура населения степных областей по переписи 1897 г.*

Области и уезды	Всего насе- ления		Киргиз- кайсаки		Русские		Прочие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Акмолинская обл.	682,604	100	427,389	62,6	225,641	33	19,365	2,8
в т.ч. в городах	74752	11	6758	9,04	54133	72,4	12013	16,1
Омский уезд	100539		38185	37,9	55169	54,8	6244	6,2
в т.ч. в городах	37376	37,2	-	-	-	-	-	-
Акмолинский уезд	185058	-	166343	89,9	14520	7,8	-	-
в т.ч. в городах	9688	5,2	-	-	-	-	-	-
Атбасарский уезд	155461		79041	50,8	67548	43,5	8242	5,3
в т.ч. в городах	4962	3,2	-	-	-	-	-	-
Кокчетавский уезд	86413		74728	86,5	11081	12,8	-	-
в т.ч. в городах	3038	3,5	-	-	-	-	-	-
Петропавлов- ский уезд	155137		69092	44,5	77323	49,8	6619	4,3
в т.ч. в городах	19688	12,7	-	-	-	-	-	-
Семипалатин- ская обл.	684590	100	604564	88,3	68433	9,9	9940	1,45
в т.ч. в городах	54488	7,9	16030	29,4	29384	53,9	7983	14,7
Семипалатин- ский уезд	156801		122296	77,9	26837	17,1	6901	4,4
в т.ч. в городах	26246	16,7	-	-	-	-	-	-
Зайсанский уезд	95072		88865	93,5	5168	5,4	867	0,91
в т.ч. в городах	7332	7,7	-	-	-	-	-	-
Каркалинский уезд	171655		169656	98,8	1296	0,75	-	-
в т.ч. в городах	4451	2,6	-	-	-	-	-	-
Павлодарский уезд	157487		142562	90,5	13969	8,87	-	-
в т.ч. в городах	7738	4,9	-	-	-	-	-	-
Усть-Каменский уезд	103575		81185	78,4	21163	20,4	893	0,86
в т.ч. в городах	8725	8,4	-	-	-	-	-	-
Тургайская обл.	453416	100	410904	90,62	35028	7,73	-	-
в т.ч. в городах	19530	4,3	1352	6,9	14885	76,2	2764	14,2
Кустанайский уезд	152556		118022	77,36	29347	19,24	4986	3,28
в т.ч. в городах	14275	9,4	-	-	-	-	-	-
Актюбинский уезд	115215		109585	95	4265	3,7	-	-
в т.ч. в городах	2817	2,4	-	-	-	-	-	-

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Иргизский уезд	98697		97149	98,4	889	0,9	-	-
в т.ч. в городах	1542	1,6	-	-	-	-	-	-
Тургайский уезд	86948		86154	99,0	527	0,6	-	-
в т.ч. в городах	896	1,03	-	-	-	-	-	-
Уральская обл.	645121	100	460173	71,33	163910	25,41	-	-
в т.ч. в городах	55482	8,6	3014	5,4	45946	82,8	5716	10,3
Уральский уезд	293619		150901	51,4	126030	42,9	14439	4,9
в т.ч. в городах	43620	14,9	-	-	-	-	-	-
Гурьевский уезд	86758		70921	81,7	14769	17	993	1,1
в т.ч. в городах	9322	10,7	-	-	-	-	-	-
Калмыковский уезд	169673		144257	84,8	22292	13	2252	1,3
в т.ч. в городах	1954	1,2	-	-	-	-	-	-
Темирский уезд	95071		92094	96,9	819	0,86	-	-
в т.ч. в городах	616	0,7	-	-	-	-	-	-
Сырдарьинская обл.	1478398	100	952061	64,39	44834	3,03	460400	31,14
в т.ч. в городах	205596	13,9	10038	4,9	25789	12,5	166744	81,1
Ташкентский уезд	448493		163105	36,37	20462	4,56	255926	57,1
в т.ч. в городах	155673	34,7	-	-	-	-	-	-
Аулие-Атинский уезд	276196		250988	90,87	10509	-	10787	3,91
в т.ч. в городах	11722	4,24	-	-	-	-	-	-
Казалинский уезд	140541		135850	96,66	2916	2,07	-	-
в т.ч. в городах	7585	5,4	-	-	-	-	-	-
Перовский уезд	133663		130269	97,46	1165	0,87	1450	1,08
в т.ч. в городах	5058	3,8	-	-	-	-	-	-
Чимкентский уезд	285059		224704	78,83	6443	2,26	52752	18,51
в т.ч. в городах	22447	7,9	-	-	-	-	-	-
Аму-Дарьинский уезд	194473		47145	24,24	3339	1,72	141370	72,69
в т.ч. в городах	3111	1,6	-	-	-	-	-	-
Семиреченская область	987863	100	794815	80,46	95465	9,66	93377	9,45
в т.ч. в городах	62974	6,4	6643	10,5	28730	45,6	26771	42,5
Верхненский уезд	223883		151485	67,6	35500	15,86	35593	15,9
в т.ч. в городах	22744	10,2	-	-	-	-	-	-
Джаркендский уезд	122636		81728	66,64	5777	4,7	34879	28,4
в т.ч. в городах	16094	13,1	-	-	-	-	-	-
Казалинский уезд	136421		125681	92	8568	6,28	1672	1,23
в т.ч. в городах	6183	4,5	-	-	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Лепсинский уезд	180829		156107	86,3	22117	12,3	1908	1,06
в т.ч. в городах	3230	1,8	-	-	-	-	-	-
Пишпекский уезд	176577		151507**	85,8	12280	7	11899	6,74
в т.ч. в городах	6615	3,8	-	-	-	-	-	-
Пржевальский уезд	147517		128307**	86,9	11223	7,6	6787	4,6
в т.ч. в городах	8108	5,5	-	-	-	-	-	-
Итого	4931996	100	3649906	74	663311	12,84	600887	12,18

* Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. Вып. 7. С. 57 – 60.

** Кыргызы.

Таблица 2

Конфессиональный состав населения Казахстана по переписи 1897 г.*

Области и уезды	Всего		Магометане		Православные		Прочие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Акмолинская обл.	682608	100	438983	64,3	232401	34,1	11224	1,6
в т.ч. в городах	74752	11	16325	21,8	54351	72,7	3645	4,88
Омский уезд	100539		39114	38,9	55063	54,8	5768	5,74
в т.ч. в городах	37376	37,2	1354	3,6	33078	88,5	2756	7,37
Акмолинский уезд	185058	-	168017	90,8	14311	7,7	1665	0,89
в т.ч. в городах	9688	5,2	4316	44,6	4899	50,6	392	4,05
Атбасарский уезд	155461		80705	51,9	73586	47,3	-	-
в т.ч. в городах	4962	3,2	1371	27,6	3585	72,3	-	-
Кокчетавский уезд	86413		75225	87,1	11099	12,8	-	-
в т.ч. в городах	3038	3,5	695	22,9	2280	75,04	-	-
Петропавловский уезд	155137		75922	48,9	78342	50,5	-	-
в т.ч. в городах	19688	12,7	8589	43,6	10570	53,7	300	1,52
Семипалатинская область	684590	100	614773	89,8	67620	9,9	-	-
в т.ч. в городах	54488	7,9	24365	44,7	29536	54,2	-	-
Семипалатинский уезд	156801		129267	32,4	27066	17,3	-	-
в т.ч. в городах	26246	16,7	14660	55,9	11194	42,7	-	-
Зайсанский уезд	95072		89722	94,4	5284	5,6	-	-
в т.ч. в городах	7332	7,7	3345	45,6	3924	53,5	-	-

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Каркалинский уезд	171655		170276	99,2	-	-	-	-
в т.ч. в городах	4451	2,6	3313	74,1	1127	25,3	-	-
Павлодарский уезд	157487		143361	91,1	13559	8,6	-	-
в т.ч. в городах	7738	4,9	1940	25,1	5260	67,98	-	-
Усть-Каменогорский уезд	103575		82147	79,3	20356	19,7	-	-
в т.ч. в городах	8725	8,4	1107	12,7	7503	85,9	-	-
Тургайская обл.	453416	100	415806	91,7	37193	8,2	-	-
в т.ч. в городах	19530	4,3	3687	18,9	15593	79,8	-	-
Кустанайский уезд	152556		121031	79,3	31247	20,5	-	-
в т.ч. в городах	14275	9,4	2023	14,2	12142	85,1	-	-
Актюбинский уезд	115215		110748	96,1	4115	3,6	-	-
в т.ч. в городах	2817	2,4	381	13,5	2393	84,95	-	-
Иргизский уезд	98697	-	97704	98,9	939	0,96	-	-
в т.ч. в городах	1542	1,6	904	58,6	604	39,2	-	-
Тургайский уезд	86948		86323	99,3	-	-	-	-
в т.ч. в городах	896	1,03	379	42,3	454	50,7	-	-
Уральская обл.	645121	100	478765	74,2	164642	25,5	-	-
в т.ч. в городах	55482	8,6	8855	15,96	46127	83,1	-	-
Уральский уезд	293619		166086	56,6	126751	43,2	-	-
в т.ч. в городах	43620	14,9	5438	12,5	37754	86,6	-	-
Гурьевский уезд	86758		71932	82,9	14667	16,9	-	-
в т.ч. в городах	9322	10,7	2778	29,8	5786	62,1	-	-
Калмыковский уезд	169673		146513	86,4	22323	13,2	-	-
в т.ч. в городах	1954	1,2	358	18,3	1540	78,8	-	-
Темирский уезд	95071		94234	99,1	804	0,85	-	-
в т.ч. в городах	616	0,7	281	45,6	325	52,8	-	-
Сырдарьинская обл.	1478398	100	1425313	96,4	42266	2,9	-	-
в т.ч. в городах	205596	13,9	173097	84,2	25845	12,6	-	-
Ташкентский уезд	448493		422692	94,3	20366	4,5	-	-
в т.ч. в городах	155673	34,7	133355	85,7	17527	11,3	-	-
Аулие-Атинский уезд	276196		264695	15,8	10524	3,81	-	-
в т.ч. в городах	11722	4,24	10150	86,6	1324	11,3	-	-
Казалинский уезд	140541		137362	97,7	2943	2,1	-	-
в т.ч. в городах	7585	5,4	4754	62,7	2632	34,7	-	-
Перовский уезд	133663		132255	98,95	1177	0,9	-	-
в т.ч. в городах	5058	3,8	4048	80,0	747	14,8	-	-

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Чимкентский уезд	285059		277682	97,4	6476	2,3	-	-
в т.ч. в городах	22447	7,9	20448	91,1	1107	4,9	-	-
Аму-Даринский уезд	194473		190627	98,0	2085	1,07	462	14,85
в т.ч. в городах	3111	1,6	306	9,8	2332	74,96	-	-
Семиреченская обл.	987863	100	890270	90,1	96744	9,8	-	-
в т.ч. в городах	62974	6,4	33716	53,3	28747	45,7	-	-
Верненский уезд	223883		187348	83,7	36121	16,1	-	-
в т.ч. в городах	22744	10,2	7949	34,95	14540	63,9	-	-
Джаркендский уезд	122636		116704	95,2	5817	4,7	-	-
в т.ч. в городах	16094	13,1	12368	76,8	3628	22,5	-	-
Казалинский уезд	136421		127688	93,6	8674	6,4	-	-
в т.ч. в городах	6183	4,5	3209	51,9	2954	47,8	-	-
Лепсинский уезд	180829		158307	87,6	22436	12,4	-	-
в т.ч. в городах	3230	1,8	1351	44,8	1878	58,14	-	-
Пишпекский уезд	176577		164208	92,99	12329	6,98	-	-
в т.ч. в городах	6615	3,8	3728	56,4	2872	43,4	-	-
Пржевальский уезд	147517		136015	92,2	11364	7,7	-	-
в т.ч. в городах	8108	5,5	5111	63,1	2968	36,6	-	-
Итого	4931996	100	4263910	86,45	640866	13,0	2722	0,55

* Источник подсчета: Наличное население обоого пола с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. СПб., 1905. Вып. 6.

А.А. Айтмухамбетов
(Кустанайский университет)

АУЛЬНЫЕ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

11 октября 1901 г. были составлены “Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей”, утвержденные товарищем министра народного просвещения сенатором Ив. Мещаниновым и директором департамента народного просвещения Н. Дебольским.

Согласно правилам “аульные школы открываются с целью наиболее широкого распространения образования среди киргизского населения Акмолинской и Семипалатинской областей”¹. Учитывая тот аспект, что значительная масса казахского населения проживала на селе, вполне объяснимо строительство аульных школ в провинции.

Аулы находились от административных центров на далеком расстоянии, кроме того, численность населения в каждом ауле была небольшой. Из-за того, что население аулов вело кочевой образ жизни, возводить в аулах классические школы подобно тем, что функционировали в русских деревнях, было невыгодно и бесперспективно. На мой взгляд, правила составлялись с учетом вышеназванных обстоятельств, и их положения в какой-то мере соответствовали специфике традиционного устройства и существования казахского общества.

По пункту 2 “аульные школы существовали в виде отделений при волостных или двухклассных русско-киргизских школах”². В небольшой аульной школе содержать штатную единицу заведующего экономически считалось нецелесообразным, поэтому контроль над аульной школой осуществлялся заведующими “сими последними школами”.

Заведующие, чьи функции распространялись и на аульные школы, обладали большими полномочиями: именно они имели право осуществления финансовых операций, т.е. выплачивали жалование учителям аульных школ, сторожу, платили за “квартирное помещение для этой школы” и осуществляли закуп учебной литературы. В продолжение этого вопроса следует дополнить, что согласно пункту 7 “аульные школы содержатся на местные средства”³. Однако в Правилах нет расшифровки объяснения понятия “местные средства” и за счет чего они форми-

руются. Далее оговаривается, что “за неимением или недостатком таких” аульные школы “пользуются и пособием от казны из сумм, отпускаемых на нужды народного образования в этих областях”⁴. На годовое содержание аульной школы планировалось выделить сумму в 540 рублей, “а именно:

на жалование учителю – 360 рублей,

на наем школьной квартиры (зимой землянка, летом юрта) с помещением для учителя, отоплением и сторожем – 120 рублей,

на книги и учебные пособия – 20 рублей,

на расходы по передвижению школы летом и ремонт классной мебели – 40 рублей”⁵,

Таким образом, сумма, отпускаемая на содержание школы, была относительно небольшой и тому есть реальное объяснение. Власти, обеспокоенные ростом мусульманского влияния в степи, всячески стремились к его ограничению.

Мусульманские школы – мектебы, – компактные по численности и дешевые по содержанию, составляли серьезную конкуренцию светским учебным заведениям, находившимся под патронажем государства. Многие мусульманские школы существовали нелегально. Зачастую профессиональный уровень их преподавателей находился на невысоком уровне. Техническая оснащенность этих школ оставалась низкой. Но процесс обучения в этих школах соответствовал материальным возможностям казахских детей и проходил в духе казахских традиций. Особенность мусульманских школ состояла в том, что обучение проводилось на казахском языке, хотя арабская грамматика являлась обязательным предметом в программе этих школ.

О необходимости реформирования аульной школьной системы писал в 1893 г. в Обзоре области тургайский губернатор: “В школах наблюдается нехватка учителей, по необходимости приходилось назначать учителями в некоторых из аульных школ киргизских мальчиков, окончивших курс двухклассных училищ, ... препятствием к поступлению в аульные школы служит отсутствие интернатов, а потому необходимо извлекать средства для довольствия беднейших учеников. Только благодаря этим подвижкам и сравнительно дешевым учебным заведениям ... [развитие] получило русское начальное образование”⁶.

Ранее в 1892 г. составители обзора Тургайской области за 1892 г. указывали, что главным препятствием в функционировании русских, т.е. государственных, школ в области является дороговизна. “Для удешевления их содержания рекомендовано открыть подвижные аульные школы. Сии последние школы по дешевизне содержания (342 р.) в год должны способствовать распространению русского образования среди киргизского населения”⁷.

Сравнительный анализ показывает, что средств, выделяемых на годовое содержание аульных школ согласно "Правилам" в Акмолинской и Семипалатинской областях, было гораздо больше, чем в Тургайской области.

Заведующие школами имели также права "контролировать ход учебно-воспитательного дела в аульной школе"⁸. Согласно пункту 5, "курс и программа учебных предметов аульной школы должны соответствовать I и II отделениям волостной одноклассной школы"⁹. То есть уровень образования аульных учеников приравнивался к первому классу обычной школы, поэтому для тех, кто планировал дальнейшее свое развитие, знаний, полученных в школе, было явно недостаточно.

Характерны хронологические рамки образовательного процесса в аульной школе. Учебный год длился 10 месяцев, за исключением двух каникулярных месяцев – сентября и апреля. Причем в апреле начинался бурный период весенней перекочевки и активных хозяйственных работ. Обучение с октября до апреля проходило «в (наемных) землянках, с мая до сентября в (наемных) кибитках»¹⁰. Из вышеуказанной сметы выделялась специальная сумма в 120 рублей для содержания помещения.

Как государственные учреждения, аульные школы, согласно общепринятым стандартам и санитарно-гигиеническим требованиям, должны были соответствовать учебным заведениям государства. Нередко инициатива об открытии аульных школ исходила от казахских общин. Сохранилось большое количество обращений казахов к инспектору народных училищ с просьбой такого характера: "Имею честь просить Вас ходатайствовать... об открытии в моем ауле русско-киргизской аульной школы, хотя есть в 10 верстах от нашего аула аульная школа, но невозможно отдавать своих детей за неимением у некоторых средств... учеников будет не менее 20 в нашем ауле. Квартира под училище состоит из 2 комнат, для помещения учителя и учащихся отопление, освещение и прочее беру на себя"¹¹.

Каждый автор письма-обращения приводит веские доводы в пользу необходимости создания аульной школы именно в своем ауле. Основным аргументом, как правило, была дальность расстояния от близлежащей школы. Сохранилось прошение казаха аула № 9 Николаевской волости Омского уезда Исхака Альпина: «Имею честь... просить Вас... открыть аульную школу в урочище Купьденен-жары в нашем ауле, где 30 домов, ... и учеников будет не менее 30, так как это урочище находится в 20-40 верстах от другой аульной школы»¹².

Казахи остро реагировали на события, происходящие в государстве, и понимали необходимость изучения русского языка как государственного, необходимого для продвижения по службе, заключения торговых

сделок и культурного развития. Именно так данная проблема ставилась в заявлении киргиза аула № 2 Текинской волости Омского уезда Дост-Мухамедова: «Желая открыть одноклассную русско-киргизскую аульную школу во вверенном мне ауле для обучения детей в русском языке. Человек я состоятельный, имею средства и поддержку учителя. 10 февраля 1913 г.»¹³.

Аналогичная просьба была выражена в письме казаха Омской волости и уезда аула № 4 Абдильдина Уразбаева: «Имею желание открыть школу для обучения своих детей русской грамматике. Февраль 9 дня. 1915 г.»¹⁴

В унисон этому письму звучит прошение казаха аула № 9 Текинской волости Омского уезда, аульного старшины Габбаса Ногарбекова: «Имеется 20 детей, родители которых всеми силами стараются обучить их русской грамматике, поэтому я, аульный старшина, имею подходящее помещение для школы, а также имею вполне благородного человека, который может быть учителем. 1912 г., 17 мая»¹⁵.

Письма-обращения инспектору народных училищ Акмолинской области датированы 1912 – 1916 гг., т.е. гораздо позже того времени, когда составлялись «Правила».

Очевидно, это свидетельствует о том, что процесс формирования аульной системы образования в регионах с казахским населением шел вяло. И, вероятно, не последнюю роль в этом сыграло недостаточное финансирование государством школьной системы в целом. В газете «Омский вестник», датированной 20 мая 1914 года, дается описание сельскохозяйственного училища: «Временное помещение, выстроенное на ферме, очень холодное. В стенах бесчисленное множество щелей... с наступлением вечера... бывает так холодно, что ученикам приходится одеваться в теплое пальто»¹⁶.

И это несмотря на то, что статус сельскохозяйственного училища был гораздо выше статуса аульной школы. Убогое состояние этого заведения свидетельствует о недостаточности средств даже для содержания. Поэтому не удивительно, что программа формирования аульных школ была приостановлена.

В письмах-обращениях казахов, а это, как правило, были аульные старшины, присутствует одна характерная деталь. Каждый автор гарантировал предоставить под школу освещаемое и отапливаемое добротное помещение с наличием отдельной комнаты для преподавателя. То есть эти учебные заведения, находившиеся под эгидой государства, патронировались частными лицами – аульными старшинами, указывавшими в письмах на свою состоятельность. С другой стороны, мы можем предположить, что школы содержались всем аулом, состоявшим из 25 – 30

кибиток, тем более, что численность учеников в школах была невысокой и, как правило, редко превышала 25 – 30 человек. Очевидно, под понятием “местные средства” и подразумевалась данная система финансирования. О таком способе финансирования упоминает в своем письме учитель-инспектор И. Скорховский: “Общество (волость) подыскало помещение для школы на урочище Эскен за плату 200 руб. в год и что недостающую против ассигнований сумму оно принимает на свой счет...”¹⁷. Однако при наличии способа существования школ за счет “местных средств” можно было бы ожидать увеличения их численности, ибо в этом было заинтересовано само население, поголовно неграмотное, о чем свидетельствуют письма с наличием ошибок и неправильных речевых оборотов. Некоторые письма, по признанию самих авторов, писались не ими по причине собственной неграмотности. Так, в письме просителя казаха Курганской волости аула № 5 Дюйсена Джангисина читаем: “Август 14 дня 1912 г. киргиз Дюйсен Джангисин, а по безграмотности его и личная просьба, расписался С. И. Черныш”¹⁹.

Таким образом, мы можем констатировать создание малокомплектных частных школ, которые юридически могли считаться государственными, но фактически получали статус относительно независимых. Однако этого не произошло по ряду причин. Согласно “Правилам” 1901 г. аульные школы считались филиалами волостных школ, и учебно-методические программы их не выходили за рамки государственных стандартов, кроме того, труд учителя, как государственного служащего, оплачивался государством. Тем более, что так называемые “местные средства” первоначально проходили через банковскую систему, очевидно как определенная форма налогов, и также получали статус государственных. В крае наблюдалась также нехватка учителей, что создавало дополнительные трудности. Казахских же стипендиатов, обучавшихся в педагогических заведениях Российского государства, было немного. В данном контексте обращает на себя внимание записка чиновника Котельникова, адресованная, по всей видимости, инспектору народных училищ 1-го района Акмолинской области: “По моему мнению, проситель больше хлопочет о том, чтобы получить деньги за квартиру, а не образование детей. Да и в степь школы надо постепенно двигать, иначе они без надлежащего надзору будут ... существовать”¹⁹. Существование же школы вне государства было не в интересах государственных властей.

Согласно п. 6 “Правил” существовала особая форма контроля методики преподавания и усвоения знаний учениками аульных школ. “Учитель аульной школы обязан раз в год по усмотрению инспектора школ доставить своих учеников на испытание особой комиссии при во-

лостной школе...»²⁰. Таким образом проверялась профессиональная подготовка прежде всего учителя. Отмечалось, что в случае положительных успехов «учитель имеет право на получение особого единовременного вознаграждения, размер которого определяется всякий раз Попечителем учебного округа»²¹. При этом учебно-методический набор, предназначенный для обучения учеников, был нехитрым: «складная классная доска, 4 низеньких для письма столика, торговые счета, кошма и сундук для хранения учебных книг и письменных принадлежностей»²². Это объяснялось тем, что «аульные школы... должны отвечать условиям быта киргиз, школьные принадлежности не должны быть громоздки, а удобны для перевозки»²³. Возможно, данный пункт является оправданием скудости финансирования, выделяемого на развитие образования в крае.

Подход к созданию аульной школы и источникам финансирования был жестким с применением системы проверок. Выше приводился отчет чиновника Котельникова, обосновавшего отказ в открытии школы конкретному просителю по причине отсутствия финансового содержания. Аналогична записка следующего автора, вероятно волостного начальника, адресованная инспектору народных училищ: «У киргиза моей волости аула № 3 Кусакая Кабизова, просившего образовать аульную школу, имеется благосостояние, таковое – 2 лошади и 2 коровы, кроме того, за посланием аульного старшины состоит недоимка 910 года 402 рубля, которую благодаря несостоятельности по сие время уплатить не может. Ходатайство свое Кабизов основывает на личной выгоде, чтобы открыть школу в помещении [и], по снятии иметь для себя готовую квартиру». О количестве денежных сумм, предназначенных для содержания школ, свидетельствует отчетная ведомость по области за 1902 г. В распоряжение инспекторов-учителей уездных училищ в уездные казначейства переводилось по 230 руб. на содержание аульных школ: Худайбергеновской Акмолинского уезда, Оскеневской и Тлебалганской Петропавловского уезда, Таспикетовской Атбасарского уезда, Кисыль-Агачской Кокчетавского уезда»²⁵.

Денежные суммы, выделенные на содержание каждой конкретной школы, были очень незначительны. На этот вопиющий факт указывал в своей речи на заседании Государственной думы от 19 мая 1914 г. депутат от Мусульманской фракции Еникеев: «Суммы, отпускаемые на инородческие школы, совершенно ничтожны. Школы, открываемые для инородческого населения, не отвечают интересам инородческого населения, ибо проникнуты русификаторскими миссионерскими задачами. Главной целью политики является искоренение национальных, бытовых, религиозных особенностей. Такая политика не только не дала же-

лаемых результатов, но она сеет рознь в населении, противоречит разумно понимаемым государственным интересам. За последнее время деятельность министерства в этом направлении стала еще более агрессивной”²⁶.

Итак, на основании закона 1901 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях были созданы аульные школы. Процесс открытия школ проходил при содействии гражданской и учебной администрации, о чем свидетельствует бурная переписка, когда каждый аульный учитель с согласия инспектора народных училищ имел право обращения за содействием в открытии и работы школ к уездному начальству. Однако в первые годы школы открывались с большими затруднениями, так как часть казахского населения была оппозиционно настроена к русской культуре и испытывала влияние мусульманского духовенства. Поэтому в первое время посещаемость аульных школ казахами была невелика. Об этом свидетельствует и рапорт учителя Худайбергеновской аульной школы Ерджана Айманова об открытии школы, адресованный учителю-инспектору Акмолинского 3-классного городского училища в 1902 г.: “На молебне, который отслужен священником местной церкви, кроме русских... не было ни одного киргиза, хотя я просил почетных и влиятельных присутствовать на открытии. В настоящее время общее число учащихся 22, из них 5 человек киргиз (все мальчики. - *примечание автора*) и 17 русских, причем 8 мальчиков и 9 девочек”²⁷.

Судя по содержанию письма, мы можем предположить, что аульные школы с русским языком преподавания и русской грамматикой формировались не только в аулах, но и в поселениях со смешанным населением, поэтому национальный состав некоторых из них оказался неоднородным. Очевидно, данный аспект предопределил название некоторых школ как русско-киргизских, для которых был характерен разнородный национальный состав. Большинство учеников-казахов не владели русским языком, что вызывало для них определенные трудности в усвоении знаний, тем более что в некоторых школах назначались русские учителя, испытывавшие затруднения в казахском языке. В связи с этим инспектору народных училищ Акмолинской области была отправлена записка с соответствующими рекомендациями: “В аульной школе обучение письму – чтению должно начаться по русско-киргизской азбуке известной под названием “К мудрости ступенька”, а затем идти по учебным книгам Граменицкого ... рекомендовать “Русская речь” Вольтера”²⁸.

Особую активность в развитии казахских школ проявил директор Алекторов, пытавшийся смягчить языковую проблему неординарным способом. Он рекомендовал изучать в школах не только общепринятые

дисциплины, но и включать в учебную программу специфическую литературу, предназначенную для всеобщего развития, и просил выслать “во вновь открываемую аульную школу по 6 экземпляров брошюр на киргизском языке – «Глазная болезнь - Трахома», “Оспа”, “Как надо жить, чтобы не заболеть холерой”. Весьма желательно, чтобы учителя аульных школ в длинные зимние вечера, когда киргизам захочется послушать чтение, знакомили их с содержанием названных брошюр. Директор Алекторов 26 сентября 1902 г.»²⁹. Малочисленность казахских учеников объяснялась рядом причин материального характера, о чем не преминул заявить в объяснительной записке учитель Таспикетовской школы Псарев: “Занятия в Таспикетовской школе прекратились, так как ученики уехали за пищей по домам, которые находятся от школы верст за 100, а иные и дальше”³⁰. Интересна реакция Алекторова, курировавшего Таспикетовскую школу, который с раздражительной критикой описал следующее: “Имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие выяснить, вследствие каких причин [отсутствуют] пять учеников Таспикетовской аульной школы; вследствие того, что киргизы не приковывали, по нежеланию ли обучать детей своих или потому, наконец, что учитель в аульной школе дожидается, когда приведут к нему учеников. Псареву необходимо познакомиться с местными киргизами, побывать у них и принять все возможные меры к сближению. Директор Алекторов 30 сентября 1902 г.”³¹

От аульного учителя, как от представителя государства в ауле и подвижника реформы, требовались активные действия по приобщению детей к учебе и разрешенная законом самостоятельность в выборе средств.

Процесс открытия школ набирал силу, несмотря на недостаток финансов. Об этом свидетельствует переписка директора народных училищ 1902 г.: “С отношением моим на Омскую Казенную Палату от 29 июля сего года за № 353 переводы на Ваше распоряжение 270 руб. на открытие и содержание Аезгульской аульной школы ... жалование учителю полагается 360 руб. в год, за помещение школы 120 руб., причем квартиросодержатель обязан отоплять здание, освещать и содержать прислугу. Прошу заверить меня о числе учащихся. Директор Алекторов”³².

Внутреннее убранство аульной школы соответствовало рекомендациям Правил 1901 г., по которым каждая школа “должна приобрести портреты Государя Императора и Государыни Императрицы и заготовить классную мебель, которая должна быть не дорогой, но прочной...”³³.

Во избежание недоразумений рекомендовалось также приобретать специфическую мебель, бытующую у казахов: “Учительские столы

должны быть приспособлены к тому, какие употребляются азиатскими народами: это продолговатые двойной ширины, сравнительно с обыкновенными табуреты 7-8-вершковой высоты, длина столов должна быть такова, что за каждым столом должны были поместиться сидя на полу 6 учеников по 3 человека с каждой стороны. В каждой школе должны быть ... два сундука, полушкаф, часы-будильник, классная доска, торговые счета”³⁴.

Особую заботу власти проявляли в отношении аульных учителей, которые были подотчетны вышестоящим инстанциям. Назначенный на должность учителя получал рекомендательное письмо за подписью директора, гарантировавшее ему право на труд, например: “Распоряжением моим от 16 августа 1902 года за № 605 окончивший курс в Омском городском пятиклассном училище Мусульманбек Сеитов назначен и. д. учителя в Дюкеновскую аульную школу Петропавловского уезда”³⁵. На дорогу от Омска до места назначения учитель снабжался специальным документом, обеспечивавшим ему определенные льготы в пути – открытым предписанием для свободного проезда³⁶.

Ежемесячный оклад учителя составлял 30 руб., кроме того, для работников образования был создан пенсионный фонд, в который отчислялось 12 % из 30-рублевого месячного оклада³⁷.

За наем рабочих на нужды аульной школы и провоз багажа также выплачивались государственные деньги, о чем свидетельствует следующая записка: “Киргиз Ташим Бейсембеков, которого рекомендовал волостной мулла, согласен везти школьную мебель на своей лошади из Омска до Ашекульской аульной школы за 5 рублей”³⁸.

Аульные учителя, заинтересованные в оживлении школьной реформы, проявляли завидную активность, обращаясь, прежде всего, к инспектору народных училищ Акмолинской области. Особенно в этом преуспел учитель-инспектор И. Скорховский, который 24 августа 1902 г. просил отпечатать в Омске книги для записи имущества и учебников для Аскеневской и Тлебалганской аульных школ³⁹.

Вскоре Скорховский получает несколько посылок с учебной литературой, о чем извещает инспектора народных училищ Акмолинской области в письме от 13 сентября 1902 года. Тут же приводится перечень литературы, предназначенной для аульных школ, а именно: Григорьев “Русское слово” в 3 выпусках, Вольтер “Русская речь” в 3 выпусках, Вишневский “Записка по методике арифметики”, Луденец “Сборник арифметических задач”, Тихомиров “Начатки грамматик”, его же “Правописание до грамматик”, его же “Как учить читать, писать и считать”, его же “Чему и как учить” и А.Е. Алекторов “Указатель книг, журналов и газетных статей и заметок о киргизах”⁴⁰. Судя по указанной

литературе можно предположить, какие дисциплины изучались в аульной школе: русская грамматика, русская речь, арифметика и предмет по изучению быта казахов. По нашим подсчетам, количество книг едва превышало 11 экземпляров, хотя они предназначались для нескольких школ. Поэтому учебная литература в ауле действительно была в дефиците и далеко не каждый ученик имел учебник в личном пользовании, что накладывало отпечаток на его успехи.

Программа развития аульной школьной системы, инициированная правительством, проходила с большими трудностями, хотя в начале XX века наблюдался медленный, но неуклонный рост количества аульных школ. Уже в 1902 г. в Семипалатинской области действовали 10 аульных школ, а в Акмолинской – 6⁴¹. В 1903 г. в обеих областях открывается еще 11 школ, в следующем – 15. В 1915 г. в Семипалатинской области насчитывалось 150 – 170 аульных школ, в Акмолинской – 79, причем в среднем на одну школу приходилось 25 учащихся.

Помимо аульных школ, в Акмолинской и Семипалатинской областях были созданы русско-киргизские волостные училища, которых в 1915 г. насчитывалось 15, и в среднем на школу приходилось 60 человек⁴³. Подавляющее большинство учеников составляли мальчики.

По подсчетам Седельникова, в Акмолинской области в 1913 г. проживало 562698 казахов⁴⁴.

Если исходить из этих данных, то можно предположить, что в Акмолинской области в процесс обучения на базе аульных школ было вовлечено максимум 2 тыс. человек, хотя в вышеприведенных письмах указывалось на то, что многие школы не были заполнены до желаемой цифры в силу объективных трудностей.

Численность казахского населения в Семипалатинской области, по переписи 1897 г., достигала 604 тыс. 564 человека⁴⁵. По нашим грубым подсчетам, в Семипалатинской области в аульных школах в 1915 г. обучалось около 4 тыс. учеников. По данным Юрцовского, общая численность учеников-казахов, обучавшихся в начальных государственных учебных заведениях на русском языке, в процентном отношении к казахам всей Сибири в 1911 г. составляла 0,14 %⁴⁶.

Общее число мальчиков-казахов вкупе с татарами, якутами и другими мусульманскими народами составляло 24,9% от общего числа учеников, тогда как общая доля девочек тюрко-татарского происхождения, среди которых числились и казашки, составляла всего лишь 1,4 % по учебным заведениям Западной Сибири⁴⁷. Очевидно, в этом сыграли свою роль национальные традиции. Кроме того, школы зачастую находились в отдалении от многих населенных пунктов, что вызывало у родителей опасение за судьбу детей. Поэтому в школах в подавляющем

большинстве учились мальчики, организм и психика которых в силу природных особенностей были более приспособлены к тяжелым условиям быта.

Значительная масса учеников выбывала из школы до окончания курса. Так, в 1906 г. общее число учащихся казахов в 4 волостных русско-киргизских училищах и 40 аульных школах Западной Сибири составляло 904 человека, из которых выбыло, не окончив школьного обучения, 250 человек или 27,6%. Численность окончивших курс составляла 74 человека, или 8,1 %.⁴⁸

Согласно Правилам аульные школы находились на балансе государства. При этом 58 % бюджета аульных школ составляли ассигнования из Казначейства, 36 % ассигновались из земских сборов и 5,3 % составляли остальные источники.⁴⁹

¹ Государственный архив Омской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 13. (далее ГАОО).

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Обзор Тургайской области за 1893 год. Оренбург, 1893.

⁷ Обзор Тургайской области за 1892 год. Оренбург, 1892.

⁸ ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 6. Л. 2.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Омский вестник. 1914. 20 мая.

¹⁷ ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

¹⁸ Там же. Д. 6. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 49.

²⁰ Там же. Д. 1. Л. 13.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 6. Л. 55.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 24.

²⁶ Омский вестник. 1914. 20 мая.

²⁷ ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 32.

³⁰ Там же. Л. 51.

³¹ Там же. Л. 33.

³² Там же. Л. 2.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 8.

³⁶ Там же. Л. 22.

³⁷ Там же. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 23.

³⁹ Там же. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Л. 26.

⁴¹ *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923.

С. 189.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Седельников А.Н.* Учебник родиноведения. Акмолинская область. Омск, 1916.

С. 49.

⁴⁵ *Востров В.В., Мукашов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Алматы,

1968. С. 160.

⁴⁶ *Юрцовский Н.С.* Указ. соч. С. 152.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 189.

⁴⁹ Там же.

Ж.А. Ермакбаев

(Кокшетау, университет им. Ш. Уалиханова)

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ КАЗАХОВ

Процесс становления и развития казахского самосознания охватывает целые века, уходя своими корнями в эпоху тюркских каганатов и ранних улусов, начиная с VI века. В XVI в. в пределах нынешней границы Казахстана завершился процесс формирования казахской народности и в целом её этнической территории. В период перехода от родового общества к раннефеодальным государствам (улусам), этническое самосознание воплощалось в представлении об общности происхождения и принадлежности к определённому племенному объединению, живущему на одной территории. Этническую основу казахской народности составили многочисленные племена и народы от саков, усуней, тюрков, тюркешей, кипчаков до найманов, кереев, аргынов и многих других, обитавших в разное время на территории Казахстана. Установившаяся в XV - XVII вв. ханская власть над населением и территорией, конечно, могла в этническом самосознании как олицетворять объединяющую этнос идею, так и выступать обособленно, т.е. в отрыве от интересов народа. Не только географическое пространство сплачивало формирующуюся казахскую народность, но и язык, вера, историческая память о прошлом, общность судьбы – всё то, что можно назвать историческим пространством, что вкупе составляло Отечество, в лоне которого развивалось этническое самосознание будущих казахского, узбекского, киргизского, каракалпакского и туркменского народов тюркского происхождения. Формирование казахской народности обусловлено эволюцией и взаимосвязью хозяйственных форм кочевого скотоводства и оседлого земледелия, а также прогрессивными изменениями в общественных отношениях.

Идея защиты была одной из ведущих в памятниках казахской устной поэзии. Мотивы любви к родной земле, гордости за неё, готовности отстоять прослеживаются в произведениях героических эпосов “Кобланды-батыр”, “Ер-Таргын”, “Камбар-батыр” и др. В произведениях казахской устной поэзии Шалки-жырау (XV в.), Доспамбет (XVI в.),

Жиембет (XVII в.) прославлялись самоотверженностью и подвиги батыров, защищающих родину. Именно в годы “Великого бедствия” (1723 – 1727 гг.) часть казахов оказалась за пределами своей этнической территории. Борьба казахов с агрессорами, будь то джунгары, тимуриды Мавераннахра или кокандские ханы, в первую очередь определялась ростом национального самосознания, чувством любви к своей земле. Это отражалось в фольклоре – эпосе, песнях, легендах.

Этническое самосознание закрепляется в названии народа, а также названии места его проживания. Само название “казах” (казак) долгое время являлось предметом дискуссий учёных. Востоковед В.В.Бартольд определили этот термин как “человека без семьи и имущества, даже когда он и не вёл бродячей или разбойничьей жизни”¹. С течением времени термин “казах” приобрёл этнический смысл и стал употребляться как этноним для обозначения уже сложившейся одной из тюркских народностей в XVII – XVIII вв. В период вхождения Казахстана в состав Российской империи термин “казах” употреблялся в искажённом виде, и лишь с середины 20-х годов XX столетия казахов вновь стали называть их историческим именем².

Особенность казахского общества заключалась в том, что высшее аристократическое общество средневековья определялось не по имущественному положению, а по социальному происхождению. С деятельностью чингизидов (ханов и султанов) связаны история возникновения Казахского государства и рост национального самосознания. Потомки Чингиз-хана и Ак-Ординского хана Уруса султаны Керей и Джанибек, основавшие 530 лет назад Казахское ханство, пришли на смену кипчакским племенным вождям. Новая династия ханов-чингизидов правила 380 лет начиная с 1465 и до 1845 гг., т.е. до упразднения Казахского ханства в середине XIX века.

С правлением каждого казахского хана тесно связан определённый этап истории народа и формирование его этнического самосознания. По свидетельству Касым-хана (1511-1523 гг.), с именем которого связан период наивысшего политического влияния Казахского ханства, казахи как самостоятельная народность стали известны в Европе и представляли собой достаточно однородный культурно-исторический тип: “Мы – жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас – молоко их и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений – пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней”³.

Одной из специфических черт казахской государственности является то, что высшая исполнительная власть принадлежала ханам и султа-

нам-чингизидам, и в истории Казахстана не было ханов-самозванцев, нечингизидов. Хань и султаны внесли немалый вклад в становление и развитие казахской государственности, в укрепление этнической территории, воспитание патриотизма в борьбе с внешними врагами. И казахский народ в целом по достоинству оценил действия своих правителей. Значительно укрепилась казахская феодальная государственность при хане Аблае (1771-1781 гг.) В памяти народа он остался как Аблай Великий, для которого государственное было превыше личного. Ч. Валиханов подчеркивал, что ни один казахский хан не имел такой неограниченной власти, как он, и что век Аблая являлся веком казахского рыцарства⁴.

История подтверждает тот факт, что образование казахской народности тесным образом связано с возникновением и становлением казахского ханства. Именно казахское ханство, возникшее 500 лет назад, на протяжении столетий формировало национальное сознание. Ликвидация ханской власти в степи в середине XIX века вызвала негативное отношение казахов к российской администрации. Российскому правительству в течение десяти лет (1837-1841 гг.) пришлось усмирять национально-освободительное движение под руководством хана Кенесары. Хотя восстание было подавлено, оно оставило глубокий след в сознании не только казахов, но и других народов Центральной Азии.

Несомненно, что рост патриотизма казахского народа был тесно связан с идеей возрождения ханства. Утвердив в 1841 г. Казахское ханство, хан Кенесары объявил служение высшим смыслом жизни любого своего подданного. Жестокость к казахским родам, отказавших ему в поддержке, братоубийственная война с киргизами не умилили его авторитета. Легендарность Кенесары откладывалась в поколениях казахов преданностью интересам народа, полководческим даром, мудрой политикой государственного деятеля. Созданное им ханство развивало казахское национальное сознание, где деление общества оставалось словесным, а не национальным или религиозным. В движении Кенесары участвовали представители разных национальностей. Если борьба горцев под руководством Шамиля приняла форму священной войны против неверных, то национально-освободительное восстание казахского народа под руководством Кенесары имело целью восстановление национальной государственности.

Уставы о сибирских, оренбургских казаках 1822 – 1824 гг. по существу ликвидировали ханство в Казахстане и дали возможность колонизировать бескрайние евразийские пространства. Однако родоплеменная структура казахского общества (суд биев, власть и авторитет султанов) в основном продолжала сохранять национальные традиции в степи.

Многие султаны поступили на российскую службу. В дальнейшем путём осуществления реформ 1867-1868 гг. удалось ослабить влияние родовой аристократии, что отразилось на их правовом, экономическом и политическом положении. Новая система управления расшатывала патриархально-феодальный образ жизни кочевников, ограничивала власть султанов, биев и старшин, что вызвало протест казахов.

Конец XIX и начало XX века полны выступлением казахов как против произвола российской администрации, так и против местных родоначальников. Особое место в истории многовекового национально-освободительного движения казахского народа занимает восстание 1916 г., во главе которого стояли А. Иманов, А. Джангильдин, Т. Бокин, Б. Ашекеев, Ж. Мамбетов и другие славные сыны Казахстана. В этом восстании классовый смысл движения против произвола феодальной верхушки аула играл не главную роль, так как восставшие в первую очередь боролись за свободу и независимость родины, которая определялась необычайным ростом национального самосознания. Справедливо будет сказать, что восстание 1916 года в Казахстане и Средней Азии было одним из звеньев борьбы народов Китая, Персии и других стран против колониального ига.

Важно отметить, что самосознание казахов определялось их кочевым образом жизни на протяжении XV – начала XX вв. На это обратили внимание ряд исследователей. Русский ученый В.В. Радлов заметил, что мы “должны констатировать, что в настоящее время и в языковом, и в социально-политическом отношении киргизы представляются настолько как бы сплывшимися в одно нераздельное и прочное целое, что мы вправе их называть особым народом, так как им в высшей степени присуще чувство национального единства и крепкой взаимной спайки”⁵. В другой его работе записано: “Всюду бросается в глаза единообразие их обычаев, привычек, быта, характера и повсюду их резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казахов...”⁶. Ещё в прошлом веке, выдающийся русский этнолог Н.А. Аристов писал, что казахи “больше всех тюркских народностей сохранили скотоводческий и кочевой образ жизни...”⁷. Нельзя не согласиться с мнением казахстанского исследователя Н.Э. Масанова о том, что “кочевой образ жизни явился этноинтегрирующим фактором их формирования и сложения в целостную социокультурную общность. Одновременно именно кочевничество являлось стержневым системным качеством, дифференцирующим казахов от всех других социокультурных образований Средней Азии, Западной Сибири, Алтая и Юго-Восточной Европы... только после оседания казахов этническое самосознание заменяет хозяйственно-культурное и становится самодостаточной ценностью”⁸.

О своей национальности человек начинает думать обычно лишь в инонациональной среде. Казахская диаспора показала себе и миру, насколько у казахов развито чувство национального самосознания. Можно отметить такую черту, характерную практически всем эмигрантам из Казахстана и сопредельных к нему стран, – жажду общения. Многие казахские мигранты, оказавшиеся в дальнем и ближнем зарубежье, до сих пор не могут примириться с окружающим их стилем жизни и встреча с соотечественником – для них радость, даже если политические и прочие взгляды далеко расходятся.

Другой отличительной чертой казахской диаспоры является сохранение нравственных ценностей, что связано с многовековой борьбой народа за выживание и сохранение себя как этнофоров. Как и другие этносы, казахи бережно передают из поколения в поколение сказания о ратных подвигах своих предков. Отсюда исключительная роль эпического жанра в виде бесчисленных легенд, сказаний, эпоса, шежере, прославлявших выдающихся ханов, батыров, биев. До сих пор казахи дают сыновьям имена легендарных личностей, внесших вклад в историю своей страны.

Этническое самосознание у казахов России определяется в целом их принадлежностью к казахскому этносу. Хотя у некоторых казахов, компактно живущих в иноэтнической среде, появились свои особенные черты, что позволяет им выделить себя в отдельную общность. Так, казахи Омской области естественно восприняли локальный этноним “сыбыр казак” как самоназвание и осознают свою обособленность⁹. Известный ученый этнолог Н.А. Томилов отметил, что “относительно компактное расселение казахов в Омской области, их многочисленность, особенности хозяйственного и культурно-бытового уклада, возникшие в условиях проживания в лесостепных и отчасти в лесных районах, а также в условиях активного взаимодействия с оседлыми народами, способствовали формированию особой этнографической группы казахского народа – омских казахов”¹⁰. Ш.К. Ахметова, занимающаяся проблемами этнической истории казахов Западной Сибири, констатирует, что “высшим уровнем этнического самосознания городских казахов Западной Сибири является национальное казахское самосознание. Вместе с тем в силу ряда особенностей в хозяйстве, культуре и менталитете данной группы, сложившихся в результате исторических, социально-экономических, природно-географических условий, а также влияния иноэтнического окружения, можно говорить о процессах формирования западносибирского субэтноса казахского народа”¹¹. Следует отметить, что в г. Омске созданы различные национально-культурные центры и творческие объединения типа “Казак-тили”, “Молдир”, “Аманат”,

“Жастар”, издается газета “Омбы уни”. В целом они активно проводят культурно-просветительную работу, направленную на пропаганду лучших национально-нравственных ценностей среди казахского населения Западной Сибири.

Рост национального самосознания наглядно отражается у казахов Оренбуржья. В Оренбурге создано казахское национально-культурное общество “Казак-тили”, которое издаёт газету на казахском языке “Айкап”, финансируемую областной администрацией. В 13 школах области казахский язык преподаётся как родной. В 13 Домах культуры работают национальные казахские коллективы. Орское педагогическое училище готовит кадры учителей казахского языка. По просьбе казах-аксакалов администрация помогает строительству мечетей. В области ежегодно проходят Дни казахской культуры, отмечается Наурыз и другие национальные праздники¹².

В настоящее время около 4,5 млн. казахов проживают в 44 странах ближнего и дальнего зарубежья. Большинство из них находится в Российской Федерации и Узбекистане. Учитывая интересы соотечественников за рубежом, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев издал указ “О Государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом”¹³. Государственная программа должна содействовать обретению соотечественниками за рубежом всех международно-признанных личных и коллективных прав и свобод, способствовать созданию нормальных условий для их интеграции в политическую, социальную, культурную и экономическую жизнь тех стран, где они проживают, при сохранении собственной культурно-национальной самобытности.

Таким образом, эволюция национального самосознания казахов непосредственно связана с хозяйственно-культурной спецификой, возникшей на базе кочевого образа жизни. Отсюда возникла своеобразная культурная общность казахов, порождённая однотипной экономикой, единым образом жизни и особым способом производства.

¹ Бартольд В.В. Соч. М., 1968. Т. 5. С. 535.

² В материалах V Всеказацкого съезда Советов, состоявшегося в апреле 1925 г., было записано “казаки”, “Казакстан”. Постановлением Президиума ЦИК КАССР от 9 февраля 1936 г. было принято более точное наименование – “казахи”, “Казахстан”.

³ Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С.225 - 226.

⁴ Валиханов Ч. Соч. Алма-Ата, 1985. Т.1. С. 430.

⁵ Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племён Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. С. 21.

⁶ Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 250.

⁷ *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и введении об их численности // Живая старина. СПб., 1896. Вып. III-IV. С. 350.

⁸ *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов // Основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы «Социовест» ; Москва «Горизонт», 1995. С. 247.

⁹ *Наумова О.Б.* Материалы по изучению этнического самосознания омских и белаяшских казахов // Полевые исследования института этнографии 1978 года. М., 1980. С. 108 - 109.

¹⁰ *Томилов Н.А.* Казахи Западной Сибири в XV-XX вв. // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Кн. 1. С. 72 - 73.

¹¹ *Ахметова Ш.К.* Об изучении этнических процессов у городских казахов Западной Сибири // История и культура Сибири: Материалы отчётной сессии Омского филиала Объединённого института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, 1996. С. 12.

¹² Казахи Южного Урала: история и современность // Сборник материалов областной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Абая Кунанбаева (1 апреля 1995 г.). Оренбург, 1996. С. 4 – 5, 73.

¹³ Указ подписан 31 декабря 1996 г.

ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИНЬЦЗЯНА 1944 – 1945 ГГ.

Осенью 1944 г. в трёх северных округах Синьцзяна - Илийском, Тарбагатайском и Алтайском - вспыхнуло мощное национально-освободительное восстание коренных народов. Национальное унижение, которое испытывало население со стороны китайских властей, тяготы шедшей с 1937 года японо-китайской войны, непосильные налоги и поборы, а также почти полное прекращение с 1942 года торговых связей провинции с Советским Союзом, ещё более ухудшавшее экономическое положение приграничных округов, сделали жизнь проживавших здесь людей невыносимой.

Восстание началось в октябре 1944 года после того, как власти Синьцзяна издали указ о реквизиции у населения провинции 10 тысяч лошадей на военные нужды. Поскольку этот указ затрагивал интересы кочевников-скотоводов, недовольство, стихийно переросшее в восстание, охватило районы кочевий в Илийском округе и, в частности, Нилхинский уезд. В ночь с 7 на 8 ноября восстание началось в столице Илийского округа г. Кульдже, которое организовал и возглавил действовавший здесь подпольный военно-революционный штаб.

15 ноября 1944 года, после того как повстанцы овладели городом, ими было образовано временное правительство Восточно-Туркестанской Республики, а к апрелю 1945 года завершено формирование всех государственных институтов, включая регулярную армию. Создание ВТР сыграло значительную роль в расширении повстанческого движения. Весной и летом 1945 года подразделения Национально-освободительной армии ВТР во взаимодействии с партизанскими отрядами Тарбагатай и Алтая очистили от гоминьдановцев эти округа и стали реально угрожать столице Синьцзяна – Урумчи.

Роль и степень участия Советского Союза в разворачивавшихся в Синьцзяне в 1944 – 1945 гг. событиях до недавнего времени практически не находили отражения в работах советских и российских историков. Это было связано, прежде всего, с закрытым характером архивных

материалов, способных пролить свет на указанный вопрос. Вместе с тем сегодня появились определённые возможности для того, чтобы внести ясность в то, как развивались события рассматриваемого сюжета.

В 1942 – начале 1943 гг. произошло достаточно резкое ухудшение отношений между Советским Союзом и Синьцзяном, инициированное провинциальным правительством, а последовавшие затем настойчивые, но безуспешные попытки советской стороны исправить положение в лучшую сторону завершились тем, что к исходу 1943 года многолетние плодотворные двусторонние связи были сведены почти на нет. Вследствие этого довольно скоро экономика Синьцзяна, нормальное функционирование которой во многом зависело от тесного сотрудничества с советским государством, начала испытывать всё большие трудности. В то же время советское правительство, “обиженное” на руководство Синьцзяна, теперь уже само начало целенаправленно саботировать поставки даже тех партий товаров, которые нужно было передавать провинции по всё ещё действовавшим отдельным контрактам.

В этот же период частыми становятся инциденты в погранполосе, разделявшей СССР и Синьцзян. Власти Синьцзяна указывают советской стороне на то, что казахи, советские подданные, проникают на китайскую территорию, грабят кочевья и угоняют скот. При попытках задержать грабителей за них вступаются советские пограничники, которые для этого сами нарушают китайскую границу и применяют против китайских военнослужащих оружие. Сведения о подобного рода инцидентах, по крайней мере в указанной трактовке, стали столь частым явлением, что посол США в Китае Гаусс счёл необходимым информировать об этом госсекретаря Соединённых Штатов Америки Г. Хэлла, иллюстрируя общую картину несколькими примерами, в том числе инцидентом, произошедшим на советско-синьцзянской границе 31 августа 1944 года.

Ссылаясь на телеграмму консула США в Синьцзяне Смита, посол сообщал, что 31 августа 1944 года около 30 (советских. – В.Б.) казахов угнали 300 лошадей с китайской территории в 10 километрах от границы. В ходе движения к границе казахи были остановлены китайскими пограничниками, открывшими огонь в 3 – 4 км от русской границы, при этом казахи открыли ответный огонь. В этот момент “советские пограничники вошли более чем на 1 километр на китайскую территорию, присоединились к казахам и помогли им пробить себе путь. Советские пограничники участвовали в стрельбе по китайским пограничникам... Четыре китайских пограничника были ранены в ходе столкновения”¹. Далее посол сообщает, что Смит, пытаясь получить объективную информацию о подобного рода инцидентах выяснял у представителя МИД Китая при синьцзянском правительстве “относительно достоверности

этих боевых действий, а также советского участия в налётах казахов в Западном Синьцзяне в июле и августе этого года. Представитель МИД дважды заверял Смита, что он проверял наличие этих фактов и уверен в надёжности сведений о советском участии в этих инцидентах”².

Между тем напряжённость на советско-китайской границе продолжала расти. Судя по сообщениям своему руководству того же американского консула Смита, в сентябре-октябре 1944 года пограничные инциденты между сопредельными сторонами стали чуть ли не еженедельными. Ссылаясь на его донесения, посол Гаусс 19 октября 1944 года докладывал в Вашингтон, что в сентябре-октябре “40 казахов вторглись на китайскую территорию в 8 километрах южнее Чинхуа (китайское название столицы Алтайского округа Шара-Сумэ. – В.Б.), ...100 казахов вторглись ... в 16 километрах севернее Чинхуа, а ещё 900 алтайских казахов ограбили и сожгли степной город Фуконг в 40 километрах севернее Чинхуа.... 2 пограничных блокгауза на юго-запад от Кашгара были захвачены 500 советскими солдатами в сопровождении... казахов или киргизов”. Кроме того, Смит ставил в известность посла Гаусса, что он сам видел “много сотен алтайских казахов, вооружённых новыми советскими винтовками и штыками”³. Даже с учётом необходимого критического отношения к содержательной стороне этого документа (большая часть приведённых в нем фактов была получена консулом от китайской стороны и не могла быть им проверена) становится очевидным, что взаимоотношения сопредельных сторон в погранполосе были далеки от нормальных.

Наличие инцидентов с применением оружия на советско-китайской границе нашло отражение и в переписке советских руководителей. Правда, причины этих инцидентов указываются совсем другие, а в соответствии с этим и вина за них возлагается на противную сторону. Основной причиной пограничных эксцессов, судя по имеющимся архивным данным, советские официальные лица называли массовые случаи перехода на советскую территорию синьцзянских беженцев. При пересечении границы китайские пограничники пытались останавливать и возвращать этих беженцев, часто применяя при этом оружие и даже углубляясь на советскую территорию, что неизбежно вызывало конфликты.

С начала 1944 года эти эксцессы стали приобретать столь серьёзное значение в советско-китайских отношениях, что о них стали докладывать непосредственно Сталину. Так, 2 августа 1944 года на имя Сталина была подана оперативная сводка за подписью Берии о том, что “27 июля в 4 часа 30 минут пограничниками Бахтинского отряда (Казахская ССР) задержаны перешедшие из Китая в СССР 21 семья в числе 87 человек с

домашним скотом и имуществом.... В тот же день пограничный наряд в районе задержания 21 семьи обнаружил двух китайских солдат и одного в штатском, которые, нарушив государственную границу СССР, углубились в тыл нашей территории на 2 километра.... При попытке задержания... один китайский солдат убит, второй задержан (в штатском скрылся). Задержанный солдат Ли Тин-Сан показал, что они нарушили границу с целью поисков бежавших из Китая граждан”⁴.

Стремительное ухудшение советско-китайских отношений в целом, и особенно на территории Синьцзяна, не могло не вызвать негативных последствий. Поэтому весь комплекс перечисленных проблем, возникших в отношениях сопредельных сторон, вполне вписывался в логику развития событий, разворачивавшихся в этом регионе. Однако особый интерес представляет то, что, по некоторым данным, несколько ранее событий, развернувшихся на советско-китайской границе, высшее руководство СССР приняло решение о подготовке и организации на территории провинции повстанческого движения.

Это решение было определено, как представляется, несколькими причинами. Важнейшая из них заключалась в желании сместить Шен Шица и его окружение и привести к власти в провинции правительство, сформированное из представителей коренного населения, которое было бы лояльно к Советскому Союзу. В данном случае не ставился вопрос об отделении Синьцзяна от Китая или тем более аннексии его территории Советским Союзом. Руководителям СССР было достаточно того, что предполагаемая смена правительства в провинции могла самым серьёзным образом повлиять на весь комплекс советско-китайских отношений в позитивном для советского государства плане.

Есть данные, свидетельствующие о том, что ещё в мае 1943 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в ходе обсуждения ситуации, складывавшейся в Синьцзяне, было отмечено, что Шен Шицай оказался неблагодарным и бесчестным человеком. Несмотря на то, что советское государство помогало ему многие годы, он не только не оценил этого, но, более того, предпринял шаги, наносящие Советскому Союзу серьёзнейший ущерб. Исходя из этого сочли необходимым предпринять меры, которые позволили бы устранить Шен Шицай от власти в провинции. Для этого предполагалось начать создание “групп национального возрождения” как из граждан, проживающих на территории самого Синьцзяна, так и из лиц соответствующих национальностей, имеющих советское гражданство.

Кроме того, в Казахстане, Узбекистане и Киргизии было решено создать несколько школ для подготовки командиров таких групп и пропагандистов, которые должны были работать с населением Синьцзяна.

В пользу того, что такие школы были сразу же организованы и начали активно работать, выполняя свою главную задачу: подготовку и переброску в Синьцзян командиров повстанческих групп и пропагандистов по работе с населением провинции, говорит следующий факт. Уже в первой половине 1944 года в округах Синьцзяна, граничивших с Советским Союзом, стали появляться листовки, содержавшие призывы к борьбе за национальную независимость и уничтожение китайской колониальной власти в провинции, которые выпускались некими "Группами национальной независимости". Несколько позже среди населения стали распространяться своеобразные памфлеты, в которых объяснялись не только цели и задачи деятельности "Групп национальной независимости", но и излагались основные положения программы деятельности будущего повстанческого движения. Наиболее полно эта программа была изложена в памфлете, озаглавленном "Почему мы ведём борьбу?" В нём, в частности, говорилось:

"1. Мы боремся за уничтожение китайского правления в нашем Восточном Туркестане и за уничтожение всех источников китайской тирании на нашей территории. Восточный Туркестан принадлежит настоящим хозяевам этой территории – уйгурам, таранчам, казахам, киргизам, татарам, узбекам, а также тем, кто страдает от китайского гнёта, – монголам и другим некитайским нациям. В Восточном Туркестане нет места ни для китайского колониального правительства, ни для китайских колонистов.

2. Группы национальной независимости борются за установление в Восточном Туркестане настоящего равенства прав между всеми нациями.

3. Мы боремся за создание Политического союза наций, то есть за создание конгресса, состоящего из избранных представителей народов, живущих в Восточном Туркестане.

4. Группы национальной независимости отстаивают интересы людей всех наций, кроме китайской.

5. Группы национальной независимости борются за культурное развитие каждой нации, за создание начальных и средних школ с преподаванием на соответствующем языке для каждой нации, эти школы должны находиться на государственном содержании.

6. Группы национальной независимости добиваются восстановления национальных войск, которые включали бы в себя уйгуров, казахов, монголов и солдат других национальностей, расформированных Шен Шицаем из-за опасения возникновения сопротивления его политическому курсу.

7. В настоящее время Восточный Туркестан превратился в одну огромную тюрьму, где нации – пленники, а китайцы – палачи. ... Группы

национальной независимости борются за свержение тюремной системы, установленной угнетателем Шен Шицаем, за то, чтобы вырвать военное и гражданское руководство из рук одного человека и освободить невинных людей из плена.

8. Группы национальной независимости ведут борьбу за освобождение тех, кто... был арестован и заключён в тюрьму Шен Шицаем. ...Эти пленённые люди являются самыми надёжными людьми... они самые лучшие из нас и самые дорогие для нас.

9. Ранее существовавшие дружеские, торговые отношения между народами Восточного Туркестана и советским правительством были разрушены китайской администрацией. Прекращение торговли явилось тяжелейшим испытанием для нас и привело к остановке роста крестьянских хозяйств в деревнях и прекращению торговли на базарах, для каждой семьи становилось всё труднее заработать на жизнь. В каждом населённом пункте увеличивалось число тех, кто умирал от голода, не имел одежды, кто не мог найти работу, и чья жизнь вызывала жалость. ... Количество людей, встретившихся с таким несчастьем, растёт каждый день. Рынок потерял покупателей скота, шерсти, шкур, зерна и другой продукции сельского хозяйства. Мощный Совсиньторг – крупный покупатель – вышел из торговли с Восточным Туркестаном вследствие проведения жёсткой политики Шен Шицаем. Группы национальной независимости должны вырвать всех людей из когтей голодной смерти, должны вновь установить прочные и искренние отношения с нашим великим свободолюбивым другом и соседом – Советским Союзом и восстановить разносторонние отношения между нашими торговцами и Совсиньторгом.

10. Группы национальной независимости должны добиться снижения и облегчения невыносимого груза налогов и поборов, наложенных на людей китайцами.

11. Группы национальной независимости должны отстаивать свободу религии и бороться против всех ограничений, введённых на вероисповедание.

12. Группы национальной независимости должны составить сильную и непоколебимую оппозицию политике переселения китайцев и китайских бандитов в наш Восточный Туркестан и вытеснения нас с нашей родной земли на Восток.

13. Группы национальной независимости должны бороться за увеличение и расширение орошаемых земель...

14. Группы национальной независимости должны выступать против любых видов тяжёлой работы по принуждению китайцев, которую приходится выполнять местному населению....»⁵.

15. Есть все основания полагать, что “Группы национального возрождения”, которые предполагалось создать в соответствии с решением Политбюро, и “Группы национальной независимости”, возникшие вскоре после этого в Синьцзяне, это одно и то же. Чувствуется советская пропагандистская школа и в тексте листовок и памфлетов, выпускавшихся “Группами национальной независимости”.

И, наконец, ещё одним подтверждением реализации майских решений Политбюро является докладная записка, поданная И. В. Сталину 6 августа 1946 года за подписью зам. Предсовмина Берии, министра внутренних дел Круглова и министра государственной безопасности Абакумова, с представлением “о награждении правительственными наградами отличившихся работников оперативной группы МВД-МГБ за успешное выполнение заданий ЦК ВКП(б) в Синьцзяне от 4 мая 1943 года...”⁶.

В начале 1944 года советским консульствам в Синьцзяне было направлено распоряжение подготовить справки о перспективах национально-освободительного движения коренных народов провинции. В апреле 1944 года такие справки поступили в Комиссариат иностранных дел на имя замнаркома Деканозова. Содержание и характер справок были достаточно обнадеживающими, хотя ситуация в различных регионах Синьцзяна выглядела далеко не одинаково.

Так, в “Справке о состоянии и перспективах национально-освободительного движения на Юге Синьцзяна” генеральный консул СССР в Кашгаре Шестериков, дав подробную картину состояния национально-освободительного движения в южных округах провинции, его социальной базы и перспективах, сделал следующие выводы:

“1. Подавляющее большинство всех социальных групп населения некитайских национальностей Юга Синьцзяна относятся с ненавистью к китайцам за установленный ими режим необузданного произвола, полицейского террора, колониального угнетения и непрерывного грабежа, ведущего к всеобщему обнищанию.

2. В настоящее время все внутренние противоречия социального порядка отодвинуты далеко на задний план перед лицом главного врага, знаменующего собой господство китайских колонизаторов.

3. *Развёртывание активной национально-освободительной борьбы неизбежно потребует активного толчка извне и реальной внешней поддержки* (курсив мой. — В.Б.). Это обуславливается практической невозможностью начать внутренними силами активное развёртывание национально-освободительной борьбы, главным образом, за полным отсутствием необходимых для этого материальных предпосылок, наличия относительно больших сил, находящихся в распоряжении китайцев, и отсутствия какого-либо наличия организованности национально-

освободительного движения и авторитетного лица, могущего объединить и возглавить национально-освободительную борьбу.

4. Подавляющее большинство всех слоёв населения в настоящее время не относится неприязненно к Советскому Союзу. Только незначительное меньшинство духовенства и купечества придерживается проанглийской ориентации за создание исламистского государства и осуществление этой идеи мыслится ими при поддержке Англии.

5. В настоящих условиях развёртывание национально-освободительной борьбы невозможно без участия в ней сил мусульманского духовенства, которое, несомненно, будет играть ведущую роль на всех этапах борьбы. Поэтому целью борьбы должен быть лозунг создания такой формы государственного устройства, при которой было бы обеспечено участие мусульманского духовенства⁷.

Советский консул в Шара-Сумэ Михайлов, давая в аналогичной справке обзор ситуации в Алтайском округе, акцентирует внимание своего руководства на деятельности повстанческого отряда Оспанбатыра. Он, в частности, подчёркивает, что “возглавляемая Оспаном казахская группа при благоприятных условиях может сыграть решающую роль в деле подготовки и проведения нового казахского восстания на Алтае”. Но особенно важно, по мнению Михайлова, то, что “помимо самой группы Оспана, в развитии национально-освободительной борьбы на Алтае, при благоприятных условиях, может принять участие большая часть населения округа⁸. Несколько позже, в конце мая 1944 года, Михайлов в другой справке, возвращаясь к последнему тезису, писал: “Среди населения в отношении группы Оспана имеются разговоры о том, что Оспана поддерживает МНР, а её поддерживает Советский Союз. Среди отдельных казахов Кабинского уезда имеются разговоры о том, что если китайцы усилят преследования их, то они уйдут к Оспану или в Советский Союз”⁹.

Аналогичные справки были направлены всеми советскими консульствами в Синыцзяне и, несомненно, сыграли весьма значительную роль в принятии решения советским руководством о времени и месте предполагаемого восстания. Кроме того, анализ ситуации, данный в этих справках, позволял определиться в том, на какие силы и социальные слои коренных народов провинции следовало опираться в будущем движении. В подтверждение этого говорит то, что центром восстания был определён не Юг провинции, где, по мнению консула Шестерикова, при очевидной ненависти к колонизаторам, тем не менее невозможно было начать внутренними силами активное развёртывание национально-освободительной борьбы “за полным отсутствием необходимых для этого материальных предпосылок... отсутствия какого-либо наличия

организованности национально-освободительного движения и авторитетного лица, могущего объединить и возглавить национально-освободительную борьбу¹⁰, а Север, где все эти условия, по мнению советских консулов, наличествовали¹¹.

Именно в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах существовали и активно действовали к этому времени подпольные революционные организации, вели вооружённую борьбу повстанческие отряды, а во главе революционного движения стояли авторитетные народные лидеры, способные повести за собой народные массы. Следует отметить и то, что именно в этих округах в силу объективных обстоятельств оказалось сосредоточено большое количество представителей интеллигенции наиболее многочисленных народов Синьцзяна уйгур и казахов, которые учились и подолгу жили в Советском Союзе. Многие из них в период учёбы и работы в СССР вступили в ВКП(б), а вернувшись в Синьцзян, активно включились в революционную деятельность. Совершенно очевидно, что в период подготовки и организации восстания советские компетентные организации опирались в своей деятельности на этих людей. Кроме всего прочего, неперенным условием при выборе будущего центра восстания являлось наличие близкой границы с Советским Союзом, ибо только в этом случае можно было говорить о возможности реальной помощи такому восстанию. Три северных округа вполне отвечали и этому требованию.

Дальнейшие события в Синьцзяне, которые могут быть подтверждены архивными источниками, свидетельствуют о высокой степени достоверности приведённых данных. Сегодня, опираясь на эти источники, можно совершенно определённо говорить о том, что советское руководство не только сыграло решающую роль в организации восстания, но и о том, что оно оказывало восставшим материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь, а также в значительной степени влияло на деятельность правительства Восточно-Туркестанской Республики. Достаточно сказать, что ещё до начала восстания и создания Восточно-Туркестанской Республики для налаживания сотрудничества и координации взаимодействий с повстанцами советским руководством была создана специальная оперативная группа во главе с начальником отдела спецзаданий НКВД СССР генералом Егнаровым и его заместителем начальником 4-го отдела первого управления НКВД генералом Лангфангом. Штабы этой группы находились в Алма-Ате, а также в приграничном городке Хоргос¹².

Кроме того, широкомасштабная работа велась с территории Узбекистана и Киргизии на юге Синьцзяна, где также действовала оперативная группа НКВД. С начала марта 1946 года её руководителем был назначен

полковник Ральников¹³. Однако основная часть сотрудников НКВД действовала на территории “освобождённых округов” самой провинции¹⁴. Несколько позже генерал Егнарлов начал совмещать руководство оперативной группой с одновременным исполнением обязанностей главного военного советника при правительстве ВТР.

Совершенно очевидно, что без согласования с советскими дипломатами и представителями при правительстве ВТР ни члены этого правительства, ни сам Алихан-туре не предпринимали сколько-нибудь серьезных шагов как в военной области, так и в вопросах государственного строительства. О подобных согласованиях говорят многочисленные сообщения в Москву, содержащие перечень обсуждаемых вопросов и проблем. Информации с заголовками вроде “О беседе председателя Временного правительства Восточного Туркестана А. Тюря Шакирходжаева с подполковником госбезопасности Прокопюком о действиях повстанцев в Синьцзяне” или “Сообщение тов. Егнарлова с приложением текста контрпредложения повстанцев, разработанных совместно с Добашиним (Генеральный консул СССР в Кульдже. – В.Б.)”, свидетельствующие о повседневной тесной работе представителей СССР с повстанцами, поступали в заинтересованные советские ведомства и руководству СССР практически еженедельно¹⁵.

Нет сомнений в том, что развитие наступления Национально-освободительной армии ВТР, поддержанное в разных районах Синьцзяна новыми вспышками восстаний, было обязано своими успехами не только беззаветному героизму повстанцев, но и той помощи, которую им оказывало советское государство. По некоторым данным, Политбюро ВКП(б) в июне 1945 года приняло специальное постановление об отправке в Синьцзян для укрепления армии ВТР 500 офицеров и 2000 сержантов и рядовых Красной Армии. По крайней мере, несколько позже Берия в специальном письме Молотову сообщил, что переброска “в Синьцзян рядовых и офицеров, демобилизованных из Красной Армии для участия в повстанческом движении мусульман Синьцзяна”, осуществлена¹⁶.

В этот же период отрядам повстанцев начали поставлять крупные партии оружия, в том числе артиллерию, боеприпасы, автотранспорт, оборудование для телефонной и радиосвязи, а также расходимые материалы. Автор работы “Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений” Ю.М. Галенович, ссылаясь на китайские источники, отмечает, что в решающих сражениях повстанцев поддерживали войсковые части СССР¹⁷.

В пользу этого свидетельствует и то, что информация о ряде боевых операций армии ВТР против гоминьдановских войск поступала совет-

скому руководству не от Егнарова, а от командования войсками НКВД СССР. Так, например, докладная записка с сообщением "О взятии повстанцами 29 июля 1945 г. г. Дурбульджина в Синьцзяне" была направлена на имя Берии, а от него поступила к Сталину за подписью исполняющего обязанности начальника войск НКВД генерала Стаханова¹⁸. Этот факт может говорить только о том, что войска НКВД имели непосредственное отношение к проведению указанной операции. Подобные сообщения были достаточно часты. Есть документальные свидетельства и того, что успехи армии ВТР обеспечивались действиями советской авиации¹⁹.

Формально все мероприятия правительства СССР, направленные на оказание помощи повстанцам, предпринимались в ответ на просьбу председателя правительства ВТР Алихана-тюре "о поддержке Советским Союзом народов Восточного Туркестана"²⁰, которую он изложил в своём письме, направленном советскому правительству в мае 1945 г. Однако обстоятельства, приведённые выше, а также явная противозаконность действий, предпринимаемых советской стороной, имеющей с Китаем дипломатические отношения, всё равно бы не позволили дезавуировать письмо и просьбу Алихана-тюре даже в случае серьёзных осложнений с китайским правительством.

Следует отметить, что помощь Советского Союза и его руководства повстанцам Синьцзяна не ограничивалась поставкой оружия, снаряжения и посылкой нескольких тысяч инструкторов.

В это же время население восставших округов начало пользоваться постоянной, достаточно серьёзной, материальной поддержкой со стороны своего северного соседа. В необходимых случаях помощь оказывалась продовольствием, горючим и промышленными товарами в ответ на просьбы администрации округов. Кроме того, с момента начала восстания отряды повстанцев, а затем подразделения национальной армии ВТР переходили на территорию Советского Союза, в частности в сопредельные области Казахстана. Такие отходы на советскую территорию предпринимались не только под ударами превосходящих сил правительственных войск, но и для отдыха, лечения и перегруппировки сил.

Чаще всего переходы повстанческих отрядов, основная часть которых состояла из казахов-кочевников, совершались целыми родами вместе с семьями и скотом. Явление это было настолько массовое, что для работы с откочёвщиками (так назывались эти отряды в советских партийных и государственных документах. — В.Б.) ЦК КП(б) Казахстана создал даже специальную бригаду²¹. В бригаду ЦК входили "агитаторы-беседчики, медицинские и ветеринарные работники, артисты, кинемеханики"²².

В отчёте этой бригады о работе с откочёвщиками в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области её руководитель ответорганизатор ЦК КП(б) Казахстана А. Карагулов сообщал 24 мая 1945 года: “Концертной группой бригады дано 12 концертов... на коих присутствовало 2850 человек. Кроме того, дали 5 концертов по сокращённой программе для узкого круга – батырам и бойцам повстанческого отряда, авторитетам откочёвщиков, семье известного деятеля казахов Шарин-хана (Шарин-хан один из руководителей повстанческого движения в Алтайском округе Синьцзяна. – В.Б.) и его брата Заки-хана... Открытие каждого концерта сопровождалось вступительной речью руководителя бригады”²³.

Далее А. Карагулов сообщает, что “в Зайсанском районе откочёвщики дали ряд крупных ценных подарков. Например, Курмангали-батыр от имени батыров повстанческого отряда во главе с Аринбай-батыром преподнёс в подарок 250 м мануфактуры, 2 ящика конфет, 2 ящика спирта и 2 ящика папирос “Казбек”. Брат Шарин-хана Заки-хан подарил белую жамбу (слиток серебра в 7 фунтов. – В.Б.), белый халат, белую лошадь и белоголового верблюда. Были и другие подарки скотом, бархатным халатом с золотыми нашивками. Отказаться от получения этих подарков бригада никак не могла, ибо это явилось бы оскорблением и грубым нарушением народных обычаев казахов. Поэтому мы их условно приняли и тут же полностью внесли в фонд Народно-освободительной армии казахов-повстанцев Дзимунайского района (Дзимунайский уезд входил в Алтайский округ и граничил с территорией Казахской ССР. – В.Б.)”²⁴.

Интересным представляется тот факт, что члены бригады ЦК КП(б) Казахстана были поражены бедностью и забитостью основной массы откочёвщиков даже на фоне крайне бедственного, в условиях войны с фашистской Германией, положения собственного населения. В докладной руководителя бригады, в частности, сообщается, что “медработники в составе 4-х человек работали с утра до самого вечера... из заболеваний встречаются в большом количестве: кожные (чесотка – 100%), парша, стригущий лишай и другие. Очень распространены венерические заболевания – сифилис половой и бытовой в разных стадиях (40-50%) и гонорея как хроническая, так и в острой стадии (75%). В связи с хронической формой гонореи замечается большой процент бесплодных браков. Трахома, поголовная завшивлённость. Оспопрививание проводят сами, своими силами. Провести профилактические прививки не представляется возможным, на эти мероприятия они не соглашаются. Надо отметить, что в случае вспышки инфекционных заболеваний среди откочёвщиков они представляют большую угрозу как в смысле быстрого распространения, так и в смысле ликвидации очага”²⁵.

Попытки местных властей активизировать работу по медицинскому обслуживанию откочёвщиков и ветеринарии принадлежащего им скота не удалось, так как вскоре откочёвщики ушли вслед за отрядами повстанцев “в Дзимунайский район, освобождённый от китайцев и контролируемый повстанцами”²⁶.

Следует ещё раз подчеркнуть, что, судя по архивным данным, эпизоды, подобные приведённому выше, были повсеместным явлением в приграничных областях Казахстана, а также отчасти Узбекистана и Киргизии. В целом же расходы приграничных с Синьцзяном Советских Среднеазиатских республик в связи с активной помощью Советского Союза Восточно-Туркестанской Республике были так велики, что, например, председатель Совета Министров Узбекской ССР Абдурахманов, учитывая опыт 1945 г., обратился в марте 1946 г. к руководителю МВД Берию с просьбой поддержать его ходатайство перед министерством финансов СССР “о возможности включения в бюджет Узбекской ССР на 1946 год 5 миллионов рублей на расходы по мероприятиям в Синьцзяне”²⁷. Тот факт, что Совет министров Узбекистана получил поддержку своей просьбы у Берию, говорил о намерении советского руководства продолжать оказание помощи повстанцам²⁸.

Таким образом, сегодня с определённой уверенностью можно сказать, что успехи повстанческого движения в трёх северных округах Синьцзяна в 1944 – 1945 годах были во многом определены активной и всесторонней помощью со стороны Советского Союза.

Для руководства Синьцзяна уже с первых дней восстания не составляло тайны то, что в развернувшихся на севере провинции событиях активную роль играл Советский Союз. Если китайская сторона что-либо и не знала, так это, пожалуй, только реальную степень вовлечённости советской стороны в эти события.

Американский консул в Урумчи Уорд в специальном докладе госсекретарю США писал по этому поводу: “Каждый китаец, с которым приходилось общаться консульству с начала восстания, искренне убеждён, что в нём принимает участие СССР. Во время моего первого звонка генералу Чжу Шаолиню, он категорически заявил, что восстание было инициировано Советским Союзом. Оно началось в квартале белых русских (“Белыми русскими” в Синьцзяне продолжали называть солдат и офицеров бывшей армии Колчака. К моменту рассматриваемых событий многие из них получили советское подданство. – В.Б.) в Ичине (китайское название города Кульджа. – В.Б.) в день Красной Армии 7-го ноября”²⁹.

Генерал утверждал, что группа белых русских, которая начала восстание, была завербована советским консульством. По словам генерала,

руководил группой... Полинов, бывший русский советник генерала Шен Шицая, которого опознали двое заключённых (в ходе восстания повстанцы захватили тюрьму и выпустили из неё около 2000 заключённых. – В.Б.). Настоящая же база восстания, по утверждению генерала Чжу Шаолина, была на русской границе в городе Хоргос.... Из России восставшие получали помощь и припасы. Чтобы доказать этот спорный пункт, он предъявил 20-мм противотанковый и зенитный снаряды, а также 5 винтовочных патронов 25-го калибра. Во время второго и последующих диалогов генерал развил эти обвинения. Он утверждал, что ночью можно было видеть отблески света фар грузовиков... везущих свою помощь восставшим”.

Далее консул приводит доказательства участия в восстании советской стороны, которые ему предоставил специальный представитель Центрального правительства в Синьцзяне – Ву. В качестве доказательства Ву предъявил консулу советский паспорт, “взятый на теле убитого командира группы повстанцев, штурмовавшей полицейский участок в Ичине...”, а также приглашение на празднование дня Красной Армии в советском консульстве, куда были приглашены 300 белых русских. Ву утверждал, что “это были те самые 300, которые в ранние часы следующего утра вышли вооружёнными до зубов на захват Инина”³⁰. Консул сообщал также, что “эти доказательства были отправлены вместе с полным докладом генералиссимусу”³¹.

Следует, однако, отметить, что, излагая в своём докладе точку зрения китайских официальных лиц на роль Советского Союза в развернувшихся в Синьцзяне событиях и перечисляя все доказательства и свидетельства, которыми китайцы аргументировали свои заявления, сам Уорд достаточно скептически оценивал надёжность и бесспорность этих доказательств и свидетельств.

В том же докладе он, считая необходимым высказать своё мнение руководству, писал: «1. Двойное гражданство не может служить доказательством обвинения...; 2. Китайцы сами долго утверждали, что человека могут заставить сказать что угодно под достаточно суровыми пытками; 3. Существует 2 города с названием Хоргос, один китайский и один русский, в полукилометре друг от друга. Советское правительство не может контролировать, что происходит в Хоргосе... рядом с Инином; 4. Если имеется амуниция, изготовленная в Советском Союзе, доказывает ли это советское соучастие в восстании. Если это так, тогда можно с равной справедливостью сказать, что США последние 40 лет были заняты подавлением революций на всём Западном полушарии и до сих пор оказывают покровительство Японии... 6. Судя по приглашению (на праздник в советское консульство. – В.Б.), можно предполо-

жить, что это оригинал, однако до сих пор больше нет ни одной копии. Как же могли другие 299, так называемых гостей, попасть на вечеринку?"³¹

Можно только догадываться о том, какими соображениями руководствовался американский консул, посылая своему начальству информацию с выводами, которые ставили под серьёзное сомнение официальную точку зрения китайской стороны. Возможно, это было добросовестное заблуждение и неготовность поверить в то, что Советский Союз способен на столь противозаконные, с точки зрения международного права, действия. По крайней мере, в краткой информации, предшествующей указанному докладу, Уорд писал: "Китайцы уверены, что восстание – это советская провокация. Однако непохоже, чтобы русские пошли на это в ситуации, в которой они, в конце концов, могут найти простой способ воздержаться от подобной акции и избежать обвинений. У них есть все основания заявить, что восстание является протестом против многих лет дурного управления со стороны китайцев"³².

Несколько позже, в другом докладе, Уорд, возвращаясь к своим сомнениям относительно роли русских в организации восстания, вновь подчёркивал: "очень неправдоподобно, что восстание вдохновлялось Советами. ...Ситуация в провинции такая, что всё, что советскому правительству нужно делать – это продолжать воздерживаться от любых действий в полной уверенности, что со временем, учитывая упорство в патологической неспособности смотреть фактам в лицо, китайцы исчерпают их мандат на управление Синьцзяном. Предпринимать что-либо – значит оправдывать интервенцию китайцев в Синьцзяне и ослаблять советские позиции. Для китайцев мысль о том, что во всём виноваты русские – психологическая необходимость. Китай истерзан и испытывает глубокие страдания, и было бы уж слишком признать, что часть этих страданий – его собственная вина"³³.

С другой стороны, нельзя исключать и того, что Уорд осознанно уходил от принятия доказательств китайской стороны, пытаясь проводить в жизнь линию американской дипломатии, направленную на всемерное улучшение советско-китайских отношений. Поддержка обвинений, выдвигаемых китайцами против Советского Союза, даже на неофициальном уровне, могла в тех обстоятельствах ещё более осложнить ситуацию. Как бы то ни было, американские дипломаты в 1944 – 1945 гг. не поднимали вопрос о вмешательстве Советского Союза в синьцзянские события. В то же время уровень советско-китайских отношений в период до июля 1945 года исключал возможность поиска компромисса в отношении Синьцзяна, тем более что по-настоящему серьёзными доказательствами участия советской стороны в "Революции трёх округов" китайцы всё-таки не обладали.

Нет сомнений в том, что активно поддерживаемые советской стороной успешные наступательные действия, предпринятые Национальной армией ВТР весной и летом 1945 года, могли уже к зиме привести к самым негативным для провинциального правительства последствиям. Достаточно ярким свидетельством тому может служить факт, что войсками только одного Центрального фронта и при взятии только двух городов: Шихо и Дзиньхо – было захвачено в плен свыше 4 тыс. гоминьдановских солдат и офицеров, 19 станковых пулемётов, 18 миномётов, 15 орудий, 1800 винтовок, 2 танка, 1 самолёт, 332 авиабомбы, 68 ящиков мин, 4 радиопередатчика, а также много другого имущества³⁴.

Между тем победы армии ВТР были в этот момент повсеместными, и на всех фронтах крупные сражения чаще всего заканчивались с аналогичными результатами. 15 сентября, например, были захвачены нефтепромыслы Тушанцзы, что позволило повстанцам в значительной мере обеспечить свои нужды в горючем. В этот период Национальная армия ВТР насчитывала более 20000 солдат и командиров, кроме того, более 10 тысяч повстанцев воевали в партизанских отрядах различных районов провинции, причём численность и армии и партизан постоянно росла³⁵.

О критическом положении китайских властей говорит хотя бы тот факт, что с лета 1945 г. правительство Синьцзяна, не надеясь более на возможности своей армии, начало предпринимать самые неординарные меры для приостановки наступления повстанцев, в том числе покушения на руководителей Восточно-Туркестанской Республики и попытки подкупить солдат и командиров армии ВТР.

Так, в докладе Главного советского военного советника при Национальной армии, отправленного на имя Берии от 25 августа 1945 г., в частности, сообщалось, что “11 августа с. г. в городе Джимпань самолёт китайцев на бреющем полёте разбросал листовки с обращением к повстанцам всех национальностей. В листовках призывают повстанцев переходить на сторону китайцев. Каждому перешедшему солдату обещают выплачивать 10 тысяч долларов (синьцзянских. – В.Б.), командирам взводов - 50 тысяч, командирам рот - 100 тысяч”³⁶.

Попытки подкупить солдат и офицеров Национальной армии ВТР, осознавших, что они могут добиться полной победы над противником и освободить свою родину от колонизаторов, были обречены на провал. Более того, успехи повстанцев стимулировали активизацию революционного движения даже в тех районах провинции, которые прежде не отличались антиханьскими настроениями. В частях и подразделениях гоминьдановской армии царили пораженческие настроения, а китайские чиновники и просто состоятельные китайцы, проживавшие на террито-

рии провинции, начали отправлять свои семьи в глубь Китая. Индийский дипломат, путешественник и исследователь Шивашанкара Менон, совершавший в это время путешествие из Индии в Советский Союз и оказавшийся в Урумчи, писал: "Здесь в воздухе разлито нервное возбуждение. ... Люди боятся, что ... взбунтуются казахи, как они это сделали в Или. Подобное опасение проявляется самым различным образом. Нань Гуань, или Южное предместье, где мы поселились, становится всё более пустынным"³⁷.

Таким образом становится вполне очевидным, что организационная, материально-техническая и инструкторская помощь, оказанная Советским Союзом повстанческому движению коренных народов Синьцзяна, являлась попыткой вернуть утерянное влияние в провинции. При этом основная задача, выдвигаемая советским руководством, в качестве собственной конечной цели, обеспечивалась движением, идеология которого соответствовала политическим доктринам социалистического государства. В то же время характер этого движения, понятный мировой общественности и вызывавший симпатии даже у американских дипломатов, служил вполне достаточным прикрытием для мероприятий советского руководства, которые не соответствовали нормам международного права.

Однако, казалось неминуемое, падение китайской власти в провинции так и не состоялось в связи с существенными изменениями в советско-китайских отношениях в конце лета 1945 г.³⁸

¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1944. V. VI, China. United States Government Printing Office Washington. 1967. P. 814 – 815.

² Ibid.

³ Op. cit. P. 816.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 66. Л. 116.

⁵ Цит. по: *Benson L.* The Ili Rebellion. P. 200 – 205.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401 (Особая папка Л.П. Берии). Оп. 2. Д. 149. Л. 167 – 176.

⁷ АВП РФ. Ф. Референтура по Китаю. Оп. 32-а. П. 299. Д. 11. Л. 1 – 18.

⁸ Там же. Д. 9. Л. 10 – 11.

⁹ Там же. Оп. 32. П. 237. Д. 14. Л. 14.

¹⁰ Там же. Оп. 32-а. П. 299. Д. 11. Л. 17.

¹¹ Там же. Оп. 35. П. 237. Д. 14. Л. 1 – 13; Оп. 32-а. П. 299. Д. 9. Л. 9 – 11.

¹² Док.: Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 96. Л. 197 – 198 // "Особая папка" И.В. Сталина. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944 – 1953 гг. Каталог документов Архива новейшей истории России. М., 1994. Т. I.

¹³ Док.: Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 144. Л. 383 // "Особая папка" Л.П. Берии. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946 – 1949 гг. Каталог документов Архива новейшей истории России. М., 1996. Т. IV.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 68. Л. 242-245; Там же. Д. 99. Л. 157 – 158.

¹⁵ Док.: Ф. 9401 с. Оп. 2. Д. 104, 300-303 // "Особая папка" В.М. Молотова. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР. 1944 – 1953 гг. Каталог документов Архива новейшей истории России. М., 1994. Т. II.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9401 с. ("Особая папка" Молотова). Оп. 2. Д. 104. Л. 116.

¹⁷ Галенович Ю.М. "Белые пятна" и "болевы точки" в истории советско-китайских отношений". Т. I. С. 141.

¹⁸ Док.: Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 98. Л. 35-36 // "Особая папка" И.В. Сталина. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944 – 1953 гг.

¹⁹ Там же. Л. 398 – 399.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 96. Л. 197 – 198.

²¹ АП РК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 303. Л. 39.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 39 – 40.

²⁴ АП РК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 303. Л. 43.

²⁵ Там же. Л. 41.

²⁶ Там же. Л. 42.

²⁷ Док.: Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 146. Л. 57 – 65 // "Особая папка" Л.П. Берии. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946-1949 гг. Каталог документов Архива новейшей истории России. М., 1996. Т. IV.

²⁸ Там же.

²⁹ Так в тексте доклада. Ошибочное название праздника 7-го ноября днём Красной Армии встречается в тексте несколько раз.

³⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1944. V. VI, China. P. 818 – 819.

³¹ Op. cit.

³² Ibid.. P. 819.

³³ Ibid. P. 817 – 818.

³⁴ Ibid. P. 820.

³⁵ Азад Шарки Туркестан. 1945. 17 сент.

³⁶ Hasiotis A. Op. Cit. P. 142.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч ("Особая папка" И.В. Сталина). Оп. 2. Д. 98. Л. 207.

³⁸ Шивашанкара Менон. Древней тропкою. М., 1958. С. 179.

А.А. Носов

(Томский государственный университет)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

После прекращения в 1991 г. существования Советского Союза регион оказался в фокусе глобальной мировой политики. По оценкам специалистов, в нем переплелись интересы более 30 государств, в частности, таких крупных, как Россия, США, Япония, Китай, Великобритания, Турция и Иран. Причиной подобного обостренного внимания послужил ряд факторов.

Во-первых, с распадом СССР рухнула продержавшаяся семь десятилетий система, когда Каспий, по сути, являлся Советско-Иранским озером, чей правовой статус регламентировался соответствующими двусторонними договорами, а военный потенциал и влияние Союза служили надежной гарантией от вмешательства в регион внешних сил.

Во-вторых, по последним данным, полученным зарубежными исследователями, запасы каспийской нефти оказались в четыре раза выше, чем предполагалось в советское время, что позволяет их считать, если не равными, то не многим уступающими запасам Персидского залива.

В-третьих, обладая такими потенциальными запасами, но в большинстве своем, не имея средств для самостоятельной их разведки и разработки, новообразованные государства занялись активным привлечением иностранных инвесторов к своим нефтяным проектам, что обусловило глобализацию проблем региона и появление в нем таких акторов, как транснациональные корпорации и международные консорциумы.

Камнем преткновения в успешном развитии сотрудничества зарубежных стран с государствами каспийского бассейна стала правовая неурегулированность статуса водоема. С первых же дней и суверенные республики, и привлекаемые ими иностранные инвесторы выразили серьезную обеспокоенность по поводу проблемы правового режима Каспийского моря и, соответственно, правового режима разработок углеводородных запасов на его шельфе. Возникла потребность определить, кто и в каких объемах имеет право претендовать на богатство каспийских недр. По данному вопросу обозначились коренные разногласия, не устраненные и по сей день.

Подписав в 1992 г. “Декларацию о правопреемстве в отношении международных договоров, представляющих общий интерес”, государства-правопреемники оказались связанными сложившимися на Каспии принципами взаимоотношений СССР и Ирана, основанных на комплексе соответствующих договоров. Правовой режим моря, определенный данными международно-правовыми актами, по вполне понятным причинам не устраивал ряд прикаспийских государств, уже успевших приступить к осуществлению своих “контрактов века”. По этому наиболее жаркие дискуссии разгорелись именно вокруг вопроса: можно ли расценивать исчезновение субъекта международного договора, конкретно Советского Союза, в качестве коренного изменения обстоятельств, т.е. в качестве признанного международным правом обстоятельства легитимного аннулирования соответствующего договора. Принципиальный смысл всех этих споров заключался в вопросе: следует ли развивать и приспосабливать к новым обстоятельствам уже имеющийся правовой режим водоема, если договоры сохраняют силу; либо же если все предыдущие договоры недействительны, то, соответственно, следует объединить усилия всех прикаспийских государств в разработке нового статуса устроившего бы все непосредственно заинтересованные стороны. Ситуация усугубляется тем, что новые суверенные государства Каспийского бассейна предпочитали и предпочитают рассматривать данные вопросы в первую очередь через призму своих узконациональных интересов и лишь затем с позиций норм международного права и общеправовой практики.

Рассмотрим, как менялась и развивалась правовая база, регламентировавшая статус и режим Каспийского моря-озера.

Первым соглашением, определявшим статус Каспийского моря, явился Гюлестанский пакт, подписанный 12 октября 1813 г., вслед за поражением Ирана в войне с Россией. Согласно пятой статье данного документа Иран получил право сугубо коммерческого мореплавания, ему было полностью запрещено держать свои военные суда в каспийской акватории. Россия же по данному Пакту получала исключительные права на осуществление любой деятельности в регионе.

С началом второй российско-иранской войны положения Гюлестанского Пакта аннулировались, его сменил Туркманчайский мирный договор от 22 февраля 1828 г. В статье восьмой данного пакта особо оговаривалось, что российские и иранские коммерческие суда имеют равные права, “могут свободно плавать по Каспийскому морю и вдоль берегов оною, как равно и приставать к ним”¹. Касательно военных судов говорилось следующее: “как издревле одни военные суда под российским военным флагом могли иметь плавать на Каспийском море, то

по сей причине предоставляется и подтверждается им и ныне прежнее исключительное право, с тем, что, кроме России, никакая другая держава не может иметь на Каспийском море судов военных”²; таким образом договор вновь подтвердил доминирующую роль России на Каспии. Этим же договором устанавливалась граница между Россией и Ираном по реке Аракс.

Октябрьская революция 1917 г. в корне изменила действующий правовой статус Каспия. Все неравноправные договоры, трактаты и пакты, заключенные между царским правительством и Ираном, равно как и между третьей стороной и Россией, отменялись с ратификацией в феврале 1921 г. Советско-иранского соглашения “О дружбе и сотрудничестве”. Соглашение отменяло любые исключительные права России на северный Иран и Каспийское море. Статья 11 Договора гласила: “Обе стороны с момента подписания Договора получают право свободной навигации в водах Каспийского моря под собственным флагом”³. Статья 7 настоящего соглашения закрепляла за Россией право “требовать у иранского правительства отставки и высылки из страны лиц из третьих стран, находящихся на службе в иранских ВМС и занимающихся, по мнению российского правительства, враждебной нашей стране деятельностью”⁴. Интересы национальной безопасности, обороны и экономического суверенитета заставили обе стороны подписать “Договор о неприменении силы и нейтралитете”, дабы избежать вхождения одной из них в недружественную коалицию и создания реальной угрозы в территориальных водах одной из стран. В третьей статье данного соглашения оговаривалось, что “каждая из сторон ни частным образом, ни официальным не может входить в альянс или коалицию, направленную против континентального/морского иммунитета, независимости, целостности или суверенитета другой стороны”⁵. Кроме того, Иран согласился на протяжении 35 лет не нанимать на работу в порт Пехлеви неиранских граждан или лиц третьих стран уже, получивших иранское гражданство. Таким образом, данное Соглашение вместе с Договором от 1921 г. впервые ввело понятие равенства флагов на Каспии. Конкретные правила судоходства и морской торговли были определены в двусторонних договорах СССР и Ирана от августа 1935 г. и марта 1940 г. Статья 12 Соглашения о торговле и мореплавании закрепляла тот факт, что “торговые суда, плавающие под флагом одной из договаривающихся сторон в Каспии, будут трактоваться в портах другой Стороны на основаниях, равных во всех отношениях с национальными судами...”.

Кроме того, был оговорен еще ряд важных моментов: впервые были выделены 10-мильные морские зоны, в которых стороны имели исключительные права на рыболовство. Также подтверждалось, что на Каспии

могут находиться только суда под флагами СССР и Ирана. В последовавшем за подписанием договора обмене письмами между полномочными представителем СССР и иранским министром иностранных дел от 25 марта 1940 впервые официально было упомянуто, что море находится в совместном: советско-иранском владении (однако не было ни одного упоминания о границах или демаркационных линиях, разделявших морские просторы двух государств). На протяжении последующих десятилетий договор о морских границах так и не был заключен. В свете этого морское пространство было разграничено по линии, разделявшей ирано-советскую полетную зону, по соответствующему договору от 1964 г. "О воздушном пространстве"⁶. За демаркационную линию было принято направление, соединяющее сухопутные границы СССР и Ирана между населенным пунктом Астара (Азербайджанская ССР) и портом Госонкули (Туркменская ССР)⁷. В пользу того, что данная линия являлась государственной границей СССР и Ирана, свидетельствует тот факт, что именно она еще с 1934 г. была взята под охрану войсками НКВД, а иранские корабли должны были получать специальное разрешение, пересекая ее в направлении Север⁸.

Впоследствии между Ираном и Советским Союзом был заключен еще ряд рамочных соглашений, направленных на развитие сотрудничества. По мнению экспертов *Keihan Daily*, СССР в каспийской акватории обладал практически единоличным господством⁹. Его суда курсировали как между берегами Каспия, так и между его южными портами, хотя по договору от 1940 г. каботажом могли заниматься только суда национального флага¹⁰. Вообще, существует мнение, что Иран никогда не пользовался и частью тех прав, что давали ему договоры: лишь незначительная часть его флотилии присутствовала на Каспии, а станции по ее обслуживанию и ремонту находились целиком в российской монополии.

Условному разграничению подверглась и советская часть Каспийского моря. Так, в 1970 г. Миннефтепром СССР принял постановление, согласно которому советская часть Каспийской акватории была разделена, в соответствии со сложившейся мировой практикой, - по срединной линии, - между РСФСР, Казахской ССР, Туркменской ССР и Азербайджанской ССР. Все разведанные месторождения были распределены с учетом данного секторального раздела. А республикам передавался весь объем полномочий по ведению разработок в своих секторах. Следует сразу оговориться, что речь не идет об административном разделе советской части моря-озера, скорее, имел место только раздел полномочий/компетенций между союзными и республиканскими ведомствами. Деятельность, связанная с добычей углеводородов, была передана в ведение республиканских агентств.

Такова была до 1991 г. договорная база, определявшая взаимоотношения государств, связанные с использованием Каспийского моря.

С распадом Советского Союза в вопросе о статусе Каспия, как уже было отмечено, создалась крайне запутанная ситуация. Каждое из новых суверенных государств, основываясь на собственных эгоистических интересах, имело отличное от других видение данной проблемы и способов ее разрешения.

Первая попытка прийти к единому мнению была предпринята в Астрахани 15 октября 1993 г. на совещании премьер-министров России, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана. Стороны сошлись во мнении, что все вопросы, связанные с эксплуатацией и защитой ресурсов Каспия, необходимо решать сообща на межгосударственном уровне. Предполагалось создать Совет по экономическому взаимодействию стран каспийского региона, который, в частности, занимался бы контролем за добычей углеводородных ресурсов региона¹¹. Подвижки, наметившиеся после данного совещания были разрушены односторонними шагами Азербайджана и Казахстана по подписанию сепаратных соглашений с западными консорциумами о разработке нефте-газовых месторождений на Каспии. Подобные меры не могли не вызвать серьезного раздражения у Москвы так как значительно подрывали ее влияние и доминирующую роль в регионе. О чем и было заявлено. В начале, во время визита президента Казахстана в Москву, в марте 1994 г., затем в ноте протеста, направленной в британский МИД 28 апреля 1994 г. Оба раза Россия делала акцент на том, что считает каспийский водоем "единой экосистемой, находящейся в совместном пользовании всех прибрежных государств, а следовательно, сепаратные действия отдельных стран не допустимы и признаваться не будут"¹². Российский МИД также подчеркнул недопустимость разделения моря на национальные секторы, и в очередной раз потребовал решать все вопросы относительно использования каспийских ресурсов только совместно со всеми прибрежными государствами.

Для противодействия позиции России сформировалась коалиция: Азербайджан – Туркменистан – Казахстан, ратовавшая за скорейший раздел моря на принципах морского права в отношении обычных морей. Кроме того, для оказания давления на Москву заинтересованные государства стремились придать проблеме международный характер. Основная ставка, разумеется, была сделана на США.

19 июля 1994 г. Алма-Ата подготовила и передала на рассмотрение проект конвенции о правовом статусе Каспийского моря¹³, целиком основанный на положениях Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., то есть с выделением на Каспии внутренних, территориальных вод.

прилежащей и исключительной экономической зоны, открытого моря со всеми присущими ему свободами. В ответ на что Россия в очередной раз заявила, что правовой режим уже установлен комплексом советско-иранских договоров, а следовательно, проведение разработок и исследование недр Каспия возможно только с согласия всех стран-участниц "каспийского клуба". Москва обещала предпринять адекватные действия для того, чтобы заставить отдельные страны считаться с действующим статусом¹⁴.

11 октября 1994 г. открылась очередная конференция пяти прикаспийских стран, в ходе которой российская позиция кондоминиума для Каспийского моря нашла полную поддержку со стороны иранской делегации. Тем не менее конференция, вновь не достигнув единого решения, окончилась безрезультатно. Ряд стран, вдохновляемых их западными партнерами, поставили себе задачу подвести юридическое обоснование под необходимость изменения статуса Каспия¹⁵. В частности, были использованы следующие аргументы:

Российско-персидский и советско-иранский договоры в свете коренных изменений обстоятельств подлежат аннулированию;

Каспийское море, несомненно, попадает под действие Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г., так как последняя не содержит списка морей, на которые распространяется ее действие;

Положения Конвенции могут быть применены к данному водоему еще и потому, что он через речную систему Волга - Дон имеет сообщение с мировым океаном.

Россия была вынуждена неоднократно доказывать всю абсурдность подобных доводов. Директор правового департамента МИД РФ Ходаков так пояснял позицию России: "конвенции от 1921 и 1940 гг. установили для Каспия статус пространства общего пользования, это явствует из переписки специального посланника СССР в Тегеране и МИД Ирана от 25 марта 1940 г., в которой ясно говорится, что море является советско-иранским. Расширение же числа участников "каспийского клуба" вовсе не подразумевает изменение статуса морского пространства¹⁶. К тому же подписание 21 декабря 1991 г. алма-тинской декларации и в июле 1992 г. в Москве – меморандума "О правопреемстве в отношении договоров представляющих общий интерес" обязывает прикаспийские страны подчиняться статусу, установленному государством-предшественником. Все это говорит о том, что статус Каспия - пространство общего пользования и он может быть действительным до заключения иного соглашения всеми прибрежными странами¹⁷.

Сдвиг с мертвой точки наметился на совещании глав правовых департаментов МИД прикаспийских государств, прошедшем 26 – 27 сен-

тября 1995 г. Казахская сторона предложила второй вариант Конвенции по определению статуса Каспийского моря. На этот раз Алма-Ата предложила исходить из концепции моря-озера при определении статуса Каспия. В свете этого каждому государству предлагалось выделить территориальные воды и особую рыболовную зону, необходимо отдельно было произвести демаркацию морского дна, оставшуюся же водную толщу передать в совместное владение всем прибрежным государствам. Но и данный подход не нашел поддержки.

Серьезные изменения в 1996 г. претерпевает позиция Москвы. На встрече, прошедшей 12 ноября 1996 г. в Ашхабаде, министр иностранных дел Е. Примаков заявил, что Россия согласна на выделение каждому государству исключительной экономической зоны, а также признание ресурсной юрисдикции конкретного государства над залежами, находящимися за пределами указанной зоны, в случае соответствия их определенным критериям¹⁸. Главной дипломатической победой России в 1996 г. стало то, что она заручилась неожиданным союзником в лице Туркменистана. На сепаратном совещании министров иностранных дел России, Туркменистана и Ирана был подписан меморандум, в котором стороны соглашались: сотрудничать в освоении минеральных ресурсов Каспия, создать для этих целей совместную компанию, выделить территории в пределах 45 морских миль, в которых бы государства имели исключительные права на нефте- и газодобычу. Оставшуюся срединную часть следовало передать в общее пользование.

В начале 1998 г. происходит кардинальное изменение в каспийской политике России. Федеральное руководство заявило о своем намерении согласиться с позициями других каспийских государств- участников СНГ о разделе дна моря на национальные секторы по срединной линии; что отразилось в опубликованном в январе 1998 г. совместном заявлении Б. Ельцина и Н. Назарбаева, в котором говорилось, что в отношении правового статуса достижение консенсуса предстоит искать на условиях справедливого раздела дна Каспия с сохранением в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды¹⁸.

Результатом всей этой многолетней дипломатической борьбы явилось то, что в настоящий момент главные заинтересованные государства занимают в вопросе о статусе Каспия следующие позиции.

По мнению экспертов агентства новостей Reuter, стратегическая линия России в отношении Каспия строится под воздействием двух факторов: во-первых, стремления максимально обеспечить свои энергетические интересы, а во-вторых, желания сохранить уникальные биоресурсы моря²⁰. На практике это выглядит следующим образом: предлага-

ется от береговой кромки (линии наибольшего отлива) каждого государства выделить согласованной ширины зоны пограничного, санитарного и др. контроля. Помимо этого, от той же исходной линии должна быть выделена рыболовная зона шириной в 20 морских миль, в которой ловлей рыбы будут заниматься только суда соответствующего государства. Далее никаких границ по воде демаркировать не планируется. Объявляется свобода судоходства, унификация правил вылова рыбы, общность биологических ресурсов. Дно и недра разграничиваются между сопредельными либо противолежащими государствами. Разграничение будет производиться на основе международно признанных принципов, т.е. срединной линии (или ее модифицированного варианта с учетом рельефа местности). В пределах образованных таким разграничением участков дна или донных секторов прибрежные государства могут осуществлять суверенные права по разведке, разработке и управлению минеральными ресурсами дна и недр. Одной из главных заслуг такого подхода, по мнению некоторых обозревателей, является сохранение того режима хозяйственного использования водоема, который исторически сложился в течение последних 70 лет²¹.

Как уже было отмечено выше, в последние несколько лет позиции Казахстана и России в вопросе урегулирования правового статуса/режима Каспийского моря находят полное взаимопонимание и в большинстве своем совпадают. Астана подкрепляет свою позицию ссылками на исторические прецеденты. Так, в частности, Ерлан Идрисов, вице-министр иностранных дел Казахстана, в своем выступлении как-то отметил, что история свидетельствует: после распада империй существовавшие в них административные границы обычно признавались в качестве границ между новыми государствами. Так случилось с озером Виктория, которое было разделено на участки, относящиеся к Уганде, Танзании и Кении²². Образовавшиеся государства признали законность границ, установленных на озере, что было официально зарегистрировано в ООН. Каждая страна получила право на эксплуатацию природных ресурсов своего участка озера. В подтверждение своей позиции Казахстан приводит примеры с другими озерами: Чад, Альберта, Малави, а также морями Черным, Баренцевым и Балтийским, где был применен широко используемый в международной практике метод одинакового расстояния. МИД республики считает, что по данному вопросу новым независимым государствам СНГ, образовавшимся на берегах Каспия, не следует быть исключением из общемировых правил²³.

По заявлению заместителя министра иностранных дел Туркменистана Ерлана Кепбанова, официальная позиция Ашхабада основывается на том, что Туркменистан, до недавнего времени не возражавший про-

тив предложенной Россией и Ираном концепции кондоминиума, в свете последних шагов, предпринятых Казахстаном и Россией, был вынужден отказаться от нее, как от утратившей всякий смысл, в пользу секторального деления Каспия²⁴. В настоящее время Туркменистан выступает за деление моря путем проведения срединной и боковой (то есть продолжения сухопутной границы на воду) линии между противолежащими и прилежащими государствами, соответственно; внешние очертания которых будут являться государственной границей. В своем заявлении Кепбанов подчеркнул, что официальный Ашхабад не приемлет любые попытки двухуровневого подхода к определению статуса ... как дна Каспия и его недр, так и водной толщи.

Азербайджан, пожалуй, единственная страна, чьи позиции в вопросе о Каспии не претерпели с 1991 г. сколько-нибудь заметных изменений. Баку настаивал и продолжает настаивать, что Каспийское море, хотя соленое и очень большое, но все же озеро, а следовательно, раздел его между государствами должен происходить только по принципу национальных секторов: по линиям, соединяющим условную середину моря с концами сухопутных границ каждой страны.

Современная позиция Тегерана основывается на том, что Каспийское море - крупнейший замкнутый водоем, который должен иметь свой собственный юридический статус. Такой статус, по мнению МИД Ирана, уже был установлен прибрежными государствами: СССР и Ираном. Он не подчинялся международным конвенциям по морскому праву, поскольку данные документы особо оговаривают специальные режимы для водоемов и прибрежного пространства, чтобы большая часть моря, являющаяся общим достоянием, могла бы использоваться на основе равноправного кондоминиума. Таких оговорок ни российско-персидский, ни советско-иранский договор не содержит. Тем не менее иранский МИД выражает готовность, чтобы обеспечить путь к согласию, пойти на переговоры о правовом режиме, основанном на разделе моря по секторам. В качестве основы для такого деления Тегеран предлагает следующие критерии: принцип единогласия при принятии любых решений, только один режим для всего моря, обеспечение свободы судоходства, приоритетное внимание к мерам по охране окружающей среды.

Таковы официальные позиции министерств иностранных дел стран "каспийского клуба". Рассмотрим теперь, какие механизмы определения правового режима для подобных водоемов, предлагает международное право.

Вообще такого рода пространствам кодифицированное международное морское право уделяет не слишком много внимания. Главным

документом, содержащим основные принципы международного морского права, является Конвенция ООН по морскому праву от 1982 г. Данный документ содержит часть IX, озаглавленную как закрытые или полузакрытые моря. Часть IX содержит две статьи - 122 и 123, - которые не затрагивают вопросов ни правового статуса, ни механизмов размежевания таких водных поверхностей между сопредельными государствами. Статья 123 содержит лишь рекомендацию странам сотрудничать друг с другом в осуществлении своих прав и обязанностей по конвенции²⁵. Подобная неопределенность объясняется тем, что к тому моменту, когда морское право было подвергнуто кодификации, практически все закрытые моря, сопредельные реки и озера уже были разграничены на основе обычного морского права. По этой же причине за всю историю своего существования международный суд ни разу не рассматривал дела по оспариванию прав собственности на морскую территорию. Таким образом, единственным документальным вспомогательным средством, указывающим на существование нормы международного права по данному вопросу, является решение Рейхссуда Германии от 1920 г. по делу озера Констанца. Суд постановил, что озеро должно быть разделено по принципу равноудаленной линии, мотивировав свое решение обычным правом и многочисленными историческими примерами. На основании всего вышесказанного становится очевидным: при определении статуса Каспия следует апеллировать к нормам обычного права. Представляется также вполне юридически обоснованным, что каспийский водоем конвенцией от 1982 г. не охватывается. Это происходит потому, что Конвенция посвящена морям и океанам, а руководствуясь ее духом, понятие "море" неотъемлемо включает в себя такой признак, как свобода судоходства. У Каспия из-за позиций СССР и Ирана такой признак явно отсутствовал, что и не позволяет считать его морем. Эта мысль поддерживается многими юристами-международниками и, в частности, доктором юридических наук Московского центра Карнеги Ю. Барсеговым и профессором вашингтонского университета Б.М. Клаггетом²⁶.

Из истории международного права известно, что в подавляющем большинстве договоров, регламентировавших границы на внутренних морях и озерах, в качестве основы выбрали принцип срединной/равноудаленной линии для противолежащих сторон, если иное не было продиктовано историческими или прочими обстоятельствами²⁷. Р. Хайт в курсе лекций *Международное право*²⁸ приводит в качестве примера Великие Озера, лежащие между США и Канадой, которые были разграничены в соответствии с этим принципом еще в 1783 г. Так же демаркированы озера Женевское, Танганьика, Лугано и Матьер. Экс-

перты полагают, что когда спорная водная территория разделяет два противолежащих государства, только принцип равноудаленной линии может гарантировать честность, равенство и справедливость раздела. Существуют еще два традиционных способа делимитации водного пространства озера или закрытого моря, на случай если государства не противолежат, а прилежат друг к другу. Это - проведение линии перпендикулярной общему направлению береговой линии, либо же биссекция угла, образованного обеими береговыми линиями смежных государств. Тем не менее, отмечают специалисты, в случае, если спорящие стороны более противолежат, чем смежны, то применяется все же принцип равноудаленной линии. Сам же механизм делимитации выглядит следующим образом. Выбирается один из трех способов деления водного пространства (равноудаленная линия, биссекция или проведение перпендикуляра). Устанавливаются временные границы. Объединенный комитет (комиссия), международный суд подвергают временные границы исследованию на предмет равенства и пропорциональности между длиной береговой линии соответствующего государства и причитающейся ему в процентах части водного пространства. Если пропорции соблюдены (хотя бы приблизительно), то принцип равенства и справедливости считается приблизительно установленным. Следующий аспект, который подлежит тщательному изучению: история данного региона, которая может внести некоторые коррективы в форму пограничной линии. Кроме того, на ее форму могут повлиять залежи полезных ископаемых, традиционно принадлежащие определенному государству. Когда все нюансы учтены, заключается соглашение о постоянных границах. Так происходит делимитация внутренних морей и озер, основанная сугубо на нормах обычного морского права, историко-географических особенностях водоемов и общепринятая во всем мире. Все остальные варианты носят не столько правовой, сколько экономический или политический характер.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что проблема Каспия еще очень далека от разрешения, но несомненен тот факт, что за прошедшие пять лет позиции сторон в значительной степени сблизились. На нынешнем этапе все новообразованные государства каспийского бассейна (за исключением России) в разных формах, обставяя различными условиями, но предлагают одну и ту же концепцию деления: по национальным секторам, на основе принципа срединной или равноудаленной линии. Такое желание вполне понятно, оно полностью соответствует сложившейся общемировой практики, а также выгодно в экономическом плане. Оно позволяет более свободно привлекать иностранные инвестиции и капиталы, так как не требует согласования действий с другими прибрежными странами. Кроме того, этот вид раздела обеспечива-

ет большую свободу в выборе транспортных компаний для перевозки добытого углеводородного сырья и прокладки в пределах своего сектора подводных трубопроводов. Именно в силу данных причин западные нефтяные компании и правительство США оказывают значительное давление на Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, подталкивая их к принятию именно такого правового режима.

Вполне логична и позиция России. Первоначальная ее приверженность принципу совместного использования или владения объяснялась крайне просто. Недавно проведенные одной зарубежной компанией геологические изыскания показали, что в случае деления озера по национальным секторам Россия по объему потенциальных (извлекаемых) запасов каспийского углеводородного сырья окажется всего лишь третьей, пропустив вперед себя Казахстан и Азербайджан. К тому же с обретением республиками суверенных прав на свои национальные секторы, Россия бы утратила возможность влиять на направление и степень сотрудничества этих государств с западными партнерами в будущем. Статус пространства общего пользования, наоборот, подразумевает создание некоего межправительственного Совета, где бы Россия в полной мере могла бы реализовать свое влияние; но осознание неприемлемости таких условий для своих каспийских соседей, понимание того, что проблему Каспия надо как-то решать и желательно под руководством России, а не заинтересованных западных держав, заставило наше государство кардинально изменить свою каспийскую политику. Стремление сохранить регион в орбите своего влияния также заставляет Россию всеми возможными способами противодействовать делению водной толщи водоема, что сильно тормозит развитие сотрудничества ее соседей по Каспию с зарубежными партнерами.

В целом же аналитики предсказывают следующий сценарий развития событий: переговоры о статусе будут вестись еще очень долго и без заметного успеха, что будет вполне устраивать Москву, не слишком заинтересованную (в отличие от ее партнеров по СНГ) в ускоренном определении правового режима Каспийского моря. Неопределенность не только не налагает на Россию каких-либо обязательств, но и обеспечивает свободу дипломатического маневра и возможность участия в различных выгодных проектах, связанных с регионом. По мнению специалистов, Москва может только в одном случае проиграть свою дипломатическую борьбу, если США удастся полностью изолировать Россию от всех прибрежных каспийских государств, создав антироссийскую коалицию²⁹. Но в настоящий момент такой сценарий маловероятен.

¹ Хрестоматия по новой истории. 1815 – 1870. Т. 2. М., 1965. С. 492 – 493.

² Там же.

³ Behnaz Assadi-Kiya. A Glance at the Legal Status of the Caspian Sea // Kayhan: Evening Daily. 1995. 16. 05.

⁴ Ibid.

⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных между СССР и иностранными государствами. 1937 – 1941 гг. М., 1955. С. 68 – 72.

⁶ Там же

⁷ Behnaz-Assadi Kiya...

⁸ Гайсин Р. В поисках прецедентов // Информационная система Казахстан. Online. 1999. 06. 05. <http://www.carnegie.moscow.ru>.

⁹ Behnaz-Assadi Kiya...

¹⁰ Сборник действующих договоров... С. 68 – 72.

¹¹ Premiers Agree to set up Council for Cooperation in Caspian region. BBC Monitoring Service: Former USSR. Online 19.10.93. <http://www.bbcnews.go.com>.

¹² Reuter News Service. 31.05.94. <http://www.rns.com>.

¹³ Гиззатов В. Правовой статус Каспийского моря: кондоминиум или делимитизация // Казахстан и мировое сообщество. 1996. № 1. С. 46.

¹⁴ Независимая газета. Online. 03.11.94. <http://www.nezavisimaya.com>.

¹⁵ Alexandrov M. Russian – Kazakh Contradictions on the Caspian Sea // Caspian Cross-Road Magazine. 06.05.99. Vol. 3. № 5, <http://www.ourworld.compuserve.com>.

¹⁶ Khodakov A. The Legal Framework for Regional Cooperation in the Caspian Sea Region. Central Asian Quarterly. 1995. Vol. 2. № 3. P. 31 – 32.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Foreign Ministers Sign Communique. BBC Monitoring Service: former USSR. 14.11.96. <http://www.bbcnews.go.com>.

¹⁹ Прошин Ю. Одна, но пламенная страсть // Нефтегазовая вертикаль. 1999. № 2 – 3. <http://www.ngv.orc.ru/ngv/arch.html>.

²⁰ Reuter News Service. 01.09.98. <http://www.rns.com>.

²¹ Каспийский вопрос и интересы России. Внешняя Торговля. Online. 1998. № 7 – 9.

²² Прошин Ю. Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Конвенция ООН по морскому праву // Бюллетень международных договоров. № 1, 01.01.98. С. 46.

²⁶ Барсегов Ю. Статус Каспия: внутриконтинентальное море или межнациональное озеро. МКТ. 03.02.97. <http://www.transport.ru>.

²⁷ Международное право. М., 1996. С. 346.

²⁸ Hight R. Lectures on international Law (abstracts). New York, 1984. <http://www.carnegie.ru>.

²⁹ Alexandrov M. "Russian-Kazakh Contradictions..."

Е.Ю. Лицарева

(Томский государственный университет)

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В АЗИИ

Как показало исследование, на данный момент при разработке стратегии своего развития большинство томских предприятий исходят из главной задачи – выжить¹. После выживания второй задачей становится получение прибыли. Внешнеэкономическая деятельность предприятий, как считают специалисты, чтобы быть успешной и эффективной, должна базироваться на маркетинговой концепции управления этой деятельностью. Необходимо учитывать также, что маркетинг как самая важная функция бизнеса занимается поиском источников для финансирования развития. Мировая практика показывает, что любое предприятие, обладающее искусством маркетинга, имеет преимущества перед конкурентами, которые этого не понимают.

За исследуемый период стали неплатежеспособными или банкротами томские предприятия, где отсутствовала стратегия развития (в свое время – мясокомбинат, Томский завод резиновой обуви (ТЗРО)). При этом большинство предприятий г. Томска до сих пор недооценивают необходимость процесса предварительного исследования рынка. Без грамотного исследования рынка, производимого специальными службами, занимающимися анализом и прогнозами, невозможно успешное функционирование томских предприятий как на внутреннем, так и на внешнем рынках, будь то ближнее или дальнее зарубежье. Без знания ситуации в стране или регионе вряд ли возможны плодотворные контакты и правильное определение внешнеэкономических ориентиров. Следует учитывать и приоритеты во внешнеэкономической ориентации России, в целом, и особенности Сибирского региона, что во многом зависит от международной экономической ситуации, как это показали события осени 1997 – августа 1998 гг.

До недавнего времени основными импортерами в Томскую область являлись европейские страны, на которые падало больше половины объема поставок. Вместе с тем продолжали развиваться связи со странами АТР – Китаем, Вьетнамом, Австралией.

При анализе маркетинговых и сбытовых стратегий томских предприятий выделились следующие рыночные сегменты (по географическому принципу). В пищевой промышленности – Томск, Томская область, Сибирь (“Томскмясо”, “Хлебулк”, “Маслосырзавод”, “Томскрыба”, ЗПП “Томский”, “Томскпиво”, “Томские мельницы”, “Дрожжзавод”, кондитерская фабрика “Красная звезда”). Кроме сибирского региона, томские предприятия отправляли продукцию на Дальний Восток и в страны ближнего зарубежья (Казахстан). В легкой промышленности – Томск, Томская область, Сибирь (Завод резиновой обуви, Трикотажная фабрика, Швейная фабрика “Весна”). Продукция завода резиновой обуви, помимо Томска и Сибири, поставлялась в Казахстан, Узбекистан, во Вьетнам и Афганистан. В тяжелой промышленности – Томск, Томская область, Россия, Ближнее и Дальнее Зарубежье (“Сибкабель”, ТЭМЗ, ТЭЛЗ, “Ролтом”, “Манотомь”, “Сибэлектромотор”, химфармзавод и др.). Завод “Сибкабель”, завод измерительной аппаратуры прямых поставок за рубеж до 1996 г. не осуществляли, электромеханический завод (ТЭМЗ) в страны дальнего зарубежья поставлял не более 2 % произведенной продукции. Электроламповый завод (ТЭЛЗ) осуществлял поставки в Германию, Монголию, Австрию, Польшу. “Сибэлектромотор” – в Италию, Грецию, Германию, Монголию, Сирию, Гонконг, Тайвань. Манометровый завод – в Монголию, Китай, страны Восточной Европы. “Ролтом” – в страны Юго-Восточной Азии, Тайвань, Китай, Италию, Германию, Францию, Англию, Бразилию, Аргентину. Химфармзавод – в Томск, Томскую область, европейскую часть России, ближнее и дальнее зарубежье.

В силу недостаточной информации о потенциальных клиентах и о состоянии рынка, как внутреннего, так и внешнего, предприятия, как правило, вели поиск клиентов и партнеров бессистемно. Особенно это относится к дальнему зарубежью. Во многих случаях продукция создавалась без выявления нужд потребителей. Для продвижения продукции на рынок применялся дорогостоящий пробный маркетинг. Основными источниками информации о потребителях, из-за отсутствия системы анализа существующих и потенциальных клиентов, стали личные контакты, субъективные выводы. Исследованиями потребителей занимались Химфармзавод, “Ролтом” и ТЭЛЗ. Чаще всего не проводились исследования наличия конкурентов, что приводило к необъективной оценке предприятием своего положения на рынке.

Ряд предприятий выход из кризиса видели в кредитных вливаниях на льготных условиях. По расчетам таких предприятий, спрос на их продукцию превышал предложение, а для увеличения предложения не хватало оборотных средств.

Международные эксперты считают, что это – одна из главных проблем и российских, и томских производственных предприятий. Но основой будущего процветания России станут все же широчайшие внутренние резервы – людские, интеллектуальные, материальные. В то же время, при сегодняшнем положении российской экономики – кризисе производства, ограниченности собственных инвестиционных ресурсов для структурной перестройки – роль внешнего фактора развития значительно усилится. Акцент на мобилизацию внутренних резервов при этом не должен снижать значимости общемировых тенденций и изучения зарубежного опыта.

Как показывают исследования, Западной Сибири следует активнее включаться в экономическое сотрудничество со странами Азии, используя свой научно-технический потенциал, имеющиеся высококвалифицированные кадры строителей, нефтяников, газовиков, геологоразведочных организаций. С конца 80-х – начала 90-х гг. центр мировой экономической жизни перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Мировая экономика въезжает в “азиатский век”. За последние годы ВВП АТР превысил ВВП всех европейских стран и к 2000 г. будет равняться американскому (приблизительно 6 трл. дол.). На данный момент АТР обладает 2/3 мировых запасов нефти и олова, здесь длительное время наблюдалась наивысшая норма прибыли на вложенный капитал. 40% всего мирового объема торговли приходится на этот регион. Выход продукции томских предприятий на Азиатский регион в целом должен дать Томску свою нишу в регионе, подключить его к процессам экономической интеграции в Азии и разрешить ряд проблем, а также помочь выйти из сложной экономической ситуации, охватившей ключевые отрасли хозяйства России².

Анализируя общую направленность инвестиционной политики западного и японского капитала в последние годы, эксперты отмечали особо пристальное внимание к подготовке квалифицированных кадров как наиболее благоприятной сфере своей деятельности в России. Сибири следует более активно подключаться к этому процессу. Тем более, что у сибирского региона уже имеются аналогичные проекты с западными странами. В силу региональной близости, традиционных экономических и культурных связей с азиатскими странами совместные усилия сибирского региона и государств Азии в этом направлении должны дать положительные результаты обеим сторонам. В апреле 1994 г. в Дели было подписано соглашение между ассоциацией “Российский дом международного научно-технического сотрудничества” и Центром передачи технологий при экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) о создании информационного ка-

нала технологического трансфера и поиска партнеров для делового сотрудничества. Цель – продвижение российских технологий от программного обеспечения до систем водоочистки. При этом наблюдалась ориентация на поиск деловых партнеров, способных вложить средства в создание совместных предприятий по выпуску и реализации на мировом рынке высокотехнологичных изделий. В 1994 г. Россия приступила к строительству в Индии сервисного центра для самолетов серии МИГ, состоящих на вооружении индийских ВВС. Этот объект стал первым подобным объектом в стране, услугами которого могли пользоваться государства Юго-Восточной Азии, которые имели на вооружении самолеты МИГ. Индия в исследуемый период оставалась перспективным и емким рынком для поставок комплектного оборудования и специмущества. Сотрудничество на коммерческих условиях по комплектным объектам сводилось к модернизации металлургических заводов в Дургапуре и Руркеле, бурению разведочных и эксплуатационных скважин нефти и газа и техническому содействию и эксплуатации ранее построенных объектов, поставке запчастей.

Специально созданная комиссия по научно-технологическому сотрудничеству между Россией и Вьетнамом занималась реализацией совместных программ по внедрению новых технологий в сфере информатики, биотехнологии, сельхознауки. Необходимо учитывать также, что в последнее время во Вьетнаме возрос спрос на качественные офисы и жилье, так как там обосновываются все больше зарубежных предпринимателей. Российские строители могли бы помочь СРВ в этом отношении. СРВ нужны были также специалисты для монтажа, наладки и пуска энергоагрегатов. Между Россией и Турцией существует договоренность о привлечении геологоразведочных организаций к поиску нефти и газа в Мраморном море. Нефтяные компании Турции заинтересованы были также приобрести нефтяное российское оборудование для работ. Совместное сотрудничество помогло бы и нашим геологоразведочным организациям, переживающим сложный период.

В ходе исследования отчетливо прослеживалось мнение специалистов в отношении Китая как реального источника снабжения продовольствием и товарами народного потребления России и прежде всего районов Сибири и Дальнего Востока. Потенциально Китай рассматривался как источник инвестиций для развития этих же регионов. Отмечалось также, что это самый емкий на ближайшие годы внешний рынок сбыта продукции российского машиностроения. Для Китая Россия стратегически важный источник необходимых сырьевых ресурсов (в первую очередь энергетических) и передовых научно-технических разработок. Потребности национальных экономик и экономической интеграции в

АТР нацеливали наши страны на осуществление ряда крупных взаимовыгодных проектов, реализация которых была бы возможна при активном участии и взаимной политической поддержке обеих сторон (поставка углеводородного сырья из России через Китай в Японию и Южную Корею, Туманганский проект, создание трансконтинентального транспортного моста из Юго-Восточной Азии в Европу и на Ближний Восток).

Монгольские специалисты считают, что в России сфера бизнеса развивается быстрее в центре, а в Монголии - и в центре и в регионах. Формирование капитала и товаров за данный период шло быстрее в России. В целом, как полагают монгольские эксперты, Россия имеет очень перспективный регион для развития бизнеса в лице Сибири, которая для Монголии является важным рынком, в то же время не совсем пока на должном уровне оцененным другими азиатскими странами. В Монголии продолжается строительство, к которому привлечены российские специалисты. Это Улан-Баторский железнодорожный узел, столичная ТЭЦ-3, линии электропередачи с подстанциями, тепловые сети, объекты жилищно-коммунального хозяйства. Монголии нужны российские специалисты для разведки, добычи и переработки нефти на территории Монголии, российские геологи - для изысканий новых месторождений минеральных ресурсов. В мае 1998 г. в Монголии функционировало свыше 150 монголо-российских предприятий. В итоге около 30 % иностранных инвестиций в монгольскую экономику принадлежали России. Вместе с тем инвестиционная активность РФ в республике из-за отсутствия кредитов не наблюдалась. Центробанк РФ отказался открыть свой филиал в Улан-Баторе. Коммерческие банки не знают денежный рынок Монголии и возможности банковских гарантий. Сыграл свою роль и финансовый кризис в Азии осенью 1997 г.³

При анализе развития стран ближнего зарубежья и внешнеэкономической деятельности этих государств выделяются следующие основные тенденции за исследуемый период. Новым суверенным государствам, лишившимся финансовой и материальной помощи со стороны России, пришлось опираться на собственные силы и искать поддержки у других стран за рубежом. Становлению среднеазиатских республик в качестве самостоятельных государств помогли их многолетнее развитие в составе СССР, большой опыт, накопленный за годы советской власти в системе государственного политического и хозяйственного управления, а также подготовленные высококвалифицированные кадры специалистов в различных областях. В меньшей мере бывшие республики обладали практикой внешнеэкономической и торгово-экономической деятельности. Для выхода на международную арену требовались дипломатическое признание и поддержка мирового сообщества⁴.

В мировой системе координат Казахстан и Узбекистан принадлежат к низшей группе среднедоходных государств (ВВП на душу населения Казахстана составляет около 975 дол., Узбекистана – 442 дол.). Кыргызстан относится к наименее развитым странам с низким уровнем дохода на душу населения (ВВП на душу населения – 322 дол.).

В бывшем СССР Центральная Азия была одним из крупнейших поставщиков фруктов, бахчевых, овощей, а через кооперативную торговлю – продуктов животноводства. С распадом СССР частный сектор потерял рынок России (с его более чем 2,4 тыс. колхозных “базаров”), традиционным поставщиком на который был советский юг, при этом были дезорганизованы и межреспубликанский рынок, и негосударственная торговля сельскохозяйственной продукцией

Россия в целом заинтересована в экономическом сотрудничестве с данными странами. Но такое взаимодействие в последние годы приходилось начинать практически с нуля. В силу изменившихся относительных ценовых пропорций, а также значительной удаленности и длины транспортного плеча от развитых российских центров до Центральной Азии (объективный фактор, который не имел никакого значения в советской экономике, но критически важен для экономики рыночной), основная масса унаследованных от прошлого экономических связей России неэффективна и обременительна, как считают московские эксперты. Выход – налаживание исключительно рыночных связей и повышение роли регионов, географически близко расположенных к данным странам.

За последние годы произошло дробление созданной ранее региональной инфраструктуры и переподчинение ее республикам. Особенно отрицательно это сказывается на негосударственном производстве. Появляются многочисленные барьеры на пути товаров из республики в республику, многократно возрастает стоимость перевозок.

В 1997 г. товарооборот Казахстана составил 10,6 млрд. дол., в том числе экспорт – около 6,4 млрд., импорт – около 4,2 млрд. дол. За этот год экспорт увеличился на 5 %, импорт – на 1 %. В целом экспорт в страны СНГ сократился на 10 %, импорт из стран СНГ – на 22 %. Доля России во внешнеторговом обороте Казахстана уменьшилась с 49,5 % в 1996 г. до 35,5 % в 1997 г. Тем не менее Россия сохраняет первое место в торговле Казахстана. Вслед за ней идут Нидерланды, Германия, Китай, Узбекистан и Украина. Сохраняется сырьевая направленность казахстанского экспорта: возросли объемы вывоза топлива, драгоценных металлов, руды, цинка, в то время как снизился экспорт продукции машиностроения, химической, легкой и пищевой промышленности. Топливо, минеральное сырье, нефть и нефтепродукты, газ и электроэнергия

остаются также важной статьей импорта, однако ее объем за январь-август 1997 г. по сравнению с аналогичным периодом 1996 г. сократился в 2 раза. Основными статьями импорта являются оборудование, электрические приборы, средства наземного транспорта, изделия из черных металлов.

Основой существования национальной экономики для центрально-азиатских государств остается внешняя торговля. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан включены в международные торговые потоки в качестве поставщиков минерального и сельскохозяйственного сырья, в также простейшей готовой продукции с низкой степенью переработки. В более отдаленной перспективе Казахстан рассчитывает превратиться в экспортера углеводородов мирового значения, Кыргызстан – стать крупным производителем драгоценных металлов, а Узбекистан – диверсифицировать национальную экономику за счет сбалансированного развития сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности. При этом эксперты отмечают, что традиционные макроэкономические индикаторы продемонстрируют положительные темпы роста прежде всего в Узбекистане⁵.

¹ Исследование проводилось отделом маркетинга фирмы “Томаудит”. При этом использовались следующие методы: анкетирование руководителей, начальников внешнеэкономических отделов, коммерческих директоров предприятий; анализ периодических изданий, официальных отчетов и статистических материалов.

² По материалам Азия-куррьер, ЭКО-ТАСС, Компас за 1994 – 1997 гг.

³ Яскина Г. Российско-монгольские отношения: реальность и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 36 – 37.

⁴ Песков Ю. Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии – членами СНГ // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 51 – 52.

⁵ Абазов Р. Дезинтеграция экономики Центральной Азии в постсоветский период // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 99, 101 – 104; Жуков С. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан в социально-экономических структурах современного мира // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 49 – 50, 57 – 59; Ионова Е. Казахстан: тенденция к стабилизации? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 136 – 140.

М.А. Циренжапова
(Томский государственный университет)

ПОСТРОЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С НУЛЯ: НА ПРИМЕРЕ БУРЯТИИ. 1991 – 1999 ГГ.

Сегодня процесс реформирования нашего общества закономерно сопровождается децентрализацией управления, переносом центра тяжести в решении многих вопросов с общегосударственного на региональный уровень.

Прямые международные отношения между территориально-административными частями различных государств стали нормальным явлением международной жизни не только в федеративных, но и в унитарных государствах, регионы которых участвуют в международных отношениях в рамках государственной внешней политики.

Принятие новой Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. закрепило федеративное устройство России и право субъектов федерации на осуществление международных и внешнеэкономических связей. Данной Конституцией было введено новое понятие: внешние связи субъектов Федерации. Несомненно, за 6 лет российские регионы многое успели совершить на новом для себя международном поприще, хотя есть ещё проблемы в сфере международных отношений, которые необходимо решать.

Так, субъекты Федерации освоили всё разнообразие форм международной деятельности, среди которых можно выделить основные: международные договоры субъекта Федерации; представительства субъектов Федерации за рубежом; участие в деятельности международных организаций; официальные визиты; неофициальные мероприятия; опосредованная форма деятельности; внешнеэкономическая деятельность.

Наиболее важной формой международной деятельности субъектов Федерации являются их договоры, которые имеют большое значение для реализации их экономического, культурного, научного потенциала. Так, уже на первое полугодие 1995 г. Бурятия заключила 52 соглашения и протокола намерений. С каждым годом их число растёт. Последним договором стало соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об экономическом и приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия (РБ) и Монголией от 25 февраля 1999 г.¹

Имеются типовые соглашения в качестве рекомендации для субъектов РФ, разработанные Департаментами МИД РФ, но они являются своего рода формой выражения намерений сторон, так как основные обязанности сторон формулируются следующим образом: “будут способствовать”, “будут осуществлять сотрудничество в следующих областях”, “будут стремиться содействовать”, “будут развивать сотрудничество” и т.д.² Таким образом, это договоренности, в рамках которых в дальнейшем отдельные акции согласуются самостоятельно, а какие-либо конкретные права и обязанности не предусматриваются.

В целях же повышения эффективности международных соглашений субъектов РФ необходимо учитывать: договоры субъектов РФ в едином реестре или в единой компьютерной базе; дальнейшее совершенствование работы МИД РФ и внешнеэкономических министерств (ведомств) субъектов РФ по типовым соглашениям; целесообразность заключения договоров для улучшения социально-экономического состояния региона.

Ввиду того, что до недавнего времени не было региональной потребности в специалистах, обладающих специальными знаниями в экономике и праве, необходимо подготовить кадры, компетентные в этих областях.

В отличие от членов других федераций, субъекты РФ не имеют пока развитой сети зарубежных представительств. К примеру, Бурятия имеет свои представительства в Казахстане, на Украине и в Монголии. Основными функциями представительств являются развитие всевозможных связей субъекта федерации с иностранным партнером, содействие созданию совместных предприятий, выставок, проведению Дней культуры, фестивалей, установлению прямых связей между предприятиями, учреждениями культуры, спорта, просвещения субъекта федерации и страны пребывания, содействие и помощь в заключении и реализации контрактов, договоров, осуществление деятельности по привлечению инвестиций государства пребывания, содействие и помощь участникам внешних связей по вопросам правового, методического, информационного характера, содействие разработке предложений по развитию торгово-экономических отношений и информирование субъекта РФ по этим вопросам, проведение переговоров с партнерами в странах пребывания по вопросам сотрудничества³.

Существует два способа регулирования деятельности представительств за рубежом: разработка типовых положений или принятие отдельных положений относительно конкретных представительств. Оба способа одинаково приемлемы.

Можно сказать, что деятельность представительств субъектов федерации за рубежом сегодня в определенной степени регламентирована.

Тем не менее существуют проблемы, связанные с активностью иностранных партнеров. Они либо очень осторожно, либо вообще отрицательно относятся к идее открытия на их территории представительств российских регионов.

Субъекты федерации имеют также право участвовать в деятельности международных организаций. В Конституции Республики Бурятия это право закреплено в гл.1 ст.13 п. 2, где сказано: "В пределах своего ведения РБ осуществляет представительство в международных делах, устанавливает торговые и иные отношения с иностранными государствами, заключает международные договоры, участвует в международных организациях и объединениях"⁴. В рамках своих полномочий Бурятия сотрудничает с такими международными организациями, как ЮНЕСКО, МБРР, ЕБРР, АзБР и Еврокомиссия (через представительство в Москве). В феврале 1995 г. РБ впервые посетила делегация Еврокомиссии, в состав которой входили председатели Представительства Комиссии ЕС в Москве, Координационного бюро ТАСИС при Министерстве экономики России и эксперты Комиссии ЕС в Брюсселе. Делегацией руководил посол, глава московского представительства господин Майкл Эмерсон. В ходе визита состоялось пленарное совещание с участием членов Правительства РБ. Итогом визита стали "Байкальские проекты ТАСИС (РФ: оз. Байкал)", а также открытие энергоцентра ЕС в Республике⁵.

Главная проблема в данном случае – расхождение мнений среди ученых насчет того, стоит ли наделять субъекты федерации подобными полномочиями? Здесь следует напомнить, что деятельность международных неправительственных организаций получила широкое распространение в мировой практике. Подобного рода деятельность способствует повышению эффективности деятельности международных правительственных организаций, позволяет создать благоприятные условия для торгово-экономического сотрудничества, решения вопросов здравоохранения, охраны окружающей среды и т.д.

Еще одна форма международных связей субъектов федерации – официальные визиты. Такие визиты могут сопровождаться заключением соглашений о сотрудничестве, а могут носить ознакомительный характер. В настоящее время субъекты РФ принимают как представителей органов государственной власти иностранных административно-территориальных единиц, так и послов иностранных государств, представителей международных организаций, представителей органов государственной власти иностранных государств. В свою очередь, представители субъектов РФ достаточно часто ездят за рубеж с официальными визитами. Бурятия в данном случае не является исключением. На при-

мере республики можно легко проследить тенденцию роста подобных связей. Если за период 1994 – 1997 гг. Бурятию посетили более 23 иностранных делегаций, прибывших на правительственном уровне, то только за 1998 г. таких делегаций было 20. В основном это дипломатические сотрудники зарубежных посольств и консульств, аккредитованных на территории России. Среди них диппредставители Японии, Великобритании, Польши, Индии, Таиланда, Чили и другие. В августе 1999 г. впервые состоялся визит в Улан-Удэ премьер-министра Малайзии Махатхира бин Махамада, так называемый прием на высоком уровне, который был организован Представительством МИДа в г. Улан-Удэ и Министерством экономики и внешних связей РБ⁶.

Конечно, правила дипломатического протокола несколько отличаются от подобной процедуры на уровне глав правительств, но они обязательны. Правила процедуры меняются, и необходимо повысить эффективность таких мероприятий, одновременно не сильно обременяя ими бюджет субъекта федерации. В целях эффективности поездки за рубеж должны носить не просто ознакомительный характер, а преследовать цель поиска партнеров, причем обоснование таких визитов должно быть сделано заранее. Необходимо обеспечивать делегацию компетентными переводчиками и специалистами по данному иностранному государству, региону.

Большая международная активность субъектов федерации, а также строгость официального международного общения обуславливают широко использовать неофициальные формы международных связей: различного рода конференции, семинары, неофициальные поездки, деятельность международных неправительственных организаций и т.д.

Так, делегация РБ принимала участие в работе Конференции руководителей регионов Северо-Восточной Азии, которая проходила в сентябре 1996 г. в Корее. Чуть позже президент РБ участвовал в российско-китайском форуме “Россия – Китай: региональное сотрудничество”⁷. Имеются большие перспективы в расширении контактов с зарубежными партнерами. Подобные контакты должны носить перспективный, долгосрочный характер и должны быть способны перерасти в формы международного общения более высокого уровня (заключение международных договоров, открытие представительств, официальные визиты).

Есть еще и форма опосредованного участия субъекта федерации в международных связях. Она наиболее распространена за рубежом. Это включение представителей субъектов федерации в состав общенациональных делегаций на переговорах по заключению договоров и для участия в работе международных организаций и конференций. К примеру, в 1997 г. в июне президент Бурятии Л.В. Потапов в составе российской

делегации посетил КНР. По результатам поездки президент РБ направил для рассмотрения инвестиционные проекты в Межправительственную комиссию по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНР⁸.

Цель такого представительства не в том, чтобы разделить полномочия в принятии решений или предоставить субъектам право выступать от имени всей федерации, а в том, чтобы обеспечить субъектам возможность знать о происходящих в мире событиях и быть в состоянии представить федеральному правительству свою точку зрения.

И, наконец, самая емкая и одна из наиболее осваиваемых форм международного сотрудничества – внешнеэкономическая деятельность субъектов РФ. Прогрессивное развитие данной отрасли РБ доказывает это. Внешнеэкономические связи республики географически широки. Партнерами являются 50 стран, постоянными среди которых являются Китай (48 % всего внешнеторгового оборота) и Монголия (24 %). На 1998 г. внешнеторговый оборот республики составил 111 млн. \$ США, в том числе экспорт- 70,5 млн. \$ США, импорт-40,5 млн. \$ США, а за январь-апрель 1999 г. - 42,95 млн. \$ США против 39,94 млн. \$ в соответствующем периоде 1998 г. Экспорт в соответствующем периоде 1998 г. увеличился на 68,2 %.

Валютные поступления от экспорта товаров уполномоченных банков, расположенных на территории республики, по отношению к 1997 г. увеличились на 30 % и составили 36 млн. \$ США. В 1998 г. почти в 2 раза сократилось поступление в республику валютной выручки за товары, поставленные на экспорт (1,68 млн. \$ США в 1998 г. против 3,63 млн. \$ в 1997 г.).

В области ВЭД наметилась тенденция к увеличению экспорта промышленной продукции, выпускаемой предприятиями республики, в том числе кондитерских и макаронных изделий, товаров народного потребления, хотя по-прежнему основными статьями экспорта остаются лесопроductия и изделия из нее (11,9 % экспорта), целлюлоза (6,3 %), кожсырьё (6,2 %), изделия из черного металла (3,2 %) и другое сырьё.

Импорт из КНР составил 6,4 млн. долларов на первое полугодие 1998 г. Он представлен в основном продовольственными товарами, где до 90 % стоимости занимают овощи и фрукты, а также товары народного потребления.

Наибольшее количество предприятий с иностранными инвестициями создано с КНР (52,6 % инвестиций, или 5 млн. дол.), но из 56 зарегистрированных предприятий с участием китайских инвестиций действует 20, а объем произведенной ими продукции, оказанных работ и услуг со-

ставил 5,5 млн. руб. в 1998 г., что на 29,1 % больше по сравнению с предыдущим годом⁹.

Т а б л и ц а 1

Производственная направленность вложения китайского капитала (1998 г.)

Сфера вложения капитала	Тыс. долларов	% к итогу
1. Производство товаров народного потребления	3464,19	69,6
2. Торговля, общепит, посредничество	822,08	16,5
3. Услуги	536,01	10,8

Таким образом, с того момента, как РБ получила право ВЭД, она не только сохранила, но и увеличила объем ВЭС со своим традиционным партнером Китаем. Масштабы взаимной торговли увеличились более чем в 2 раза, расширилась структура экспортно-импортных операций. Наряду с внешней торговлей появились другие формы экономического сотрудничества, а именно совместные предприятия в сфере услуг, торговли, посредничества, общепита.

Подводя итог анализу практики участия субъекта федерации во внешних связях на примере Республики Бурятия, можно сделать вывод, что подключение субъектов РФ к международным отношениям становится все более обычным явлением, но они еще не подключены полностью к системе международных отношений, в силу чего следует ожидать развития практики участия субъекта федерации в международной деятельности.

¹ Делопроизводство Комитета ВЭС Министерства экономики и внешних связей РБ.

² Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ. – М.: ДСПО МИД РФ, 1999. 516 с.

³ Информация о внешнеэкономической деятельности РБ в 1998 г. Министерства экономики и внешних связей РБ.

⁴ Конституция РБ. Улан-Удэ, 1994. Гл. 3. Ст. 63. С. 26.

⁵ Сотрудничество с международными организациями (1994 – 1997 гг.) // Министерство экономики и внешних связей РБ, текущее делопроизводство.

⁶ Отчет Комитета ВЭС Министерства экономики и внешних связей РБ по итогам визита в РБ премьер-министра Малайзии от 27.08.99 г.

⁷ Сотрудничество с международными организациями (1994 – 1997 гг.) // Министерство экономики и внешних связей РБ, текущее делопроизводство.

⁸ Информация о ВЭД РБ с КНР (1998 – 1999) // Министерство экономики и внешних связей РБ, текущее делопроизводство.

⁹ Постановление Правительства РБ № 184 от 21.05.99 об итогах внешнеэкономической и международной деятельности за 1998 г. и мерах по повышению эффективности ВЭД республики в 1999 г. С.2.

А.В. Петренко

(Томский государственный университет)

"РУССКИЙ ВОПРОС" В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

В последнее время "русский вопрос" в Казахстане, учитывая его большую значимость для взаимоотношений России и ее степного южного соседа привлекает к себе огромное внимание как российских, так и казахстанских ученых, публицистов, отечественных и зарубежных исследовательских центров. Наиболее интересным и важным аспектом при рассмотрении данной проблемы является, на мой взгляд, вопрос о политике казахского государства в лице национальной казахской элиты по отношению к русскоязычному населению: о причинах, обоснованиях и возможных последствиях данной политики. Для этого в статье, предлагаемой вашему вниманию, были поставлены следующие задачи:

1. Дать краткий очерк истории формирования русской общины в Казахстане;
2. Проанализировать этническую политику казахстанского руководства и дать ей соответствующую характеристику;
3. Рассмотреть влияние "русского вопроса" на общественно-политическую жизнь республики и рассказать о борьбе русских за свои законные права.

При написании работы был использованы: Конституция Республики Казахстан, официальные правительственные документы, межправительственные соглашения, материалы аналитических центров Президента и Кабинета министров Республики Казахстан, официальные статистические данные, исследования казахстанских демографов и социологов, с одной стороны, данные опросов общественного мнения, многочисленные отклики российской и зарубежной общественности, специалистов, с другой.

В истории Казахстана миграции, учитывая географическое положение и кочевой образ жизни народов, населявших его, сыграли колоссальную роль. Миграции русских начались примерно с середины XVIII

века, но первая стадия массового переселения относится к 90-м годам XIX века, когда на строительство железной дороги начали приезжать рабочие и инженеры; за ними последовали крестьяне-переселенцы. К 1917 г. удельный вес русских в Казахстане вырос до 20%, украинцев - до 10%¹. Революция и Гражданская война приостановили этот процесс, но после победы советской власти в республике он возобновился, и к 1926 г. численность русских возросла до 1,3 млн. человек, что составляло 21 % населения.²

Вторая стадия массовой миграции (1930 – 1940-е гг.) была обусловлена индустриализацией и коллективизацией, а также массовыми депортациями корейцев, курдов, чеченцев, месхетинских турков, немцев, поляков и многих других народов, включая переселенцев из оккупированных районов.

Третий, самый мощный и значимый поток переселенцев связан с освоением целины и приходится на 1950-е гг. Таким образом, в период между переписями 1939 и 1979 гг. русские стали самым многочисленным этносом Казахстана, а вместе с украинцами и белорусами – абсолютным большинством населения. Численность русских возросла за 1897 – 1979 гг. на 5,5 млн. человек (в 13,2 раза)³.

Для адекватного восприятия ситуации следует отметить, что, кроме многочисленной миграционной составляющей русскоязычного населения, переселившегося в Казахстан в XIX – XX вв., на территории республики всегда проживали и проживают русские, которых никак нельзя рассматривать в качестве пришлого населения – они поселились на территории нынешнего Казахстана еще до прихода в регионы их проживания казахских племен. Здесь, прежде всего, имеются в виду исконно русские территории северных, западных и восточных областей Казахстана. Следует вспомнить, что декретом ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 г. и ВЦИК от 14 января 1924 г., в состав Киргизской республики, которая 19 февраля 1925 г. была переименована в Казахскую ССР, а в 1936 г. в Казахскую ССР, включались русские районы Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Уральской и Омской областей, а также часть Астраханской губернии. Именно в этой связи в северной части Казахстана преобладает русское и русскоязычное население.

В 1979 г. в Казахстане проживало 14,68 млн. человек, причем славянское население составляло преобладающее большинство – 48 %, удельный вес казахов составлял 36 %, немцев – 6,3 %, остальные национальности (уйгуры, татары, корейцы, узбеки, дунгане и другие) – 9,4 %. Сегодня в Казахстане проживает более 100 национальностей. По официальным данным, в 1996г. в Казахстане проживало 7,9 млн. казахов (48 %), 5,6 млн. русских (34 %), 0.8 млн. украинцев (5 %)⁴.

Процесс русско-казахского сближения, а затем и последующего присоединения Казахстана к Российской империи был длительным и сложным. По преимуществу мирный, он тем не менее сопровождался порой насилием и неоправданной жестокостью. Процесс этот не только повлиял на демографическую ситуацию в Казахстане, но также на культурный и лингвистический аспекты жизни казахов. Русские слова в большом количестве вошли в казахский язык, русский стал языком государственных институтов, образования, науки, армии. Большая часть казахов забыла свой родной язык и стала русскоязычной. Тем не менее большинство казахов признают тот факт, что именно быстрое распространение русского языка способствовало подъему образовательного уровня и развитию культуры, духовному обогащению казахского этноса. Коллективизация нанесла тяжелый удар по кочевому населению и обрекла значительную часть крестьянства на страдания и голодную смерть. Насильственный перевод на оседлость и массовые репрессии при И.В. Сталине унесли 1750 тыс. жизней и привели к эмиграции в Китай, Афганистан и Турцию (616 тыс. человек). В результате число казахов сократилось с 4120 тыс. до 2862 тыс. человек⁵.

Казахстанский исследователь Б. Аяганов пишет следующее: “У казахов нет антирусских настроений, русофобии, не отвергается ими необходимость знания русского языка и понимания русской культуры. Не забывают они и о том, что во многом благодаря русским людям и России Казахстаном достигнуты значительные успехи. Протест вызывала... политика руссификации, которая практиковалась прежде⁶.”

Независимость Казахстана принесла важные изменения в жизнь всего европейского населения республики. Хотя самые важные политические посты принадлежали казахам, вторые посты при них обычно занимали русские. В промышленности в большинстве городов преобладало европейское население. Лидеры независимого Казахстана начали процесс “казахизации”: на ключевых административных и экономических постах русские были заменены казахами, был взят курс на создание этнократического государства, “государства для казахов”.

Многие аналитики (в частности, А. Гушер – руководитель Центра стратегического развития, г. Москва), рассматривая экономическую политику казахского руководства, сходятся во мнении, что президент и государственный аппарат, отражающие интересы казахской элиты, не могли допустить неконтролируемые процессы приватизации, прежде всего в сфере промышленного производства в момент появления зарождающейся национальной буржуазии. Доля русского населения в этой сфере высока, а позиции казахов всегда были чрезвычайно слабы – лишь 20 %. “Свободная приватизация” означала бы, условно говоря, за-

рождение прежде всего “русской буржуазии”, что, несомненно, отразилось бы на позициях казахской элиты⁷. Авторы изданного в Алматы в 1994 г. сборника “Межнациональные отношения в Казахстане: этнические аспекты кадровой политики” (подготовлен Институтом развития Казахстана) напрямую призывают к осторожности в политике передачи массовой собственности в руки трудовых коллективов, ибо в промышленности русских больше, чем казахов, в 2,3 раза, в информационно-вычислительном обслуживании и строительстве в 2 раза, в жилищно-коммунальном хозяйстве в 1,9 раза, в бытовом обслуживании, управлении и сфере материально-технического снабжения в 1,6 раза⁸. Этот пример иллюстрирует этнократический характер политики казахстанского руководства, которая направлена на консолидацию казахского этноса.

С весны 1994 г. особенно четко просматривается официальная линия руководства страны, направленная на полную этнократизацию режима, вытеснение русских из сфер государственного управления, культуры, идеологии. Центром стратегического развития приводятся данные о динамике роста удельного веса казахов в высших эшелонах управления в республике: в 1985 г. – 50 %, в 1994 г. – 75 %. В настоящее время доля казахов возросла в еще большей степени. В руководстве областей, где казахи составляют явное меньшинство, они преобладают во властных структурах. Объективно в настоящий момент во всех важнейших сферах жизни общества – на ключевых постах в госаппарате, парламенте, судах, прокуратуре, госбезопасности, таможне, налоговых службах, банковских структурах казахи составляют свыше 80 %. При этом рабочие заводов, шахтеры, механизаторы, мелкие чиновники, рядовые врачи, учителя – преимущественно представители русскоязычного населения. Президент Республики Казахстан – высшее лицо государства неоднократно высказывал шовинистическую идею “соединения казахского ума и русских рук” как залог возрождения страны⁹.

Сфера образования также может рассматриваться в качестве примера дискриминации. Постоянно сокращается количество часов преподавания русского языка в школах, число школ с русским языком обучения, количество студентов нетитульной национальности. К примеру, в Караганде, где доля казахов в населении в 1994 г. составляла 18 – 20 %, число студентов-казахов составляло 85 %. В Джамбуле (сейчас Тараз), в гидромелиоративно-строительном институте 90 % казахов и только 10 % “некоренных”. В 1993 г. в Кокшетауской области проживало 30 % казахов, однако в вузы было принято лишь 266 русских из 858 студентов¹⁰.

Казахстанские ученые, проанализировав ситуацию, пришли к выводу, что подобная ситуация отражает результаты этнодемографического

развития страны. На самом же деле речь идет о предвосхищении, а не о результатах этого развития. Демографы А. Галиев и М. Татиев предсказывают, что эмиграция русских и высокий уровень рождаемости среди казахов изменят этническую структуру населения Казахстана. Этой их уверенности не разделяют многие российские, западные и даже казахстанские аналитики, предсказывающие обострение межэтнических отношений. До сих пор относительное равновесие объяснялось равенством сил соперников. Нарушение равновесия, как предвидит М. Аренов – директор аналитико-информационного центра казахстанского парламента, подорвет социальный мир. Уже сейчас наблюдается постоянное соперничество русских и казахов в социальной сфере, науке, культуре, администрации и бизнесе, но пока равновесие между ними сохраняется¹¹.

Пакистанский исследователь Азмат Хаят Хан – директор Центра по изучению Центральной Азии Пешаварского университета обеспокоен высокой степенью вероятности этнических конфликтов в ближайшие десятилетия, прежде всего в Киргизии и Казахстане, где титульные нации не составляют абсолютного большинства населения. Он считает, что в Казахстане этнократический характер власти начал складываться в 60 – 80-е гг. Русские постепенно вытесняются из высших органов власти, а позднее, в независимой республике этот процесс ускорился и на высшем, и на областном уровне. Он пишет: “Сохранение господствующего положения казахов и контроль за перераспределением собственности (“этноприватизация”) неизбежно требуют всё более авторитарного государства”. Хаят Хан считает, что любые попытки разрешить конфликт не казахским населением насильственными методами представляются нереалистичными¹².

Ему вторит норвежский учёный П. Колсто, профессор из университета Осло, который считает, что в отличие от Запада, где сложились “нации-государства” и, следовательно, понятия “национальность и государство” взаимозаменяемы, в СССР “национальность” понималась как “этничность”. Перед вновь образовавшимися государствами стоит задача создать “титульную нацию” и “нацию” в западном понимании этого термина таким образом, чтобы “все население могло идентифицировать себя с государством и быть лояльным по отношению к нему”. Для успешного решения этой задачи необходима интеграция нацменьшинств с сохранением ими своей культуры или полное культурное слияние с титульной нацией¹³.

Находясь в бесправном положении у себя в стране, русскоязычное население выставляет требований ряд законных правительству, которые направлены на предотвращение ущемления прав этого большинства. По

мнению русских, необходимо, прежде всего, признать полиэтничность республики не на словах, а на деле, равно как и учитывать интересы всех без исключения этносов, а не отдавать предпочтение лишь казахскому, придать русскому языку статус государственного, ввести пропорциональные представительства в законодательных и исполнительных органах власти, проводить свободную от национализма кадровую политику, уравнивать все этносы в правах на получение высшего и среднего образования, ввести институт двойного гражданства и ряд других.

В Казахстане существует ряд организаций, движений, занимающихся защитой законных прав русского населения. Наиболее значительное из них Движение "Лад", Казачество и Русская община Казахстана. Движение "Лад" было создано в 1992 г., насчитывает около 30000 членов, имеет региональные организации в 17 областях. Основное направление деятельности – сфера межнациональных отношений. Находясь под пристальным вниманием властей и сильным давлением, движение тем не менее стремится защитить и сохранить самобытность культуры, языка и духовного наследия славян Казахстана.

Казачество представлено несколькими организациями разной численности, степени политизации и активности. За свою деятельность казачество постоянно подвергается преследованиям властей. Официальные структуры пока отказываются от серьезного диалога с казаками; противодействие сторон порой принимает достаточно жесткие формы и временами выходит на грань конфликта (ноябрь и декабрь 1994 г., осень 1996 г., весна 1997 г.).

Русская община Казахстана - единственная русская организация, допущенная в Ассамблею народов Казахстана. Движение "Лад", Русская община Казахстана и казачьи организации предпринимают усилия для координации действий и создания единого оппозиционного фронта. Однако их попытки наталкиваются на сильное противодействие властей.

Государство не внемлет требованиям русского населения, что побуждает его к эмиграции. Вопрос о причинах массового исхода русских представляется для многих исследователей весьма спорным. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии в Россию началась ещё в 70-е гг. XX в. По мнению российских авторов, эти первые потоки уже тогда имели этнополитический характер. В центральноазиатской же трактовке в основе лежат экономические факторы. Как считает немецкий исследователь У. Хальбах, в начале 90-х гг. определяющим мотивом миграции русскоязычных из Казахстана был страх перед межэтническими конфликтами, затем на первый план выдвинулись этническая дискриминация, языковой барьер и другие факторы. Слабая интеграция

русскоязычных в местное общество и культуру, как считает Хальбах, порождает чувство отчуждения. Провозглашение языков титульных наций государственными стало важным мотивом эмиграции русскоязычных; дискриминация на рынке труда, уменьшение представительства русскоязычных в исполнительных и законодательных органах власти¹⁴.

Казахстанский социолог А. Куандыков обеспокоен экономической миграцией, "утечкой мозгов", ухудшением трудового потенциала республики¹⁵. По мнению Б. Аяганова, русские в большей степени, чем казахи, обеспокоены межнациональной, экономической, социальной и политической нестабильностью¹⁶. Известный казахстанский политолог Н. Масанов считает русских достаточно гибким и пластичным населением. Они готовы пойти на то, что их будут дискриминировать в политической сфере, но это только в том случае, если экономическое развитие будет идти нормально. Если же состояние экономики с каждым днем ухудшается, население терпеть не будет. Экономические проблемы обостряют политические. Миграция, по мнению Н. Масанов, – это только первая форма выражения своего недовольства. Следующие шаги будут более жесткими. Он не исключает автономизации северных и восточных районов и даже геополитического разлома Казахстана и отхода этих территорий к России¹⁷.

Анализ политики национальной элиты и текущего положения русскоязычного населения показал, что руководство страны выбрало конфронтационный путь решения проблемы. Политический вес русских далеко не соответствует их численности, образовательному уровню и экономической роли. Русские в современном Казахстане слабы, так как не образуют общности, по настоящему сплоченной изнутри. Они социально разобщены, не имеют опыта совместной борьбы за свои права и интересы. Но экономически русские еще достаточно сильны, так как занимают важные для независимой республики позиции в промышленности, энергетике, науке, обороне – от них зависит жизнеспособность страны. Верхушка коренного населения это прекрасно понимает, хотя и проводит антирусскую по своему характеру политику. Это рождает у русскоязычного населения чувство незащищенности и дискриминации.

Дальнейшее пребывание в республике русских будет зависеть от того, как будет решена проблема их безопасности - и политической, и культурной, и физической. Перед ними открыты четыре пути: либо раствориться в казахском населении (ассимилироваться), что на практике осуществить весьма сложно, учитывая языковой барьер, а также более высокий культурный и образовательный уровень русских и их численность; либо уехать (как поступает пока большая часть недовольных своим положением), но этот вариант также неприемлем по причине

большой их численности. Россия не может их принять, а Казахстан не может позволить им уехать. Следующий вариант таков: либо русские обретут территориальную автономию (самый крайний случай – отсоединение от Казахстана и присоединение к России ряда преимущественно русскоязычных северных, восточных и западных регионов); но этот вариант неприемлем как для Казахстана, так и для России. Последний вариант – включение русских в местное общество при сохранении ими этнокультурной самобытности и соблюдении прав русской общины – представляется наиболее оптимальным. Казахская элита, однако, продолжает следовать избранной ею пагубной политике в отношении “русского вопроса” и заставляет страну с неразрешенной проблемой вступить в XXI век.

¹ *Lipovsky I.* The Russian problem in Central Asia // *Orient*. Hamburg, 1995.-Jg. 36. H. 3. P. 506.

² *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917 – 1980). Алма-Ата, 1981. С. 47.

³ Там же. С. 190.

⁴ *Аяганов Б., Куандыков А., Баймагамбетов С.* Этнополитическая ситуация в Казахстане: региональный опыт // *Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность*. Алма-Ата, 1995. № 4/5. С. 3.

⁵ *Kendirbayeva G.* Migrations in Kazakhstan: past and present // *Nationalities Papers*. N.Y., 1997. Vol. 25. № 4. P. 743.

⁶ *Аяганов Б.* Тенденции и динамика изменений национального состава Казахстана // *Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность*. Алматы, 1995. № 9/10. С. 15.

⁷ *Гушер А.* В трясине национализма // *Азия и Африка сегодня*. 1998. № 6. С. 14.

⁸ *Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики* / Галиев А.Б. и др. Алма-Ата, 1994. С. 25.

⁹ *Гушер А.* В трясине... С. 14.

¹⁰ *Малаш Л.* Русские в Казахстане стоят в очереди на выезд // *Megapolis-Express*, М., 1994. № 5 (2 февр.). С. 11.

¹¹ *Kolsto P.* Anticipating demographic superiority: Kazakh thinking on integration and nation-building // *Europe – Asia studies*. –Glasgow, 1998. Vol. 50. № 1. – P. 64.

¹² *Hayat Khan A.* Central Asia geo-strategic // *Cent. Asia/-Peshawar*, 1997. № 41. P. 117 – 118.

¹³ *Kolsto P.* Anticipating... P. 52.

¹⁴ *Halbach U.* Zentralasien als Auseinandersetzungregion. Koeln. BIOST, 1996. S. 17.

¹⁵ *Куандыков А.* Феномен миграции: кто и почему уезжает из Казахстана // *Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность*. Алматы, 1995. № 6/7. С. 136 – 143.

¹⁶ *Аяганов Б.* Тенденции и динамика... С. 15.

¹⁷ *Масанов Н.* Казахстан движется в неопределённом направлении // *Megapolis-Express*. 1994.-№ 6 (9 февр.). С. 5.

Е.Ю. Тышкевич

(Томский государственный университет)

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА

Иntenсивность инвестиционного процесса во многом определяет экономическое развитие экономики в современный период. Для развивающихся стран это обусловлено как фактором глобализации экономических связей, так и ростом потребностей экономики в ресурсах, необходимых для развития.

После распада Советского Союза в новых независимых государствах началась активная деятельность как по развитию своих внутренних инвестиционных возможностей, так и формированию благоприятного инвестиционного климата для внешних инвесторов.

Казахстан выделяется как государство, которое целенаправленно делает ставку в своем развитии на активное привлечение иностранных инвестиций в страну. Если несколько лет назад инвесторы определяли для себя инвестиционный статус Казахстана прежде всего как "former soviet republic", то теперь по темпам улучшения инвестиционного имиджа Казахстан вошел в пятерку стран-лидеров среди 135 государств мира.¹

Прошедшая в конце 1997 г. в Лондоне конференция "Центральная Азия - Россия - Китай: от геополитики к геоэкономике в Евразии" отметила, что по среднестатистическому показателю привлечения в страну инвестиций Казахстан занимает среди постсоциалистических стран второе место после Венгрии.

Казахстан занимает второе место и по участию в инвестиционной деятельности среди стран СНГ (табл. 1). Таких результатов Казахстан достиг благодаря вниманию, которое уделяется в стране формированию благоприятного инвестиционного климата с первых дней его независимого развития.

Иностранные инвестиции рассматриваются как универсальное средство подъема экономики, решения проблем, связанных с преодолением инвестиционного кризиса, и призваны сыграть роль достаточно сильно-го катализатора в инвестиционном процессе.

Т а б л и ц а 1

Иностранные инвестиции в странах СНГ²

Страны СНГ	Объемы внешних инвестированных средств, \$ млрд	Доля иностранных инвесторов в акционерных капиталах, %	
		1995	1997
Россия	9,201	Н/Д	Н/Д
Казахстан	5,792	4,4	6,8
Азербайджан	3,233	Н/Д	Н/Д
Украина	2,696	0,3	0,9
Туркменистан	0,762	Н/Д	Н/Д
Грузия	0,512	1,0	2,2
Узбекистан	0,423	Н/Д	Н/Д
Беларусь	0,346	Н/Д	Н/Д
Молдова	0,342	0,3	2,1
Кыргызстан	0,309	2,2	2,3
Армения	0,265	Н/Д	Н/Д
Таджикистан	0,87	Н/Д	Н/Д

Об этом говорится и в недавно вышедшей книге Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева "Казахстан - 2030", в которой он, в частности, отмечает: "В центре нашего первостепенного внимания по-прежнему остается соответствующая защита иностранных инвестиций и возможности репатриации прибыли. Существует несколько секторов экономики - разработка природных ресурсов, инфраструктура, коммуникации и информация, — которые имеют непреходящее значение для нашей страны. Развитие этих отраслей окажет воздействие не только на экономический рост, но и на социальную сферу, а также на интеграцию Казахстана в международное сообщество. Это капиталоемкие отрасли, для развития которых необходим как иностранный капитал, так и жесткий стратегический контроль государства.

Выработка такой политики должна стать одной из наших основных задач, поскольку трудно представить себе, как Казахстан может добиться быстрого экономического роста и модернизации без иностранного капитала, технологий и опыта.

Чтобы наш инвестиционный климат стал более благоприятным, а Казахстан вышел в лидеры по объему и качеству привлеченных иностранных инвестиций, нам нужны политическая воля и реальные действия. Необходимо также проявить высочайшее мастерство в использовании инструментов, необходимых для привлечения как можно большего количества известных миру инвесторов"³.

Таким образом, благодаря твердой позиции правительства в отношении инвестиций сложились реальные предпосылки для развития как инвестиционного законодательства, так и для привлечения инвестиций.

Конечно, Казахстан по своему ресурсному потенциалу является достаточно привлекательным инвестиционным объектом. Именно этот потенциал остается основой для долговременного инвестиционного сотрудничества, несмотря на все преобразования, проводимые правительством.

По данным Агентства стратегического планирования Республики Казахстан, в настоящее время страна готова поглощать иностранный инвестиционный капитал в размере 1,5 млрд. дол. ежегодно.⁴

Всего разведанные и прогнозные ресурсы недр Казахстана оцениваются в 10, 4 трлн. дол., в том числе по твердым ископаемым – 8 трлн. дол., и по углеводородному сырью – 2,4 трлн. дол.⁵

Уже сейчас в Казахстане инвесторам, занятым в нефтегазовой, горнодобывающей и других отраслях, выдано 630 лицензий. Ожидаемый объем инвестиций на 23-летний период оценивается в 90 млрд. дол.

Наибольшее число предприятий создано с партнерами из России - 237, Турции - 228, Германии - 116, США - 115, Китая - 79, Великобритании - 53, Ирана - 45, Южной Кореи - 38, Швейцарии - 35, Италии - 33.

Основными прямыми инвесторами в 1997 году были нерезиденты из стран дальнего зарубежья, среди которых по освоению прямых иностранных инвестиций первое место заняла Япония с инвестициями в 381,5 млн. дол., далее следуют США (207,4 млн. дол.) и Великобритания (241,4 млн. дол.).

В 1997 году из объема освоения прямых иностранных инвестиций в сумме 1236,4 млн. дол., вложенных в отдельные отрасли экономики Казахстана, наибольший удельный вес занимают иностранные прямые инвестиции в металлургическом комплексе (784,6 млн. дол., или 63,5 %) и нефтегазовом (244,8 млн. дол., или 19,8 %)⁶ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Освоение иностранных инвестиций Казахстаном
в разрезе отраслей за 1997 г.**

Отрасль	Освоено инвестиций, %
Черная металлургия	34
Цветная металлургия	19
Нефтегазовая отрасль	18
Сельское хозяйство	9
Энергетика	8
Строительство	5
Обрабатывающая промышленность	2
Транспорт	0
Торговля	0
Связь	0
Прочее	5

Очевидна несовершенная структура осуществляемых инвестиций, поскольку львиная их доля идет на развитие отраслей преимущественно сырьевой направленности и экспортной ориентации, поэтому Казахстан нуждается в активном привлечении значительных иностранных инвестиций для структурной перестройки экономики республики.

Приток инвестиций в Казахстан идет в основном на разработку минеральных ресурсов. А об эффективности можно говорить тогда, когда они идут в такие отрасли, как сельское хозяйство, промышленность, инфраструктура. Однако реализованные инвестиции (за 1992 – 1997 гг. более 6 млрд. дол. США) не смогли улучшить уровень производства созданием рабочих мест и многими другими социальными вопросами.

Можно выделить следующие факторы, которые тормозят привлечение иностранных инвестиций в промышленный, инфраструктурный и сельскохозяйственный секторы Казахстана:

- отсутствие надежных транспортных связей с рынками стран Европы, Америки, Азии, что затрудняет развитие гражданской экономики;
- неразвитость гражданской экономики и отсутствие экспортного потенциала, что не способствуют повышению инвестиционной привлекательности этих предприятий;
- изношенность оборудования казахстанских предприятий, рост просроченной задолженности, старение основных фондов;
- нестабильность правовой базы, несмотря на то, что за короткие сроки было принято более 20 основополагающих законов и указов, четко определивших правовые рамки функционирования отечественных и иностранных инвесторов;
- крайне низкая внутренняя инвестиционная активность Казахстана;
- недостаточно развитый рынок корпоративных ценных бумаг.

Учитывая тот факт, что Казахстан является страной, импортирующей капитал, развитие рынка ценных бумаг представляется чрезвычайно важным. Неопределенность, "непрозрачность" рынка ценных бумаг республики, огромные риски, сопряженные с ними, - все это сдерживает иностранного инвестора от вложения денег в ценные бумаги Казахстана.

В структуре инвестиций 49,2 % приходится на прямые иностранные инвестиции, 1 % – на портфельные, 28 % – на кредитные средства, 22 % – на займы международных финансовых организаций.

Таким образом, в Казахстане в настоящий период преобладают следующие формы внешнего заимствования:

- кредиты и займы международных финансовых институтов и стран-доноров;
- прямые иностранные инвестиции.

Что касается фондового рынка Казахстана, то он функционирует на относительно низком уровне и пока не признан на мировом фондовом рынке.

Для того, чтобы фондовый рынок государства вошел в одну из передовых мировых схем организации рынков, необходимо, по мнению международных экспертов, довести размер капитализации рынка акций в процентах к ВВП до 30 - 60 %. На 1 мая 1998 г. соответствующий казахстанский показатель равнялся 0,65 %, что подтверждает скептическое отношение многих иностранных инвесторов к фондовому рынку страны.

Инвестиционная активность во многом определяет состояние и перспективы экономики. При выходе из кризиса без опережающего роста капиталовложений в экономику невозможно достичь ее развития.

Низкая скорость накопления капитала и эффективность инвестиций, недостаточная для быстрого и долговременного экономического роста обусловили высокую потребность Казахстана в инвестициях извне. Сегодня страна стремится использовать все возможности для привлечения иностранных инвесторов.

Для страны в настоящий период актуален более комплексный подход к формированию инвестиционного климата страны который является критерием зрелости рыночных реформ, доверия мирового сообщества к устойчивости прав собственности, к обстановке в данной стране в целом.

Тенденция развития производительных сил в условиях НТР, невозможность производить с достаточно высокой экономичностью все без исключения виды современных промышленных изделий, заинтересованность в использовании зарубежного научно-технического опыта и другие факторы требуют дальнейшего повышения внешнеэкономического фактора в развитии экономики.

¹ Инвестиционная деятельность в Казахстане // <http://www.president.kz/main/mainframe.asp?lng=ru>

² Миркин Я. Как структура собственности определяет фондовый рынок? // Рынок ценных бумаг. 2000. № 1 (160). С. 14.

³ Садуакасова Б., Рахматуллаева Д.Ж. Иностранные инвестиции в Казахстане: привлечение и необходимость использования // Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы. 1998. № 9.

⁴ Искалиев М.Д. Мировоззренческие связи в условиях смешанной экономики // Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы. 1998. № 11.

⁵ Казахстанский вариант, апробированный в нефтегазовой отрасли // Инвестиции в России. 1998. № 1. С. 9.

⁶ Освоение иностранных инвестиций Казахстаном в 1997 году // <http://www.president.kz/main/mainframe.asp?lng=ru>

В.С. Бойко

(Барнаульский государственный педагогический университет)

ИСЛАМСКИЙ ЭМИРАТ АФГАНИСТАН В ПРЕДДВЕРИИ ХХІ ВЕКА: КОНТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ*

Афганская проблематика в центральноазиатских исследованиях уже многие годы сводится к ситуационному анализу военно-политического положения в этой стране, а ее основная формула редко выходит за пределы построений типа “гражданская война”, “этнический (этно-политический) конфликт” и т.п. Между тем, даже в условиях затяжного и ожесточенного военно-политического противостояния, в Афганистане существовали и существуют формы и квази-формы социальной жизни, фиксирующие и степень этого противостояния, и потенциал, а также амбиции различных общественных групп. В преддверии XIX века основной доминирующей силой, претендующей на руководство афганским государством, оказались талибы (движение талибан; талиб – от арабского толлаб – ученик, изучающий веру), в большинстве своем – афганская (пуштунская) молодежь, выросшая в лагерях беженцев, расположенных в пограничной, Северо-Западной провинции Пакистана, и получившая ортодоксальное религиозное образование в пакистанских школах-медресе. Эта, фактически новая на афганской и региональной социально-политической авансцене, группа / движение / власть имеет немало противников и сторонников. Последних можно найти даже среди весьма респектабельной западной публики, не говоря уже об афганцах. Разумеется, больше (хотя и не безусловно) симпатизируют талибам пуштуны, в том числе и представители афганской (пуштунской) диаспоры. Есть такие и в афганской общине Алтая, насчитывающей несколько сотен человек. Даже получив традиционное советское образование и прожив многие годы за пределами родины, они каким-то непостижимым образом сохранили собственно свои традиции,

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного программой Фулбрайт (США) и осуществляемого автором в Гарвардском университете (Центр исследования Среднего Востока / Центральноазиатский форум) в течение осени 1998 – весны 1999 г. Ситуационный анализ доведен в статье до начала 2000 г.

и вполне одобряют генеральную линию новых правителей Афганистана, внедряющих весьма архаичные формы и нормы общественной жизни.

В данной статье предпринята попытка обзора и краткого анализа поведения талибов на протяжении нескольких последних лет XX в., главным образом, с того момента, когда они стали рассматривать себя в качестве общегосударственной власти, а собственные действия преподносить как политику в интересах большинства народов, населяющих Афганистан. Контуры этой политики и самих властных структур еще недостаточно ясны и аналитически плохо различимы, но их фактический ряд, воспроизводимый в данной статье по массиву региональной (западноазиатской) прессы, электронным информационным каналам, опубликованным разработкам аналитических групп и отдельных экспертов, позволяет обозначить государственное “вещество” и “поле” Исламского Эмирата Афганистан так, как оно выглядит в преддверии XXI в.

Научно-аналитическая литература по проблемам генезиса движения талибан и его превращения в ведущую военно-политическую силу Афганистана уже насчитывает несколько монографий и десятки статей, в основном принадлежащих перу западных и пакистанских исследователей. Ведущие российские эксперты Ю. Ганковский, А. Давыдов, А. Умнов пока лишь обозначили эту тему, хотя, по данным автора, в профильной научной периодике на подходе несколько запоздалый вал материалов об идеологии и практике талибов, подготовленных отечественными востоковедами и международниками.¹

В истории движения талибан в Афганистане уже набирается немалый вех: октябрь-ноябрь 1994 г. (первые военные успехи и захват Кандагара), сентябрь 1995 (переход, впервые, Герата под прямой контроль пуштунов), сентябрь 1996 г. (овладение Кабулом). Но осень 1997 г. можно считать, по крайней мере формально, неким водоразделом: тогда, в октябре, на полуторатысячном собрании религиозных авторитетов было провозглашено создание Исламского Эмирата Афганистан. Хотя новый политический топоним на момент упомянутого события не относился ко всей территории страны (в ООН ее представлял режим Б. Раббани удерживавший часть афганского севера), он отразил некую новую реальность, которая обладала целым рядом внешних и содержательных атрибутов государственной власти.

Вхождение талибов во власть произошло в рекордно короткие сроки: впервые появившись на афганской авансцене летом 1994 г. в качестве группы добровольных блюстителей порядка на трассе Кандагар – Чаман, они неожиданно даже для себя овладели в ноябре того же года ключевым центром южного Афганистана – Кандагаром, а после двух

лет успешных боев с политически неустойчивым режимом Б. Раббани захватили афганскую столицу. Все это время боевое ядро талибов составляла военизированная группировка афганской (пуштунской) молодежи – учащихся и выпускников религиозных медресе Северо-Западной провинции Пакистана, детство которых прошло в лагерях беженцев.

Важнейшим социальным образованием, связанным с движением талибан главным образом через механизмы теневого бизнеса, является пуштунская региональная мафия: с пакистанской стороны это кланы, контролирующие транспортные торговые маршруты (центры в Кветте и Чамане провинции Белуджистан), а с афганской – транспортно-опиумные группировки, “ведущие” транзитную торговлю до границ Ирана и других сопредельных с Афганистаном государств. Когда-то именно эта мафия первой авансировала талибов для наведения приемлемого для нее порядка на участке Чаман – Кандагар, - таможенные сборы с караванов, идущих из Пакистана в Афганистан, стали главным источником их дохода². Впоследствии наиболее предприимчивая часть самих талибов стала “вращаться” в транспортный бизнес, приобретая грузовики либо вовлекая в это дело своих родственников. К 1996 г. отношения талибов с наркомафиозными группировками легализовались настолько, что те стали выплачивать “семинаристам”³ 10-процентный налог – закят.

Другим эшелонem поддержки талибов в Пакистане стала многочисленная прослойка лиц, вовлеченных в механизм поставок топлива в Афганистан, - продолжение этих поставок – основа их благополучия. Этническое родство с населением и администрацией пакистанских приграничных провинций, совпадение материальных интересов социально и территориально углубили тылы движения талибан. Наконец, его моральный и кадровый потенциал существенно укрепился за счет притока пакистанской молодежи, – сокурсников афганских талибов по религиозным школам-медресе. После поражения последних под Мазари-Шерифом в мае 1997 г. лидер движения М. Омар обратился к влиятельному моулави Самуил Хаку – директору двух крупнейших пакистанских медресе в Северо-Западной провинции и Карачи, - с просьбой оказать помощь людям. Желавших нашлось немало – более 10 тысяч (Х. Дуран) фанатично настроенных пакистанских фундаменталистов, разочаровавшихся в парламентской системе, получили академические отпуска для участия в новом раунде афганской войны. Фактически же приток пакистанских волонтеров к афганским талибам начался уже во второй половине 1994 г. – начале 1995 г. Следует подчеркнуть, что за всеми этими подвижками стояла укрепившая свои позиции фундаменталистская партия Джамаат улема ислам, лидер которой Фазлур Рахман

стал председателем комитета по международным делам Национальной ассамблеи Пакистана.

Хотя движение талибан считается почти исключительно пакистанской креатурой, его поддержка пакистанской стороной длительное время, формально – вплоть до официального признания нового афганского режима в 1997 г. – носила негосударственный характер. Пакистанские власти стали проявлять особый интерес к талибам в связи со своими центральноазиатскими экономическими проектами, хотя новая группировка казались им перспективной и в плане восстановления, в контролируемых пределах, пуштунского влияния в Афганистане. Основными агентами политики патронажа талибов стала пакистанская межведомственная разведка, а персонально – министр внутренних дел, отставной генерал Насрулла Бабар, – человек, многие годы близкий к семейству Бхутто и тонко разбирающийся в пакистано-афганских делах. С его подачи в структуре министерства было создано подразделение, обеспечивающее бесперебойность торгового маршрута в Центральную Азию через Афганистан (Afghan Trade Development Cell), а Кандагар включен в собственно пакистанскую телефонную систему⁴.

Таким образом, многоуровневая и эшелонированная система патронажа талибов со стороны Пакистана, сложившаяся на фоне неудач афганского режима 1992 – 1996 гг.: связи с приграничными племенами, партнерство с мафией, покровительство влиятельных религиозно-политических структур, администрации лагерей беженцев и пакистанского приграничья, наконец, обратное воздействие идеологии и практики новых афганских протезе на часть пакистанского общества, – все это создало им немалую фору перед другими претендентами на помощь и базу для результативного военно-политического действия.

Все перечисленные и еще оставшиеся за кадром генетические компоненты движения талибан показывают, что его возникновение стало результатом действия многих внешних факторов, однако и собственно афганские обстоятельства сыграли не последнюю роль. Наблюдатели и исследователи афганских событий подчеркивают наличие некоторых объективных причин воинствующего исламизма, видя в нем реакцию части мусульман на дальнейшую стратификацию мирового сообщества, экономическое и политическое давление извне⁵. В Афганистане почву для исламистов крайнего толка, какими являются талибы, подготовила многолетняя гражданская война и внешнее вмешательство. “Это правда, что политика талибов жестокая, но это реальность, которую оставили им мы. Я, как и любой другой, против многого в их политике, ... но я знаю, что ни США, ни какая-либо другая страна не предложила решение проблем, которые возникали с нашей же помощью”, – отмечает ве-

душий американский эксперт по афганским делам Б. Рубин⁶. Но не только исходная катастрофическая ситуация во внутренних и внешних делах Афганистана в середине 1990-х гг. и в последующий период определила специфику политики талибов как де-факто государственной силы и власти. Этот процесс подвергался и подвергается многочисленным влияниям, включая реакцию самих подданных ИЭА, - наконец, он имеет свою собственную, труднопрогнозируемую логику.

Выступив на авансцену афганской и региональной политики как некая корпоративная общность (большинство их – выпускники медресе Дар ул-Улум Хакканя в Северо-Западной провинции и Джамиа Улум-ул-Исламия в Карачи, первые часто добавляют к своему имени Хаккани)⁷, призванная решить ряд утилитарных задач, талибы довольно быстро оказались во власти, сначала на провинциальном, а затем и в национальном масштабах. Отсутствие какого бы то ни было административного и политического опыта, недостаток квалифицированных кадров социального профиля, прочие суровые вызовы экономически почти виртуальной страны, наконец, наличие многочисленной, хотя и монолитной, оппозиции в стране и мире в целом заставили их сосредоточиться на рутинных задачах наведения порядка через тотальную исламизацию соотечественников, и без того слившихся правоверными мусульманами.

Начальные элементы будущей государственной (политической) системы начали складываться у талибов еще до захвата ими Кабула. Пожалуй, главным из них стало избрание в марте 1996 г. лидера движения талибан муллы Мухаммада Омара “предводителем правоверных” (“амир аль-муминин”)⁸. М. Омар – пуштун-гильзай из племени хотаки, сорока с небольшим лет. Молва и пропаганда талибов исходным местом его борьбы против коррумпированных боевиков-джихади называют провинцию Кандагар (сам он уточняет – район Майванд), где он появился из своего родного Урузгана незадолго перед известными событиями конца 1970-х гг. Омар стал замечен уже в начале 1990-х в стычках с отрядом племени ачакзай, возглавляемым Исмафом Муслимом. Значительно позже, в 1995 г., в деревне Шангисар, к северу от Кандагара, он подыскал себе юную Гульджану, вторую из его трех жен, так что жители этой местности знают его не только по легендам⁹. Эмир возглавил коллективный орган – Верховный совет (шура) и военный совет (шура) – базирующийся в Кандагаре. После захвата Кабула, сохранившего статус официальной столицы, там тоже была создана шура, фактически функционирующая как кабинет министров. Этот орган возглавляется муллой М. Раббани, бывшим полевым командиром, пуштуном-гильзайем из племени какар. (С конца 1998 г. по причине тяжелой болез-

ни он находился в тени, но в начале 2000 г. вновь появился на политической арене, выполняя важные, в том числе внешнеполитические, миссии). В течение 1998 – 1999 гг. Кабульская шура приобрела черты весьма разветвленного кабинета министров (см. приложение), в структуре которого представлены многие отрасли управления, экономики и даже социальной сферы, но доминирующее положение занимает “министерство морали”, или “религиозная полиция”, ответственная за проведение в жизнь основного курса ИЭА и декретов, исходящих от М. Омара. В связи с непрекращающимися попытками руководства талибан добиться международного признания повысилась роль МИДа и лично его нового руководителя муллы Абдул Вакиля Муттавакиля, а также подразделений, “пробивающих” внешнеэкономическую изоляцию, как вынужденную – из-за продолжающейся гражданской войны, так и спланированную извне (санкции ООН с 14 ноября 1999 г. и т.п.). Даже беглое изучение состава верхнего эшелона власти ИЭА подтверждает тезис Б. Рубина, что в сегодняшнем Афганистане агентами политического и военного действия являются этнорегиональные коалиции, вроде той, которая сложилась у талибов¹⁰.

Собственно талибами, строго говоря, сегодня можно считать лишь рядовых участников движения, прежде всего тех, кто еще не завершил базового религиозного образования, а руководящие, даже низовые звенья ИЭА – это муллы, ахунды, моулави и т.п., хотя среди них практически нет сколько-нибудь известных религиозных авторитетов-ученых, какие в избытке имелись у предыдущих режимов. “Они сами не знают всего того, что следует знать об исламе”, – резонно замечает в общем-то симпатизирующий им афганский обозреватель¹¹.

В руководящих органах эмирата доминируют пуштуны из трех южных провинций: Кандагара, Гельманда и Урузгана, более известные как “кандагарцы”. Однако в составе Кабульской шуры есть и представители восточных областей, и даже персоязычные, один узбек¹². Тенденция вводить непуштунов в руководство, на губернаторские, министерские и подобные им посты прослеживается, по крайней мере, с осени 1998 г., – такие выдвиженцы наиболее полезны на севере, где проживают национальные меньшинства. Возможно, этим или, что более вероятно, значительным вознаграждением были привлечены перебежчики из шиитской группировки Хезбе Вахдат (Акбари и его сторонники), некоторые соратники узбекского лидера А. Дустума, – да и сами лидеры талибов не прочь улучшить хотя бы внешний фасад своего режима.

Наличие двух центров власти – шуры-правительства в Кабуле и высших, фактически законодательных, органов во главе с “амир аль-муминин” в Кандагаре порождало самые различные предположения (о

противоборстве в руководстве ИЭА, о двухуровневой структуре управления чуть ли не ленинско-советского или иранского типа). Но, быть может, в этом есть и некоторый резон: кроме причин исторических (Кандагар – первая столица афганцев) и этнополитических (Кабул – издавна город персоязычных кабули, в последние годы ассоциирующийся к тому же с постоянными расколами и конфликтами), есть и геополитические и экономические (уже многократно упоминаемый маршрут к пакистанским пунктам стратегической поддержки). Скорее всего, это временное положение. Талибы стремятся сделать свою руководящую роль в стране постоянной, хотя в этом смысле они перестают быть талибами, проводя “талибанизацию” всех остальных. Так, отказавшись от собственного партийного строительства, вожди ИЭА лишили этого искусства и других. Партийность они рассматривают как институт, излишний в условиях свободы слова по-исламски, то есть допущения “позитивного критицизма” и инициативы снизу, адресованных наверх, даже самому “предводителю правоверных”¹³.

Но, как оказалось, создаваемая талибами, а затем уже и иерархиями ИЭА политико-административная система не свободна от изъянов и пороков: в условиях тотального дефицита и запредельно тяжелой финансово-экономической ситуации расцветает казнокрадство, взяточничество и т.п., причем среди нарушителей фигурируют далеко не последние лица режима: начальник инспекционного отдела грозной “полиции нравов”, присвоивший миллионы афгани из банка с помощью поддельных документов военного ведомства, начальник отдела разведки, попавшийся на взятке в 30 млн. афгани и т.п. Высокопоставленные чиновники получили по 38 ударов розгами и были на полгода помещены в тюрьму.

Пострадать могут и правдоискатели: так, студенты медицинского факультета Нангархарского университета (единственного из возобновивших занятия в этом вузе) выступили против декана, обвинив его во взяточничестве и фаворитизме. Возникла трагическая цепочка: попытка включить недовольных в тюрьму, массовый протест студенчества и расправа над ним силами особого полицейского подразделения, которым командовал не кто иной, как брат декана. В конечном счете властям пришлось признать факт превышения полномочий и пообещать предать виновных шариатскому суду.

Пытаясь наладить управление подконтрольной территорией, руководство ИЭА провело в начале 1999 г. массовый сбор чиновничьего аппарата (до 10 тыс. чел.) для обсуждения военно-политических, социально-экономических и иных проблем. Косвенным подтверждением невысокой дисциплины госаппарата можно считать и отмену выходных для

госслужащих на весь период рамазана, во избежание их самовольных отпусков и задержек в родных деревнях. “Это хороший знак, что администрация сознает трудности в этих областях”, – удовлетворенно отмечал афганский наблюдатель¹⁴. Но, вероятно, проблемы только копились, так как осенью 1999 г. глава ИЭА мулла М. Омар объявил о чрезвычайной мере – повсеместном введении на провинциальном и районном уровнях исламских консультативных советов (улема шура). Каждый из таких советов должен состоять из 10 ученых-исламоведов, выбираемых населением и “интеллигенцией”, и осуществлять надзор за соблюдением социальной справедливости местной администрацией и судами¹⁵. При этом подчеркивалось, что создаваемые советы не будут надгосударственной или парламентской структурой, скорее – гласом народа из недр местной бюрократии.

Одной из первых мишеней “очистительной” кампании оказались бывшие функционеры режимов ДРА-РА, в первую очередь те, кто был отмечен наградами либо прошел военную и профессиональную подготовку в социалистических странах. Специальные комиссии в спешном порядке составляли списки “нежелательных персон”, с их последующим отстранением от должности. Только в Кабульском университете таких оказалось 85 чел., большинство – опытные и квалифицированные преподаватели, а ведь кампания охватила все учреждения ИЭА¹⁶. Введение люстрации (запрета на занятие определенных должностей) по существу противоречило всеобщей амнистии, объявленной самими же талибами после захвата ими Кабула в сентябре 1996 г. Фактическое де-завуирование акта об амнистии началось еще в 1997 г., но и тогда, и в декретном варианте конца 1999 г. оно носило избирательный характер – на нынешнем этапе ИЭА просто не может обойтись без услуг хотя бы некоторых групп или отдельных профессионалов, подготовленных при прежних режимах.

Важным, причем весьма специфическим, элементом государственно-политической системы ИЭА является судебная власть. Структурно она проста, но, в силу жесткости официальной идеологии и морали (по всем случаям – апелляция к шариату), имеет ярко выраженный карательный характер и работает с большой перегрузкой. Судебная система эмирата включает три типа судов: военные, гражданские и Верховный суд. Единственной апелляционной инстанцией является сам глава государства М. Омар, хотя по многим бытовым и иным преступлениям (в том числе – убийствам) запрашивается мнение родственников пострадавших, – так обеспечивается возможность личной мести или личного помилования (гораздо более редкое, но также весьма похвальное для афганца проявление чувств). Два десятилетия неразберихи, в том числе

и правовой, расшатывание и без того слабой социально-экономической базы законопослушности, просто необычность и неожиданность внедряемых властями норм привели к росту преступности или к таким проявлениям социального поведения, которые не согласуются с официальным курсом эмирата талибов. Рост преступности вынудил руководство ИЭА принять 16 сентября 1998 г. декрет об ускоренной процедуре судопроизводства. Согласно ст. 1 декрета, суды первой инстанции, органы следствия и кассационные суды переходили на сверхурочный (с одним выходным – пятницей) режим работы для завершения дел в пределах месяца. Кратчайшие сроки отводились и для других сопутствующих процедур (неделя – для изучения дела прокурором и т.п.)¹⁷.

Наряду с массовой антикриминальной кампанией под флагом шариата власти ИЭА принимают и реализуют массу нормоположений административного, культурно-религиозного и семейно-бытового характера, большей частью – запретительных: от мельчайших (“нет” пестрым цветам рекламы недвижимости и транспортных средств, белым носкам, прозрачным (?) окнам, портным-мужчинам, снимающим мерки с женщин, и т.п. до затрагивающих самые основы жизни целых социальных групп: полов, этносов, конфессий)¹⁸. Так, в суровые социально-правовые рамки были помещены женщины: им возбраняется выходить на улицу с открытым лицом и без сопровождения мужчины из близких родственников. Только за это полагается наказание до 100 ударов розгами. Женщинам запрещен также труд вне дома и крайне ограничены образовательные возможности, о чем будет сказано ниже. Строжайший домашний контроль и брак с 8 лет – вот удел представительниц этого пола, уготованный им талибами. Но случаются и некоторые послабления: в сентябре 1998 г. был отменен один из самых старинных обычаев насильственной выдачи замуж вдов за родственников умершего мужа¹⁹.

Население, первоначально, на этапе широко рекламируемой самими талибами их борьбы против бандитизма “джихади”, терпимо относившееся к их драконовскому стилю отношений с оппонентами и врагами, все чаще демонстрирует ответную нетерпимость и даже отпор тем, кто мнит себя правителями нового государства – ИЭА. Искрой конфликта иногда становится небрежность низового чиновничества, соединенная с незнанием народных обычаев и традиций, ощущение вседозволенности власти. Инцидент такого рода произошел в провинции Хост в дни мусульманского праздника Ид-эль-фитр, завершающего месяц рамазан 1999 г.: талибам показалась неисламской традиционная игра-соревнование молодежи из племени гурбоз (“чоканье” вареными яйцами). Итог их вмешательства – целое сражение с применением ракет и жертвами, получившее трагикомическую известность как “яичная битва”²⁰.

Весьма спорной для многих наблюдателей и соответствующей части афганского населения представляется национальная политика ИЭА. Самым зловещим ее проявлением считается массовая резня дариязычного населения, главным образом хазарейцев-шиитов, в г. Мазари-Шериф 8 – 9 августа 1998 г. Она произошла после второго штурма города – последнего крупного оплота северного альянса – пестрой коалиции А. Дустума – Б. Раббани и др. (первый в марте 1997 г. оказался неудачным, талибы потеряли тогда около 2 тысяч человек), и выглядела жестокой мстью за прошлую неудачу – по разным данным, погибло от 2 до 5 тысяч человек²¹. Уцелевших шиитов заставляли перейти в суннизм либо платить специальный налог для немусульман. Национальные ущемления, как правило, тесно переплетаются с религиозно-конфессиональными: например, талибы нетерпимы, в соответствии с деобандской традицией, к некоторым обрядам суфиев (транс, танцы)²².

Неуютно чувствуют себя и уже немногочисленные, но все еще остающиеся в Афганистане выходцы из Южной Азии – индусы и сикхи. Они по праву считают себя старожилами этой земли – их предки поселились здесь еще в XVII – XVIII вв., занимаясь торговлей, финансами, ремеслами. Вплоть до реформ Аманулла-хана в 1920-х гг. именно индусы обеспечивали основные финансовые операции афганской экономики, да и в дальнейшем, даже при власти моджахедов первой половины 1990-х они, как и афганские сикхи, продолжали заниматься своим профильным бизнесом, хотя значительная часть этого сообщества переместилась в Москву для проведения операций на евразийском пространстве. Справедливости ради следует сказать, что серьезные удары сикхско-индусская община приняла еще в 1992 – 1994 гг.: так, в этот период были разрушены несколько индусских храмов (один из них, 850-летний мандир, сочетал в себе черты индусского и шиитского мест поклонения) и сикхский гурдвар в Джелалабаде, а местные общины индусов и сикхов, насчитывавшие соответственно 800-900 и 4000 человек, сократились до 3 индусских и 50 сикхских семей.

С приходом к власти талибов был принят новый закон для немусульман. Первыми его испытали на себе индусские и сикхские семьи Кандагара, а таких здесь оставалось около 50 – из 600 некогда проживавших: они должны были носить на одежде желтый знак, разговаривать на пушту, женщины – носить паранджу, а девочки – оставить школу. Свернуть или даже закрыть запрещенный бизнес пришлось и некоторым взрослым, например фотографам (им разрешалось делать фото только на документы). Представителям этих этно-религиозных групп стало чрезвычайно трудно и покинуть страну либо просто совершить зарубежную поездку: ИЭА не имеет официальных отношений ни с Ин-

дий, ни с большинством других государств мира. Места их богослужений, за исключением 2 индусских храмов и 1 сикхского гурдвара, превращены в жилье²³.

Претендуя на государственную власть в Афганистане и реально управляя эту власть на большей части его территории, талибы – и их низовые слои, и особенно руководство – не могли полностью игнорировать массы социальных и экономических проблем, свалившихся на примерно 20-миллионное население страны. Этот фронт стал для них серьезным испытанием, пожалуй, более тяжелым, чем поля военных сражений.

Пожалуй, самую резкую критику внешнего, прежде всего западного мира, вызвал подход ИЭА к проблемам образования, в особенности женского, и вообще положения женщин в афганском обществе. Однако в общем критическом хоре раздаются и голоса, вызывающие взглянуть на ситуацию шире, с учетом ее исторических и социальных корней. “Проблема женского образования в Афганистане – это не проблема талибов, а общественное восприятие такого образования, как культурно и религиозно не приемлемого; талибы – лишь симптом этого восприятия, а не его причина”, – писала осенью 1998 г. пакистанская газета “Фронтир Пост”²⁴. Действительно, талибы выглядят лишь последовательями режима Б. Раббани: еще 27 августа 1993 г. отдел исследований и декретов Верховного суда отдал распоряжение государственным ведомствам уволить весь женский персонал и закрыть школы для девочек как рассадники разврата. Согласно данным ЮНИСЕФ этого же года только 3,7% девочек страны посещали школы, а в почти половине провинций – и того меньше, в пределах 1%. Но даже независимые эксперты (например, Н. Дюпре) признают, что женское образование в Афганистане должно быть адаптировано к местным социальным условиям, – включать как можно больше предметов прикладного характера и т.п. Власти ИЭА не собираются менять установку на раздельное обучение детей и молодежи обоего пола, но постоянно подчеркивают, что для открытия и поддержания работы женских школ просто нет средств. В 1998 г. ИЭА и образовательные структуры ООН должны были подписать меморандум об открытии 22 школ – половина из них предназначалась для девочек. Буквально в последний момент подписание было сорвано афганской стороной. Но неправительственные и международные организации организовали через медиа и другие каналы беспрецедентное давление на эмират и добились официальной санкции женского образования: первая женская школа “эпохи талибов” была торжественно открыта 21 марта 1999 г. в Кабуле при содействии ЮНИСЕФ, а за последующие несколько месяцев в прилегающей области открылось 13 школ для девочек.

Педагогический персонал этих школ – исключительно женщины, религиозная тематика занимает до 60% программы, возраст учениц ограничен 12 годами. Среди спонсоров женских учебных заведений – благотворительные фонды Германии, международные организации, Шведский комитет по Афганистану. Следует отметить, что обучение девочек в Афганистане продолжалось и вопреки запретам властей, но нелегально, в немногочисленных и достаточно дорогих домашних школах (месячная плата составляла в среднем 15 тыс. афгани за человека)²⁵.

Если же говорить об образовании в целом, в том его виде, в каком оно осуществляется на территории, подконтрольной ИЭА, то нельзя не заметить преобладания в нем религиозного компонента, причем количество религиозных школ растет: например, в провинции Кунар к осени 1998 г. было открыто 55 новых заведений такого типа, а общая численность педагогических кадров и учащихся в них составила соответственно 1300 и 40 тыс. чел.²⁶ Не являются редкостью и общеобразовательные школы, хотя они испытывают острую нехватку средств. Например, открытая в Кабуле в том же 1998 г. школа для мальчиков функционирует на самоокупаемости – для этого организована профессиональная подготовка учащихся и реализация их собственной продукции (ковров, обуви, мебели и др.). В целом же политика ИЭА в образовательной сфере имеет некоторую динамику в сторону интеграции светских и религиозных предметов, – университетское образование признается, по крайней мере декларативно, элементом национальной стратегии.

Образовательная тема позволяет обозначить лишь один из социальных векторов государственной политики талибов у власти, да и то благодаря активности международных правозащитных организаций и устраиваемым ими шумным информационным кампаниям против идеологии и практики ИЭА. Социальный облик установившегося там режима дополняют и некоторые доступные, хотя и весьма отрывочные факты общекультурного характера. Хотя на совести талибов разрушение выдающихся памятников (некоторых буддистских сооружений на севере страны), запрет многих, уже ставших привычными средств информации и досуга (теле- и видеоаппаратуры для приема внешней информации), музыкально-танцевальных развлечений, некоторых традиционных (празднование Новруза – исламского Нового года по персидскому календарю – 21 марта), даже некоторых пуштунских обычаев, их соответствующие ведомства обеспечивают информационно-пропагандистскую и психологическую обработку населения. Основные официальные материалы (декреты муллы М. Омара, решения высших коллегиальных органов власти) распространяются радиостанцией “Голос шариата” (появилась и газетная версия официоза – еженедельник “Шариат”). В Кабу-

ле издаются две ежедневные газеты “Анис” (на дари) и “Хевад” (на пушту), воссоздана “Кабул таймс”, в основном рассчитанная на внешнего читателя. Газеты выходят также и в некоторых провинциях (Нимроз, Газни), в крупных городах есть довольно мощные радиостанции (кабульскую слышно в Дели). В Карачи (Пакистан) издается газета “Дхарби-М’умин” (в вариантах на английском и пушту), считающаяся неофициальным зарубежным изданием движения талибан.

Сколько бы ни были талибы активны на поле боя или в пропагандистских сражениях, основным мерилом их деятельности, по крайней мере с осени 1997 г. (провозглашение ИЭА), является социально-экономическая ситуация на контролируемой территории и другие принципиальные показатели функциональности и устойчивости власти. Оппоненты и критики режима ИЭА отмечают его неспособность справиться с инфляцией, с ростом цен на товары первой необходимости, беспрецедентным падением курса национальной валюты – афгани.

В конце 1998 г. курс афгани составлял \$1=42 тыс., годом позже – 48-49 тыс. (в середине ноября 1999 г. в связи с принятием санкций ООН против ИЭА он подскакивал до 54 тыс.), неблагоприятен он и во взаимоотношениях с пакистанской денежной системой: 770 и 950 афгани за рупию в те же годы. Вину за галопирующую инфляцию талибы возлагают на своих противников из Северного альянса, наводняющих, по утверждению первых, денежный и весь афганский рынок фальшивыми или гиперноминальными (до 10 000 афгани) банкнотами. Считается, что контрабандную валюту завозят частные торговцы с афганского севера и пешаварских валютных рынков. Парадоксально, но ИЭА до сих пор не имеет и не печатает собственной валюты, пользуясь остающимися в хождении дензнаками режима Б. Раббани, которые печатались и, по некоторым данным, продолжают печататься в России и Украине, возможно частными фирмами.

Пытаясь как-то разрубить финансовый узел, талибы, в общем-то располагающие немалыми денежными средствами в твердой валюте, выдвигают планы один фантастичнее другого – вроде плана демонетаризации страны, то есть выведения денег из хозяйственно-экономических, да и прочих социальных, отношений и процессов²⁷. Другой финансово-экономический проект талибов, менее радикальный по форме, но более пропагандистский по существу, предусматривает создание беспроцентного банка, соответствующего исламской системе ценностей. Правда, неясно, будет ли это новое учреждение дополнением к уже существующим элементам банковской системы ИЭА (Афганский национальный банк с филиалами в Пакистане и Государственный банк Афганистана) или заменит ее. Талибы провели консультации с паки-

станскими экспертами в области исламской экономики и религиозными авторитетами в Пешаваре и получили заверения в поддержке, но пикантность ситуации заключается в том, что первый афганский беспроцентный банк предполагается создать в Пешаваре (?) и лишь его филиалы – в крупных афганских городах²⁸

Однако любые попытки освоения навыков менеджмента в финансовом деле, волевые или рациональные, уступают прямому административному вмешательству чиновничества ИЭА в экономические отношения. Самый ближайший пример – регулирование цен: так, в феврале 1999 г. наказанию были подвергнуты кабульские мясники, нарушившие установленный потолок цен (55 центов за 2,2 фунта говядины и 75 центов за то же количество баранины), – виновных заставили пройти по столичным улицам с ножами, привязанными к голове в форме рогов²⁹.

Рост цен на продовольственные товары связан прежде всего с их контрабандой в Пакистан – там на черных рынках Пешавара и других приграничных городов они находят быстрый сбыт. Продовольственный кризис особенно обострился после введения ООН санкций против ИЭА с 14 ноября 1999 г. Талибам, уже давно и безуспешно пытающимся диверсифицировать внешнеэкономические связи, пришлось срочно улучшить свои отношения с Ираном: в конце ноября открылась для частного бизнеса ирано-афганская граница, возобновило работу, в части торговли, иранское посольство в Герате. Еще раньше были заключены соглашения о поставках ИЭА пшеницы из Австралии, Казахстана. Последняя сделка предусматривала продажу ИЭА 60 000 тонн казахской пшеницы по ценам ниже рыночных (166 дол. за метрическую тонну) – уже летом 1999 г. поступление первых партий этого товара в Герат позволило снизить стоимость 100-килограммового мешка пшеницы до 100000 афгани.

Основным же торговым и вообще экономическим партнером ИЭА был и по-прежнему остается Пакистан. Прежде всего, пакистанская территория является важнейшим транзитным маршрутом афганских внешних связей: более 30 лет, с небольшими перерывами, Афганистан бесплатно пользуется пакистанским портом Карачи. Такое положение регулируется соответствующим соглашением (Afghan Transit Trade Agreement – АТТА), но в последнее время в связи с расширением контрабандной торговли пакистанские власти вынуждены накладывать арест на предназначенные для ИЭА товары. По расчетам Всемирного банка, контрабанда в рамках АТТА достигает \$ 2,5 млрд. в год, что лишь обостряет дефицит всего в Афганистане и деформирует экономику приграничных провинций Пакистана. Пешаварская таможня изъяла

контрабандных товаров на 314,8 млн. рупий в 1995/96 финансовом году, на 476 млн. — в 1997/98 и уже на 563 — до декабря 1998 г.³⁰

Хотя лидер движения талибан и глава ИЭА мулла М. Омар заявил в интервью ливанской газете "Al Naher" (декабрь 1998 г.), что "экономические проекты будут осуществляться сразу после восстановления мира и безопасности", императивы текущей действительности заставляют нынешних хозяев большей части Афганистана заниматься и общеэкономическими проблемами, и отраслевыми проектами. Это серьезное испытание их компетентности и менеджменту. Так, одной из ключевых фигур управленческого механизма оказался 40-летний моулави Ахмад Джан, министр горнорудных дел и промышленности. Он получил образование в медресе Хакканиа в Пакистане и до своего вступления в движение талибан торговал коврами в Саудовской Аравии. Теперь Ахмад Джан и его ближайшие коллеги занимаются проблемами, способными повлиять на жизнь всей Центральной Азии, а может быть, и большей части мира. Дело в том, что, захватив большую часть территории современного Афганистана, талибы сразу же оказались в эпицентре жестокой схватки международных монополий за выгодные торговосырьевые маршруты из бывшей советской Центральной Азии на восток, до Пакистана и далее. Основная борьба шла с начала 1990-х гг. за право строительства газопровода через Афганистан. Талибы унаследовали соглашение, заключенное в 1995 г. правительством Б. Раббани с аргентинской компанией BRIDAS, однако им еще предстояло сделать окончательный выбор партнера. Другим перспективным подрядчиком выступала американская энергетическая компания Unocal, имевшая значительный опыт работы в Пакистане и, в целом, в Азии. Unocal выглядела более предпочтительной в глазах американцев, Пакистана и главного продавца газа — Туркменистана. Но BRIDAS предлагала афганцам (фактически всем фракциям, контролирующим участки предполагаемого газопровода) неплохие условия: она была готова развивать всю инфраструктуру прилегающих областей, толерантно относилась к факту непризнания талибов международным сообществом и т.д. Были у нее свои люди и в американском транснациональном бизнесе. И все же лоббисты Unocal оказались сильнее: именно она создала в ноябре 1997 г. международный консорциум Centgas (Central Asia Gas Pipeline Limited) с проектной стоимостью около 2 млрд. дол., — ее собственная доля составляла более половины, туркменского правительства — 7 %, российского Газпрома — 10% и т.д. Но под нажимом американской общественности и резолюции СБ ООН от 9 декабря 1998 г., осуждающей режим талибов за поддержку терроризма и наркоторговли, Unocal отозвала свое участие в консорциуме, объяснив свой уход политической неопре-

деленностью ситуации в регионе и падением цен на нефть. Фактический развал консорциума не обескуражил ни талибов, ни туркменские власти, ищущие любые возможности выгодной продажи природного сырья за рубеж. Туркменский министр иностранных дел (один из немногих иностранных дипломатов, кто встречался с главой ИЭА М. Омаром), заявил: "Компании приходят и уходят, но решающим остается национальный интерес. Нам определенно хотелось бы увидеть этот проект осуществленным"³⁰. Туркменистан вообще является одним из наиболее активных внешнеэкономических партнеров ИАЭ в Центральной Азии: достаточно назвать подписанное сторонами в декабре 1998 г. соглашение об импорте в эмират 600 тонн сжиженного натурального газа, рост на 11% торговли, соглашение об импорте бензина, дизельного и авиационного топлива. Двусторонняя торговля растет, несмотря на то, что импорт через Туркменистан вдвое дороже иранского маршрута – он считается гораздо более безопасным. Туркменское правительство рассматривало даже возможности строительства моста через Аму-Дарью на своем участке реки.

Своеобразной компенсацией за замороженный газовый суперпроект стала "медная" инициатива: очередная транснациональная команда (в ней идентифицирован пока только конгломерат "Сименс") осенью 1998 г. подписала с ИЭА меморандум взаимопонимания в разработке месторождения медных руд в районе Логара (в 35 км южнее Кабула). По прогнозам, это месторождение – одно из крупнейших такого рода в мире, до весны 1999 г. предполагалось оценить его запасы, вложив порядка 1 млн. дол. Вызывают интерес инвесторов и золоторудные месторождения в районе Кандагара, провинции Забуль, хромитов в районе Кабула.

Помимо стратегических, пока неудавшихся, проектов и уже реализуемых соглашений с крупными зарубежными партнерами, администрация талибов продвигает хозяйственные связи с небольшими предпринимательскими группами: в ноябре 1998 г. было подписано соглашение с греческой компанией о разведке нефтяных месторождений близ Герата, примерно тогда же делегация иностранных инвесторов из США, Великобритании и Кении совершила поездку по территории ИЭА с целью изучения конъюнктуры афганского рынка.

Выступая стороной (в общем малоквалифицированной, но амбициозной и требовательной) в многоходовых региональных экономических комбинациях, ИЭА во многом зависит от центрально-азиатских соседей в энергетическом отношении. Создается впечатление, что его руководство иногда уповает лишь на их добрую волю и сочувствие к простым людям, особенно соплеменникам на афганском севере. Ситуация же такова: Афганистан с 1993 г. не выплачивает 77-миллионный долларовый

заем, но до недавнего времени весьма исправно получал электроэнергию. Например, провинции Балх, Джоузджан и Саманган ежегодно получают по 16 тыс. Квт из Туркменистана. Внешнее энергоснабжение было прекращено или значительно сокращено в связи с событиями 8 – 9 августа 1998 г. в Мазари-Шерифе, где талибы устроили массовую резню шиитского населения. В начале января 1999 г. отключил энергоснабжение Мазари-Шерифа и Узбекистан, как было сказано, по экономическим соображениям, за неуплату старого долга. Но талибы гордятся, что они увеличили энергоснабжение отдельных частей эмирата, особенно Кабула.

Поскольку элементы организованного национального производства (промышленного, сельскохозяйственного и др.) почти отсутствуют в самовывживающей экономике ИЭА, развитие приобретают старые и новые криминальные промыслы, вроде наркопроизводства и наркоторговли, а также домашний труд и ремесла: ковроткачество, вышивка, ювелирное дело и др. - по этим показателям афганские участники были отмечены на международной выставке 1999 г. в Дубае (ОАЭ).

Наркопроизводство и сопутствующие ему торгово-сбытовые операции из полутеневой сферы афганской экономики в годы многолетней гражданской войны перешло в разряд основных: по данным Программы по контролю над наркотиками ООН, производство опиия-сырца в Афганистане выросло в 1998 г. на 5% по сравнению с предыдущим годом и составило около 2200 т, обрабатываемые площади – 63 тыс. га (прогноз 1999 г. еще более потрясающ – 4600 т). Под давлением международного сообщества талибы в июне 1998 г. объявили о запрете производства и сбыта гашиша, но уверяли критиков, что опиум является основным источником доходов населения, в чем были близки к истине. Только в Нангархаре было развернуто 150 героиновых фабрик (для сравнения – по всей стране всего 6 работающих предприятий “обычного” профиля). В Герате появились даже образцовые фермы, где изучались передовые методы производства героина. Но у талибов, пытающихся наладить международный диалог, нет другого выхода, как вести наступление на наркобизнес, и не только ради приличия. Так, весной 1999 г. по их приказу запылал гигантский костер из наркооборудования и наркосырья в том же Нангархаре, а к концу года в прессе появились даже сообщения о сельскохозяйственных проектах замены наркопроизводства на крупномасштабное садоводство и т.п.³²

Аграрная политика – проблемная сфера даже в стабильных хозяйственных системах. Поскольку сегодня это качество начисто отсутствует в базисных структурах афганской общественной жизни, аграрная сфера либо игнорируется, либо политика в этой сфере носит случайный харак-

тер. Подчеркивая свою приверженность шариату и принципу частной собственности, “агрии” ИЭА в реальной жизни нередко преступают их, в угоду своим корпоративным, земляческим и пр. интересам. Иллюстрацией такого подхода может служить конфликт, возникший в провинции Нангархар. Бурную реакцию местного населения вызвало решение властей передать 1350 акров государственной земли в собственность 600 семьям из Логара и Пактии. Особую остроту возникшей ситуации придало и то обстоятельство, что данный участок находится вдоль стратегической трассы Джелалабад – пакистанский пограничный пункт Торхам и сулит большие выгоды. Не случайно среди получателей земли оказались многие торговцы, полевые командиры, а также представители провинциальной администрации – логарцы по происхождению. Собрания местных вождей и старейшин расценили это решение как неприемлемое и обратились к главе государства с требованием пересмотреть дарственный акт, ущемляющий интересы самих нангархарцев³³. Укоренение талибов во власти и сохраняющаяся стагнация экономики не отменили той непреложной истины, что аграрный вопрос в Афганистане – одна из острейших проблем экономической и социальной жизни, а земля остается непреходящей ценностью и источником существования. Лишним доказательством тому стал недавний конфликт по поводу захвата государственных земель в ряде восточных провинций Афганистана местным чиновничеством и близкими к нему лицами. Около 400 старейшин Пактии, Хоста, Пактики и Гардеза ультимативно потребовали вернуть в 15-дневный срок (то есть до 4 февраля 2000 г.) земли в государственную собственность, грозя в ином случае развернуть джихад против талибан, допустивших разбазаривание общенациональных ресурсов³⁴. О злоупотреблениях с землей свидетельствуют и многочисленные жалобы жителей Кабульской области, других регионов, причем все чаще в качестве виновных называют опять же правительственных чиновников, торгующих землей по поддельным документам. Как показывает вышеприведенный и иные подобные примеры, новые правители не избежали искушений в этой сфере, что может серьезно подорвать их имидж радетелей за чистоту ислама и социальную справедливость.

Государственная, прежде всего внутренняя, политика ИЭА являлась и является предметом пристального внимания в центральноазиатском регионе, на более отдаленных рубежах Азии и мире в целом. От талибов не ждали чудес, но одни делали ставки на новизну, другие – внешнюю ангажированность военизированной “семинарской” группировки, третьи – на усталость большей части афганского общества от войны и разрухи и т.д. Но талибы довольно быстро “сбросили” скромные одежды

учеников ислама и наскоро построили вертикаль и горизонталь своей власти, постепенно наполняя ее все новыми конструкциями и “гнездами”. Важное геополитическое и геоэкономическое положение нынешней Центральной Азии, в том числе и ее афганской части, позволило им выступить неинституционализированным, но необходимым партнером и стороной самых масштабных экономических, а на менее очевидном уровне – и политико-стратегических проектов, что объективно способствует их формальной легитимизации в современном международно-правовом пространстве. Между тем эта тенденция по существу своему остается неясной: серьезные религиозно-политические и финансовые обязательства талибов по отношению к третьим сторонам, их внутриэтнические межрегиональные противоречия, тесные, можно сказать генетические, связи с региональной и национальной мафией – вот далеко не полный перечень обстоятельств, препятствующих позитивной динамике на социально-политическом и экономико-географическом пространстве, именуемом самими талибами ИЭА. Как и в некоторых других случаях из новейшей азиатской истории (пример – Китай), в Афганистане в преддверии XXI в. сложилось несколько разновеликих социальных образований, по большей части реальных, но каждое – со своей долей виртуальности: ИГА (узкая полоса афганского севера и анклав национальных меньшинств с военными формированиями северного альянса и его «репатриированными» государственными структурами, почти пятимиллионная афганская диаспора, - по преимуществу маргинализированное, “разрыхленное” и многоликое социальное “вещество”, сохранившее и в чем-то даже развившее индивидуально-групповой интеллектуально-культурный арсенал и его основные коды (особый подвид в нем – афганская община России, вынужденно выработавшая потенциал выживания в экстремальных условиях переходного общества с длительным стагнационно-конфликтным циклом); наконец, ИЭА, эскизный образ которого и был предложен выше. Даже при беглом взгляде оказывается, что социально-экономические границы ИЭА несколько шире его нынешних географических рамок. Конечно, глубоко неверно считать его пятой провинцией Пакистана, но вот социальные, экономические и прочие линии, глубоко уходящие в пакистанскую почву, совершенно очевидны, они уже дали и всходы, - явление, с опаской описываемое в СМИ как “талибанизм”, то есть повторение и приживление афганского опыта талибов, пока – в отдельных племенных территориях Северо-Западной провинции Пакистана³⁵ и речах отдельных же, отставных и действующих, политиков.

Санкции, введенные ООН против ИЭА осенью 1999 г., – новое испытание для афганского народа и его нынешних правителей: заморажи-

вание счетов и активов в зарубежных банках, торговых и других операций, почтовой и других видов связи и прочие многочисленные неудобства, несомненно, дадут повод талибам убедиться в том, кто их друг. Впрочем, талибы, контролирующие почти 90% территории Афганистана, не одиноки в стремлении взять на себя ответственность за судьбу страны. На это претендуют и другие внутриафганские, по нахождению и происхождению, а также базирующиеся в настоящий момент за пределами страны силы – например, движение за созыв чрезвычайной Лоя Джирги, у истоков которого стоял и которое до сих пор символизирует экс-король Захир-шах. Формулу Лоя Джирги поддерживают и структуры ИГА (Б. Раббани – А.Ш. Масуд), базирующиеся в пограничных северных областях Афганистана и частично – за рубежом, до сих пор сохраняющие статус официального, международно признанного режима. Будет ли результативным затянувшийся политический гейм в Афганистане, где самым заметным игроком стал теократический по своей идеологии и военно-бюрократический по форме, персонифицированный (но не харизмой, а мистической неопределенностью, полуполюгендарностью лидера) авторитарно-популистский режим “10 тысяч талибов”, покажет время, а точнее, надвигающийся XXI век. Провокационное по форме и выбранному моменту признание талибами “независимой Ичкерии” в разгар российской военной кампании в Чечне (об этом было объявлено в ходе визита чеченской делегации во главе с З. Яндарбиевым в Кабул в январе 2000 г.), с перспективой формирования на территории ИЭА чеченского правительства в изгнании³⁶ служит скорее своеобразным знаком – приглашением России скорректировать свою афганскую политику, то есть новой попыткой талибов решить собственные проблемы.

Начало 2000 г. ознаменовалось новым дипломатическим наступлением талибов: глава их кабульского правительства М. Раббани нанес визит в Пакистан, а делегация во главе с зам. министра иностранных дел А.Р. Захидом провела переговоры с рядом влиятельных европейских политиков. Пожалуй, впервые представитель руководства ИЭА, глава дипломатического ведомства В.А. Муттавакиль получил возможность изложить некоторые позиции кабульско-кандагарского режима по вопросам внутренней и внешней политики на страницах российской печати³⁷. Но эти и другие “информационные” и коммуникационные прорывы отнюдь не свидетельствуют о переломе отношения к талибам в России и мире в целом: их претензии на государственную власть и воссоздание унитарного афганского государства, а также на полноценное международное признание требуют серьезной корректировки внешней и особенно внутренней политики ИЭА, учета сложившихся внутриафган-

ских и международных реалий. Но эти же реалии не может игнорировать и само международное сообщество в лице ООН и ведущих мировых и региональных держав.

¹ Самая основательная пока работа подготовлена международным коллективом, в основном состоящим из ведущих экспертов-афганистов. – *Fundamentalism reborn?: Afghanistan and the Taliban*. Ed. By W. Maley (New York, 1998). Но, вероятно, в силу остроты и сохраняющейся неопределенности афганской ситуации эта и другие публикации получают прямо противоположные отзывы даже в кругах научной общественности, не говоря уже об афганцах-эмигрантах и тех, кто остается в стране. Упоминаемая книга о движении талибан вызвала, например, ожесточенную полемику среди участников электронного дискуссионного листа "Afghan culture" – в большинстве своем – афганцев, проживающих в США. В кругах зарубежных исследователей и экспертов все же преобладают критические оценки талибов и "талибанизма": такой позиции, например, придерживается один из лучших знатоков проблемы, пакистанский журналист А. Рашид, а также бывший специальный представитель США при "правительстве в изгнании" афганских моджахедов (1989 – 1992) П. Томсен, ныне профессор университета в Омахе (Небраска) – см. его статью *A Chance for Peace*, *Foreign Affairs*, 1999. V. 79. № 1, а также интервью с ним Свободного Афганского Радио от 29 января 2000 (www.afghanradio.com/1292000.htm).

Среди российских материалов о талибах, помимо уже ставших традиционными газетных обзоров А. Умнова, следует назвать претендующий на научный сборник сектора ИВ РАН Афганистан "Проблемы мира и войны". Это издание фактически сохраняет узковедомственный характер, а его авторский коллектив к тому же дублирует свои статьи в журнале "Азия и Африка сегодня".

² *Ahmed Rashid*. Pakistan and Taliban // *Fundamentalism reborn?* P. 77; *POT (Public Opinion Trends. Analyses and News Services)*. Afghanistan Series. May 13 1998. P. 62. На зависимость талибов от афганской опиумной мафии указывает, в частности, Х. Дуран – редактор журнала «Трансислам» (см. его выступление в передаче «Голоса Америки» о борьбе в Афганистане от 11 сентября 1998 г., электронная версия на сервере www.fas.org/irp/world/af/afairs).

³ Немецкий востоковед Д. Ритц, исследуя феномен исламизма в колониальной Индии XX в., выделяет два типа: 1) семинарские движения – группы и течения, группирующиеся вокруг религиозных семинарий типа Деобанда, Барелви, Фаранги Махал и др., и движения веры или возрождения, созданные для усиления и защиты именно веры (Ахл-е Хадит, Ах-рар, Ахмадийе). Формально движение талибан относится к первому типу, хотя идейно-политическая формула его лидеров, особенно после провозглашения ИЭА, не совпадает с постулатами и фетвами Деобанда, как, впрочем, и с возрожденческими программами.

⁴ Пакистанский аналитик, редактор "Defense Journal" А.Р. Сиддики пишет, что талибов "сначала прозвали "личной армией" генерала Бабара" (*The Nation*, April 7, 1999). Об этой стороне деятельности Н. Бабара см., например, в уже упоминаемой главе А. Рашида из коллективной монографии "Fundamentalism reborn?" P. 85.

⁵ *Hafizullah Emadi*, *Radical Islam, Jihad and Cold War in Afghanistan* // *Internationales Asienforum*. 1999. V. 30. № 1-2. P. 6.

⁶ См. электронную версию его беседы с ведущим CNN 8 марта 1999 г. // www.foreign-relations.org/cold-war-chat/Rubin.htm.

⁷ Движение талибан фактически избежало мук и противоречий партийного строительства, через которые прошли и все еще проходят некоторые другие афганские участники политического процесса. Лидер движения мулла М. Омар утверждал в одном из интервью, что талибы – "отряд реформаторов". См. электронную версию его интервью, представленную на дискуссионный лист afghanistan@hypermall.com афганским эмигрантом из

Швеции А. Гуламом 23 января 1999 г. Названные медресе принадлежат к одной из известных мусульманских научно-теологических школ – Деобандской (по местонахождению соответствующего духовного центра – колледжа в г. Деобанд, штат Уттар-Прадеш в северной Индии, основанного в 1879 г. Абул Касимом Нанотви), поэтому многие исследователи почти автоматически причисляют к ней и афганских талибов. То же при случае подчеркивают сами участники и сторонники этого движения. Однако сами иерархи Деобанда, включая главного муфтия Зафирулдина, отнюдь не торопятся признать все новации их ретивых учеников, даже критикуют их за серию запретительных декретов бытового характера. “Мы не знаем, что они проповедуют и что они делают”, – уклончиво реагирует на многочисленные запросы относительно политики талибан ректор того же учреждения. (См. электронную версию статьи Р. Замира Deoband opposes some of Taliban beliefs в газете “Nation” // www.hazara.com).

⁸ Подобного титула был удостоен в 1850-е гг. третий накшбандийский имам Дагестана Шамиль. Он стал суверенным правителем, которому принадлежала верховная светская и религиозная власть, а также судебная власть. (О структуре государства Шамиля см. статью М. Гемера в журнале “Восток”. 1993. № 2.)

⁹ См. версию известного афганского историка Х. Какара в Central Asian Monitor. 1998. V. 4. P. 24; Одно из самых достоверных описаний биографии М. Омара дано журналисткой газеты “Гардиан” С. Голденберг. (Dawn, 15 Oct. 1998). Не подтверждается факт руководства им медресе после падения режима Наджибуллы, приводимый американскими афганистами Р. Магнусом и И. Наби в их книге “Afghanistan: mullah, Marx and mujahid”. (Westview Press, 1998. P. 181.)

¹⁰ Rubin B. Testimony on the Situation in Afghanistan. 1998. Oct. 8. P. 7 (электронный вариант).

¹¹ Roashan M. Islam and Taliban. 1998. Dec. 11 // www.afghanistans.com/countrycorner. Гораздо более жесткую оценку религиозного профиля талибов дает ведущий индийский эксперт по Западной Азии Калим Бахадур: “Ислам талибов – это не ислам шариата или интеллектуалов, а ислам мулл, смешанный с худшими племенными традициями” (Afghanistan and Asian Stability. Ed. By V.D. Chopra (New Delhi, 1998). P. 66.)

¹² The News International. 1998. Nov. 3.

¹³ Декрет, запрещающий деятельность политических партий в ИЭА, был обнародован муллой М. Омаром в начале июля 1998 г. Обосновывая его, представитель руководства эмирата моулави В. Ахмад отмечал, что “при существующей системе нет нужды в политических партиях, которые способны лишь расшатать идеологическое единство страны и привести к ее дезинтеграции” (Frontier Post, 1998. July 6; POT. Afghanistan Series. 1998. August 6.)

¹⁴ www.afghanistans.com/dgrr_ten_thousands_taleb.htm

¹⁵ Dawn. 1999. Nov. 28; The Times of India. 1999. Nov. 30.

¹⁶ Dawn. 1999. Dec. 14. Списки лиц указанных категорий должны быть рассмотрены Советом министров ИЭА.

¹⁷ POT. SWB BBC, FE/3336 A/1. South Asia. 1998. 19 Sept.

¹⁸ О некоторых мерах властей ИЭА в различных областях общественной жизни см.: Коргул В.Г. Афганистан: политика и политики. М., 1999. С. 122 – 127.

¹⁹ POT. FE/3331 A/3. 1998. 14 Sept.

²⁰ The News International. 1999. 26 Jan.

²¹ Правозащитные организации провели расследование Мазарских событий августа 1998 г. и подготовили соответствующие материалы для мирового сообщества. Большое внимание этой теме уделяли и средства массовой информации (см., например: Washington Post. 1998. Nov. 28). Автор данной статьи присутствовал при телефонном разговоре афганца-пуштуна с родственником, находящимся в тот момент в Мазари-Шерифе (разговор велся из Барнаула): судьба его сложилась благополучно, как и тех, кому за взятку был предложен “коридор” из города.

²² Frontier Post, 1998. 28 Oct.

²³ Hinduism Today, issue 4, 1994 (электронная версия [www.spiritweb.org / Hinduism Today / 94-04-Afghanistan-Hindus.html](http://www.spiritweb.org/HinduismToday/94-04-Afghanistan-Hindus.html)); The Times of India, 1998. 24 Oct.

²⁴ Frontier Post. 1998. Nov. 10.

²⁵ The Guardian. 1999. Nov. 26.

²⁶ См. электронный вариант интервью главы департамента образования провинции Кунар, моулави А. Хаккани газете Dharb-i-M'umin, представленный на дискуссионный лист afghanistan@hypermall.com 30 ноября 1998 г.

²⁷ См. электронный вариант сообщения о проблемах денежного обращения в ИЭА на сервере Afghanistan Azadi Radio // www.afghanradio.com/Nov28o1999TalibCurrency.htm

²⁸ The News International. 1999. Feb. 9. Постоянный автор афганского дискуссионного листа afghanistan@hypermall.com расценил этот проект как безумие, именно потому, что его предстояло реализовать в "Корруптистане" (Пакистане).

²⁹ Информация агентства Ассошиэйтед Пресс, представленная на афганский дискуссионный лист afghanistan@hypermall.com от 5 февраля 1999 г.

³⁰ Dawn. 1999. Feb. 5.

³¹ Frontier Post. 1999. 26 Jan.

³² Business Recorder. 1999. Dec. 20.

³³ Frontier Post. 1999. 13 March.

³⁴ Материалы агентства Рейтер по этому эпизоду воспроизводит в электронной версии Свободное Афганское Радио: <http://www.afghanradio.com/jan25a2000.htm>

³⁵ Dawn, 11 Feb. 1999. Например, систему правления афганских талибов открыто пропагандирует в Пакистане один из их главных духовных наставников маулави Фазлур Рахман – лидер Джамаат улама ислам (Dharb-i-M'umin. 1999. 10th Dec.)

³⁶ См. материал А. Умнова "Талибам нужен Афганистан, а не Чечня" (Независимая газета. 2000. 20 янв.), а также информацию Свободного Афганского Радио от 23 января того же года. // <http://www.afghanradio.com>

³⁷ Независимая газета. 2000. 17 февр. В нескольких февральских номерах этого же влиятельного российского издания была помещена целая серия репортажей, изображающих ситуацию в ИЭА в почти мажорных тонах. Такие факты весьма симптоматичны: возможно, по политическим соображениям либо по убеждению определенные круги в России склонны налаживать деловые контакты с талибами. Это один из путей урегулирования афганской проблемы, указываемый российскими экспертами-востоковедами еще несколько лет назад.

Приложение

Структура и состав правительства ИЭА

Действующий глава – мулла Мухаммад Раббани

Зам. главы – мулла Мухаммад Хасан Ахунд

Министерство иностранных дел:

Министр иностранных дел – мулла Абдул Вакиль Муттавакиль

Зам. министра – Мухаммад Джалиль

Зам. министра – Абдул Рахман Захид

"Министерство морали", или "Полиция нравов"

Официальный отдел:

Начальник официального отдела – мулла Амир Хан Муттаки

Министерство внутренних дел:

Министр – мулла Абдул Раззак

Министерство финансов:

Министр – мулла Мухаммад Тахир Акбари

Министерство информации и культуры:
Министр – мулла Кудратулла
Министерство юстиции:
Министр – Нуруддин Тураби
Министерство связи:
Министр – Раджа Набир Парвиз
Зам. министра – мулла Аллахдад Сайед
Отдел почтовой связи – моулави Аллах Дад Балхи
Министерство сельского хозяйства:
Министр – моулави Абдул Латиф Мансур
Министерство планирования:
Министр – Кари Дин Мохаммад Ханиф
(председатель экономической комиссии)
Министерство горнорудных дел и промышленности:
Министр – моулави Ахмад Джан
Зам. министра – Абдул Салам Заиф
Афганский национальный банк:
Управляющий – моулави Масиулла Ахмеди
Афганский исламский банк (г. Карачи, Пакистан):
Директор – моулави Рахматулла
Афганский государственный банк
Зам. председателя – Саид Махмудулла
Разведывательная служба:
Начальник – Кари Ахмедулла
Высшая комиссия по борьбе с наркотиками:
Председатель – мулла Абдул Халид Ахунд
Министерство социального обеспечения
Министерство торговли:
Зам. министра – Алладод Тайоб
Зам. министра – Мухаммад Файзан
Министерство здравоохранения:
Министр – Мулла Мухаммад Аббас Станакзай
Зам. министра – Хаджи Шир Мухаммад Станакзай
Министерство хадджа:
Зам. министра – ответственный за фонд хадджа – моулави Мухаммад Муслим Хаккани
Министерство электро- и водоснабжения:
Министр – Кари Хамидулла

Примечание: данный список, составленный автором по материалам пакистанской прессы и афганских электронных информационных каналов, отражает примерную структуру и персональный состав кабинета ИЗА, то есть действующего правительства, базирующегося в Кабуле, в основном по состоянию на конец 1999 г.

С.Н. Мирошников

(Томский государственный университет)

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕСТО ТОМСКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современное состояние международных отношений позволяет говорить о совершенно новом их качестве, которое уже определили броским словом “глобализация” (хотя справедливости ради нужно отметить, что тезис о наступлении глобализации поддерживается далеко не всеми исследователями). Чаще всего глобализация характеризуется усилившейся взаимозависимостью мира, изменением состояния мировой финансовой системы (особенно таких ее качеств, как глобальный характер функционирования, прозрачность финансовых межгосударственных границ и изменение функции денег), резким обострением экологических проблем, информационной революцией и появлением всемирной информационной сети Интернет, резким увеличением миграционных потоков в связи с обострением этносоциальных, демографических и продовольственных проблем в странах третьего мира, изменением роли государства, регионов, городов и отдельных личностей в решении стоящих перед человечеством проблем, мощным вторжением в сферу компетенции национальных государств международных неправительственных организаций. Распространение этих процессов по всему миру крайне неравномерно и очень разнообразно, что позволяет многим ставить вопрос о пространстве глобализации. К примеру, если экологические проблемы остро стоят перед всеми народами и государствами мира, представляя собой глобальную угрозу выживаемости для всего человечества и, следовательно, имеют одинаково отрицательные последствия как для богатых, так и для бедных стран (хотя возможности ответить на возникшую угрозу у этих стран различные), то глобальный характер информационной революции, изменение функций государств, городов и т.д. отличается большим разнообразием и глубиной происходящих процессов в различных странах, создавая различные зоны распространения глобализации. Страны, если так можно назвать, “ядра” глобализации, развитые индустриальные страны мира во главе с США выигрывают от становления взаимозависимого и глобального мира “по

той причине, - пишет профессор Парижского института политических исследований А.Валиадао, - что их собственное общество уже частично глобализировано и живет в условиях, когда отдельные люди и различные объединения постоянно ищут правила поведения, которые не нарушали бы их взаимоотношений. Америка оказалась сейчас в центре мира, потому что весь мир находится в Америке. Экономическая мощь и новаторский характер американского капитализма позволяют США стать практически единственным центром распространения нововведений в технологической, финансовой, организационно-управленческой сферах мировой экономики. США являются сейчас одновременно и двигателем и экспериментальной лабораторией того, что называется глобализацией¹.

В то же время процессы, происходящие в африканских странах, странах Азии, дают много пищи для сомнений в том, что процесс глобализации охватывает все страны мира. Демографический взрыв, резкое усиление межэтнической и межконфессиональной вражды, усиление борьбы за водные, земельные и продовольственные ресурсы и в связи с этим ухудшение экологической обстановки, усиление миграционных потоков как внутри афроазиатских стран, так и из них в более богатые страны способствуют тому, что многие страны не только не приближаются по своему уровню развития и доходу своих граждан на душу населения к развитым страна, но этот разрыв все более углубляется. Хотя и здесь не все так однозначно, и в последнее время появились исследования, которые показывают, что увеличение разрыва между промышленным Севером и отсталым Югом остановилось на рубеже восьмидесятых годов и в настоящее время начинает все более явственно проявляться тенденция к сокращению разрыва, к дифференциации уже внутри развивающихся стран, появлением среди них стран, которые благодаря внутренним преобразованиям, правильному использованию природных богатств начинают все более активно сокращать свое отставание от индустриальных стран².

Говорить, что процессы глобализации не затрагивают те или иные страны, по-моему, не совсем правильно. Другое дело, в какой степени те или другие страны и регионы втянуты в данный процесс и, следовательно, какие данное государство или регион должно решать проблемы, чтобы процесс глобализации приносил им дивиденды, а не отбрасывал на обочину мировой истории. Вот вопросы, на которые необходимо дать ответ. В данной статье автор попытается суммировать имеющиеся в литературе взгляды на процессы глобализации, на то, какие задачи стоят перед Россией в свете глобализации, а в этом контексте определить место и роль Сибири в этих процессах.

Итак, что же такое глобализация и какие изменения она несет в современный мир? Однозначного определения глобализации не существует, однако можно выделить совершенно новые моменты развития человечества, которые позволяют говорить о наступлении эпохи глобализации. Значительное количество работ, посвященных глобализации, обращают внимание на значительные изменения, происшедшие со времени Второй мировой войны в экономической сфере. Предпосылкой появления этих новых элементов, несомненно, явилась научно-техническая революция и, в частности, информационная революция, которая позволила создать глобальные информационные сети, способствующие быстрому и повсеместному распространению информации, что, несомненно, привело к резкому обострению конкурентной борьбы на мировом пространстве и борьбы за природные и информационные ресурсы. Этот процесс в совокупности с крахом Бреттон-Вудской системы и отменой фиксированных курсов валют в начале семидесятых годов привел к размытию ранее замкнутых финансовых границ национальных государств, глобализации финансовой сферы и изменению функций денег (деньги сами превратились в товар, а спекуляции на изменениях курсов валют – в наиболее выгодную рыночную операцию). В этой ситуации государства вынуждены были пойти на дерегулирование сферы финансовой деятельности. Были проведены меры по снятию ограничений с величины процентных ставок, снижению налогов и комиссионных сборов с финансовых транзакций, открытие доступа на внутренний финансовый рынок иностранным банкам, разрешение конкурировать с банками страховым компаниям и другим финансовым институтам. К тому же появился значительный новый банковский инструментарий, позволяющий обходить ранее существовавшие правила и ограничения. Следствием этих процессов явилась резкая интернационализация международных транзакций (объем ежедневных валютных сделок увеличился с 250 млрд. дол. в 1985 г. до 1 трлн. дол. в начале 90-х) и неконтролируемое перемещение огромных денежных масс. Уменьшение влияния национального государства на направления финансовых потоков и превращение денег в товар привели к значительному усилению неопределенности на финансовом рынке и возможности огромных спекуляций.

Интернационализация экономики также происходит впечатляющими темпами. Если индустриально развитые страны уже пережили две волны либерализации своих экономик – с 1946 по 1973 г. и с середины 80-х, после преодоления экономического кризиса, по сегодняшний день, – то развивающиеся страны стали на этот путь с середины восьмидесятых годов, когда в большинстве стран произошел поворот от ориентации вовнутрь к стратегии вхождения в мировое экономическое пространство.

С 1986 по 1995 г. из 72 односторонних соглашений о либерализации торговых режимов 58 пришлось на долю развивающихся стран. В ходе Уругвайского раунда число участников ГАТТ/ВТО из развивающихся стран увеличилось с 67 в 1990 г. до 93 в 1994 г., а к началу 1997 г. к ним присоединились еще семь стран³.

Все вышеперечисленные факторы резко поставили вопрос о выработке на глобальном уровне определенной политики, позволившей предотвратить негативное воздействие процессов глобализации в экономической сфере, подобно экономическим кризисам 1987 и 1997 – 1999 гг. Соответственно резко усилилась роль международных правительственных организаций, отвечающих за международную финансовую стабильность, в первую очередь МВФ, ВТО в создании стабильно действующей мировой экономической системы. С другой стороны, резкое усиление роли международных правительственных организаций привело к их кризису, так как по большинству критериев они не были готовы к новой роли.

Международные правительственные и неправительственные организации и даже отдельные личности в условиях значительной информированности общества начинают брать на себя функции национального государства и те вынуждены с ними считаться и искать взаимодовлетворяющего решения. Резко усиливается роль больших городов, которые благодаря концентрации в своих границах значительной части экономической активности, финансовой и политической мощи начинают влиять не только на свое собственное государство, но и становятся самостоятельными акторами на международной сцене.

Демографический взрыв, начавшийся в 50 – 60-е гг. XX столетия в развивающихся странах, привел к тому, что его последствия также стали приобретать глобальный характер. Если в первой половине XX столетия общее количество жителей земли увеличилось с 1 млрд. до 2,5 млрд., то во второй половине этого века население увеличилось на 3,5 млрд. жителей, достигнув к 1999 г. отметки 6 млрд. А по оценкам специалистов, к 2015 г. население мира может возрасти до 7,8 млрд. человек. Резкий рост населения привел к обострению борьбы за природные, продовольственные, энергетические ресурсы, обострению экологической ситуации. Результатом чего стало разрастание межэтнических, межплеменных и межконфессиональных трений, часто перерастающих в военные столкновения между государствами, усиление политической нестабильности и резкое увеличение миграционных потоков в странах третьего мира (число беженцев с 1 млн. в начале шестидесятых годов увеличилось до 27,4 млн. в 1995 г., а число эмигрантов оценивается в 110 – 130 млн. человек⁴). Миграционный поток направляется в развитые

страны (США, Канада, Западная Европа), создавая значительное количество проблем как в социальной сфере, так и в области межнациональных отношений, что приводит к росту националистических сил и внутренней нестабильности уже в развитых государствах. И все это происходит на фоне сокращения рождаемости и старения населения развитых стран, что еще более усугубляет проблему.

Массовое перемещение людей и угрожающий рост населения в беднейших странах также требуют от мирового сообщества скоординированной политики в области регулирования роста населения и миграционных потоков.

Глобальный характер принимают, как уже упоминалось, экологические проблемы. В первую очередь, это загрязнение воздуха и как следствие глобальное потепление климата, ухудшение состояния водных ресурсов и в то же время резкое увеличение потребления воды (с 1940 по 1980 г. потребление воды удвоилось, то же самое произошло и в период с 1980 по 1999 г.), уничтожение озонового слоя. Опасность представляет истощение почвенного покрова земли. Человечество уже потеряло 2 млрд. га плодородных земель, превратив их в безжизненные пустыни, причем идет ускоренная эрозия почвы, получившая название "тихого кризиса планеты". По мнению многих ученых, наибольшую угрозу жизни Земли представляют вырубка лесов и сокращение биологического разнообразия планеты (в XX веке исчезли около 25 тыс. видов высших растений и более 1 тыс. видов животных)⁴.

Общемировой характер приобретают в настоящее время проблемы связанные с ростом организованной преступности, для которой практически перестали существовать национальные границы. Угрожающие масштабы приобретает обороты наркотиков. Доходы от сбыта наркотического зелья притягивают в эту сферу различные преступные группировки, связывая их воедино. В результате образовались мощные транснациональные преступные организации, доход некоторых из них сопоставим с бюджетами многих стран, что позволяет им оказывать влияние на международные отношения и политику некоторых государств мира.

Серьезную опасность приобретает в настоящее время международный терроризм, оказывая дестабилизирующее влияние на внутриполитические процессы в странах, мешая правительствам проводить в жизнь меры, направленные на укрепление государственных структур, борьбу с коррупцией, создание эффективно работающего экономического механизма. Используя различные идеологические догмы, международный терроризм способствует сохранению очагов напряженности в мире и консервации отсталости стран.

Все вышеперечисленные проблемы, которые определяют понятие "глобализация", требуют усилий всего мирового сообщества и соответственно выдвигают на первый план вопрос о роли национальных государств в этом процессе. То, что роль государства меняется, - бесспорный факт. Вопрос в другом: в каком направлении происходят эти изменения? Определенное количество ученых считают, что государство умирает, превращаясь в "ностальгическую функцию", сохраняющую известный политический смысл, но полностью девальвированную с точки зрения экономики⁶. На место государства приходят транснациональные корпорации (ТНК), и государству нужно смириться с размытием экономических границ. Внутри национальных государств под воздействием ТНК складываются "регионы государства", чья экономика развивается успешнее других частей страны и оказывает на них сильное экономическое влияние (например, Северная Италия и Баден-Вюртемберг в Германии). К тому же часто данные территории охватывают земли различных стран, например земли между Сан-Диего в США и Тихуаной в Мексике⁷.

Однако в настоящее время превалирует другая точка зрения на роль национального государства в процессе глобализации. Глобализация, в трудах сторонников этой точки зрения, рассматривается не как линейный процесс, а как процесс "неровного развития, который одновременно расчленяет и координирует"⁸. Для национального государства это означает, что, с одной стороны, государство ослабевает, передавая часть своих функций на местный уровень, международным правительственным и неправительственным организациям, ТНК, что совершенно необходимо для учета интересов всех субъектов в быстро усложняющемся мире. С другой стороны, национальное государство усиливается, приобретая новые функции и продолжая играть роль главного и единственного связующего звена между действующими лицами и организациями как на мировой арене, так и внутри собственного государства, создавая и поддерживая усложненные правила игры и устраняя возникающие между участниками противоречия.

В то же время необходимо отметить, что в процессе догоняющего развития, когда государство должно решать задачу вхождения в глобализированный мир, преодолевая свою отсталость, которая обусловлена в первую очередь неразвитостью рынка и политической демократии, обеспечивающих конкуренцию, лежащую в основе механизма общественной саморегуляции и саморазвития, функции государства значительно усложняются и включают в себя значительно более широкий круг функций и более значительный элемент влияния субъективного фактора. Причем государству обычно приходится действовать во вре-

менном цейтноте, когда приходится одновременно решать задачи разновременного плана, на решение которых развитые рыночные государства тратили десятилетия, а иногда и столетия. Несмотря на специфику отдельных стран решения проблем, стоящих перед национальными правительствами, носят адаптационный характер и не могут быть осуществлены без прямого государственного участия и предполагают достаточно активную, часто расширяющуюся роль государства.

В ходе проведения подобных мероприятий государство встает перед проблемой выбора рамок и направленности своего развития. Россия в условиях переходного периода поставлена перед необходимостью выбирать свое место в глобализированном мире и методы своего вхождения в него. Причем именно в настоящее время Россия стоит перед дилеммой: или она приобретает внутреннюю устойчивость в результате выбора концепции развития и целенаправленной реализации такого выбора, что приводит к формированию совершенно нового менталитета (некоторые исследователи говорят даже о другом русском народе), либо она превращается в территорию, лишенную политической и институциональной устойчивости и соответственно в предмет деятельности международных сил. Что же требуется для правильного выбора? Необходимо, по-моему, совершенно четкое осознание того, что в настоящее время для развития страны необходимо развитие ЧЕЛОВЕКА в самом широком смысле этого слова. Во-первых, изменение его представления об этом мире и его месте в нем путем развития веры в демократические ценности и уважения к закону, развитие в нем понимания того, что государство должно обеспечивать только внешние рамки его деятельности, а его благосостояние должно зависеть только от его труда, таланта, предприимчивости и т.д. Во-вторых, понимание того, что дальнейшая судьба России зависит от осознания того факта, что сферы, определяющие дальнейшее развитие человечества, лежат в создании инновационных технологий, опирающихся на новые методы воспроизводства человеческого капитала. Под "человеческим капиталом" здесь понимается способность человека создавать потребительские ценности, используя культурный, финансовый, организационный, технологический, инфраструктурный, промышленный, политический потенциал. Главное в создании востребованного человеческого капитала является не передача знаний, а изменение способов его восприятия и переработки, т.е. методология мышления. Соответственно увеличивается роль институтов, поставляющих человеческий капитал, которые превращаются в институты управленцев, в первую очередь, в гуманитарной сфере. В-третьих, резко возрастает роль российских городов, где сфокусированы "фабрики по производству человеческого капитала", финансовая и де-

ловая активность, интеллектуальная элита, телекоммуникационная инфраструктура. Именно города должны проецировать новый подход на новые и новые территории, втягивая их в свою сферу влияния.

В этой связи резко возрастает роль Томска как одной из мощнейших “фабрик человеческого капитала” как для Западно-Сибирского, так и Центрально-Азиатского региона. Именно Томск призван, опираясь на свой огромный научный потенциал, определить место и вектор развития Западной Сибири и России, формулу их взаимоотношений и отношений с остальным миром, способствовать осознанию необходимости изменения подходов к “человеческому капиталу” как главной основе возрождения России.

¹ Цит. по: Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3. С. 15.

² Шишков Ю. Эволюция мирового сообщества: поляризация или возрастание гомогенности? // Мировая экономика и международные отношения, 1998. № 9. С. 5 – 21.

³ Максимова М. В XXI век – со старыми и новыми глобальными проблемами // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 6.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Шишков Ю. Указ. соч. С. 61.

⁶ Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of the Regional Economies. L., 1995. P. 12.

⁷ Op. cit. P. 80.

⁸ Цит. по: Иглицкий Ю. Национальное государство под натиском глобализации // Pro et contra. Осень 1999. Проблемы глобализации.

Содержание

Предисловие	3
Зиновьев В.П. Определение южных границ Западной Сибири в XVIII – XIX вв. ©	5
Шиловский М.В. К вопросу об открытии Каракорума. ©	11
Карих Е.В. Межэтнические контакты казахов на Алтае в хозяйственной сфере в XIX - начале XX вв. ©	15
Старцев А.В. Экономическая политика России в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. ©	23
Бражевская Е. Национальный состав Казахстана по данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 года ©	73
Айтмухамбетов А.А. Аульные школы на территории Акмолинской и Семипалатинской областей ©	81
Ермекбаев Ж.А. Эволюция национального самосознания казахов ©	93
Бармин В.А. Позиция Советского Союза в отношении национального освободительного движения коренных народов Синьцзяна 1944 – 1945 гг. ©	100
Носов А.А. Проблема определения правового статуса Каспийского моря ©	118
Лицарева Е.Ю. Внешнеэкономические связи Томской области в Азии ©	(131)
Циренжапова М.А. Построение международных связей субъектов Российской Федерации с нуля: на примере Бурятии ©	(138)
Петренко А.В. "Русский вопрос" в современном Казахстане © ...	144
Тышкевич Е.Ю. Инвестиционная политика Казахстана ©	152
Бойко В.А. Исламский Эмират Афганистан в преддверии XXI века: контуры государственной политики ©	(157)
Мирошников С.Н. Процессы глобализации и место Томска в современном мире ©	(181)

СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Редактор *В.С. Сумарокова*

Лицензия ЛР 040749 от 18.03.96 г. Подписано в печать 19.05.2000 г.

Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Ризография.

Печ. л. 11,8; усл. печ. л. 10,9; уч.-изд. л. 11,2.

Тираж 200 экз. Заказ **9**

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ПФ "Спринт", 634050, г. Томск, пр. Ленина, 2а

1-872393

Томский государственный университет

Научная библиотека 00201997